

СЕРГЕЙ САВЕЛОВ

Шанс

КОММУНИЗМ -
ЭТО МОЛОДОСТЬ
И ЕГО
ВОЗВРАЩЕНИЕ
МОЛОДЫМ
МАЯКОВСКИЙ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Книга 4

18+

Сергей Савелов

Шанс. Книга 4

«ЛитРес: Черновики»

2020

Савелов С.

Шанс. Книга 4 / С. Савелов — «ЛитРес: Черновики», 2020

Главный герой понял бесполезность попыток спасти СССР и решил отказаться от первоначальных замыслов, продолжая жить обычной жизнью подростка и студента, но человеческая совесть не позволяет спокойно сидеть на месте, зная, что погибнут советские люди, да и влиятельные начальники не хотят оставить его в покое. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1.	5
Размышления.	5
Творчество.	8
Дом.	10
Гуля.	13
Заводские ребята.	14
Концерт.	17
Встреча с Гулей.	19
Ноябрьская демонстрация.	20
Москва.	21
Коррекция уголовного дела.	29
Маринка.	30
Глава 2.	31
Школа.	31
Бокс.	35
Мужские слабости.	38
Отступление. Наташкины родители.	45
Шашлык.	46
Глава 3.	48
Мужская мода.	48
Выбор ВУЗа.	51
Последний звонок.	53
Экзамены.	58
Выпускной.	60
Обиды.	69
Глава 4.	71
Приезд.	71
Пацаны.	77
Поездка в Москву.	80
Паша.	85
Отступление. Мазуров К. Т.	86
Глава 5.	88
Подача документов.	88
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Глава 1.

Размышления.

Расслабился я. После посещения «большого» дома некоторое время жил в состоянии эйфории и это понятно. Неожиданная смерть Романова с Ксенофонтовым, на которых возлагал большие надежды, выбила из колеи и всеобъемлющий страх поглотил меня. Все чего я боялся, когда только задумывался о вмешательстве в историю, стало казаться реальностью. Как и прежде ходил в школу, на секцию, разговаривал с друзьями и знакомыми, а сам все гадал – когда же придут за мной? В разговорах с учителями, незнакомыми людьми искал скрытый подтекст и коварные замыслы. В приступе паранойи, опасаясь прослушки, на лестничной площадке отключил телефон, но бригада из вневедомственной охраны восстановила связь, так как квартира находилась под охраной. Ограничил свои перемещения по городу, а когда приходилось ходить в школу, магазин, на секцию или еще куда, то пытался проверяться, стараясь заметить слежку. Ничего не замечал, но успокоиться не мог. Чего в те дни я только не предположил?

Близкие мне люди – теть Света с Наташкой заметили мое состояние и попытались расспросить о причинах, но что я мог сказать? Заставлял себя улыбаться и отшучивался.

Со временем паранойя притупилась, но полностью не ушла. В таком состоянии провел майские праздники и вот вызов на Литейный.

Какое же облегчение я испытал после беседы! Несколько дней летал в эйфории.

Я свободен, словно птица в небесах,

Я свободен, я забыл, что значит страх!

Наконец-то заметил, что весна, жара и духота на улицах, девчонки ходят в коротких платьицах, сверкая ножками, а через две недели будет Последний звонок и начнутся выпускные экзамены, а самое главное – до меня нет никого дела большим людям.

Несколько дней жил в состоянии эйфории, но потом через некоторое время все же задумался – все ли я сделал, чтобы защитить себя и своих близких? Где мог допустить ошибку, способную помочь вычислить меня, как провидца друзьям или недругам? Я уже сократил жизнь многим людям, летящим в том злосчастном самолете. Или это не я? Ушли ли с Романовым и Ксенофонтовым все сведения обо мне? Уничтожили ли они все мои записки? Без записок только подозрительно выглядит моя активность при выходе на Романова со сведениями о Григорьеве. Откуда я мог узнать про преступника? Кто об этом знании может знать? Домработница. Как там ее зовут? Клавдия... А, неважно. Дочь первого секретаря Ленинградского ОБКОМа с зятем.

Наверняка вскоре Григорьева задержали и раскололи, а после этого Ксенофонтов поехал на мою родину выяснять обо мне. Если домработницу и дочку с зятем Романова опросят и сопоставят с датой поездки Ксенофонтова, то мой ответ кагэбэшнику, что это идея Ксенофонтова – моя помощь в поимке преступника, окажется ложью. Однако это не доказательство моих сверхъестественных способностей и возможностей.

Какие еще ошибки я совершил, допустил? Только ли версия с Григорьевым? Не убивать же Клаву и Наташу с Левой? Нет, не настолько я кровожаден.

Через некоторое время устал об этом думать, но начал размышлять о том, чего я хотел, добиваясь встречи с Романовым? В целом – не допустить глобальных ошибок в историческом курсе страны. Может надо было быть более активным? Отдал Романову часть информации из будущего и успокоился, надеясь на то, что время еще есть, а оно – вон как все повернулось.

Может и не надо было этого делать? Тогда Романов с Ксенофонтовым были бы живы? Кто виноват в авиакатастрофе? Я? Андропов? Зарубежные разведки? Советская безалаберность

и пресловутый человеческий фактор в лице пилотов или авиатехников? Метеоусловия или техническая поломка? Хотя последнее вряд ли, так как Романов в моей первой истории дожил до 2008 года. Значит, хоть и косвенно, виноват в его смерти я? Затронул бабочку Брэдбери?

Что же Романову, а значит и мне удалось? Горбачева не назначили Секретарем ЦК. И все? С Афганистаном ничего не ясно. Вероятно, не стоило заикливаться на одном Романове. Может нужно было информировать других влиятельных Членов Политбюро? Тогда еще больше было бы шансов, что о моих способностях узнали другие.

О чем я думаю? – охладила мысль. Забыл, как еще недавно шарахался от собственной тени? Однако можно было придумать, как передавать информацию из будущего анонимно. Хотя, вряд ли кого-нибудь заинтересовали бы анонимки. Сколько всяких сумасшедших, кляузников и прочих пишут наверх? Да и кого информировать? Брежнева? Андропова? Устинова? Гришина? Мазурова? Тихонова? Большинству осталось жить совсем немного, да и не нужно ничего менять многим из них.

Возможно ли изменить исторический курс страны с этими людьми? Более сильным историческим деятелям Петру 1, Сталину сколько понадобилось времени и усилий для того, чтобы изменить курс страны, справиться с противодействием противников и врагов, создать собственные команды и добиться своих целей? Но все равно многое не удалось, если их последователям за относительно короткое время удалось похоронить многие начинания.

Правда народ они не жалели, хотя действовали от имени народа или в интересах России, а также постоянно оглядывались на развитые западные страны и использовали их помощь.

Если бы наши люди жили более благополучно, состоялась бы Перестройка и последующий развал СССР? Для этого необходимо ой, как много сделать! Перестать оказывать помощь всем странам, объявивших о социалистическом пути развития и желающих получать от нас безвозмездную финансовую и экономическую помощь, а также братским социалистическим странам и направить высвободившиеся средства на внутреннее развитие страны и повышение жизненного уровня собственного народа.

Но и этого недостаточно – надо менять всю внутреннюю политику. Перестать кормить свои национальные окраины за счет государствообразующего народа – русских. Пусть живут по средствам, которые реально заработают. Ликвидировать все национальные республики со своими правительствами и коммунистическими партиями, а то живут, как государства в государстве и презирают русских, хотя и живут за наш счет.

Ограничить аппетиты нашего военно-промышленного комплекса и перераспределить средства на развитие науки, электроники, технологий, легкой промышленности и сельского хозяйства.

В будущем читал труды академика Милова, ныне еще живущего. Он доступно объяснил причины, по которым нам никогда не достичь уровня западных стран в сельском хозяйстве и промышленности. Страна большая, но зерновые можно успешно выращивать только в нескольких южных областях. Также с животноводством, производством молока и прочих продуктов питания.

Опять же мы не сможем конкурировать с развитыми западными странами и в промышленности в целом, так как себестоимость нашей продукции будет выше из-за протяженности дорог, перепада годовой температуры и холодных зим на большей части территории страны. Еще и социалистическая интеграция мешает. Одну деталь делают в Белоруссии, другую в Прибалтике, третью на Украине, а собирают в Подмоскovie окончательный агрегат. Какая тут к черту логистика!? Какая протяженность и состояние дорог? Сужу по разговорам своих родителей и других людей, работающих на нашем заводе. Еще бы снизить процент брака продукции, выпускаемой с предприятий и ликвидировать колхозную бесхозяйственность!

Разрешить частное предпринимательство в виде фермерских хозяйств, семейного подворья, частных пекарен, парикмахерских, производства мелкого ширпотреба, строительства и

прочих предприятий, до которых у государства руки не доходят, а этим в настоящее время пользуются дельцы теневой экономики. Сколько строительных бригад, организованных выходцами из южных республик, болтаются по колхозам Нечерноземья и строят? Мой отец с мужиками тоже брали подряды и строили или ремонтировали колхозные объекты. Значит свободные деньги и немалые в колхозах есть, а не хватает только умелых рабочих рук. У предприимчивых людей будет куда тратить свою энергию.

В целом, у нас самодостаточная страна. Где-то хуже, чем у других, но есть и успехи. Мы можем всем обеспечить наше население – продуктами питания и изделиями легкой промышленности. Вероятно, не в столь широком ассортименте, как на Западе. К тому же, мы в мировых лидерах в космосе, тяжелой и атомной промышленности, добыче полезных ископаемых и многих научных отраслях.

Мы не можем выращивать апельсины-бананы и другие экзотические фрукты с овощами, но можем обойтись без них или покупать (обменивать) на то, чего нет у них.

Способно ли наше руководство на эти изменения или хотя бы часть, чтобы снизить внутреннее напряжение и недовольство дефицитом? Брежнев со своим престарелым окружением? Или другой, кто-то влиятельный? Вряд ли.

Хотелось бы верить, что Андропов, а затем Горбачев пытались это реализовать, но у Андропова не хватило времени, а Горбачев оказался слаб, как руководитель и система с непродуманной «перестройкой» вышла из-под контроля. Стоило еще больше ухудшиться условиям жизни у большинства населения, как все с равнодушием и готовностью согласилось на развал СССР и отказ от социализма. Хотелось бы верить, что это не было создано искусственно, а Андропов с Горбачевым – не враги.

Начнись война или случись другой катаклизм – возможно руководство страны пойдет на мобилизацию всех ресурсов и людей, изменения в экономической политике, а люди, несомненно, поддержат, а то только пугают с высоких трибун враждебным окружением, напряжением и обострением международной обстановки, но это уже никто не воспринимает, как угрозу, зато наглядно все видят, как живут чиновники и партийные секретари – так называемые слуги народа.

Позволят ли реорганизацию народного хозяйства идеологи во главе с Сусловым? Ответ без вариантов – НЕТ! Возможен ли путь повышения благосостояния простых людей без катаклизмов и без жертв? Испокон веков низы жили своей жизнью в отличие от властей и всегда существовало негласное противостояние – они и мы. Вероятно, все же нужна война или угроза существования народа, чтобы поменять мировоззрение всех от верха до низа, пока окончательно население не разложилось шмотками, магнитофонами, автомобилями, хрусталем и прочими атрибутами советского мещанства, а человек не совершенен и всегда хочет большего.

Неужели нет другого пути? По-видимому, нет в это время и с этими руководителями. Большинству из них главное дожить спокойно до смерти, а после пусть расхлебывают последователи, поэтому и не хотят никаких перемен.

Романову как-то удалось не допустить Горбачева к власти и оставить в Политбюро Мазурова. Надолго ли? Теперь бы не было ввода наших войск в Афганистан. По-видимому, это два основных момента в истории СССР, на которые мог повлиять Романов и настаивал я.

А дальше что? – задумался. Буду жить жизнью обычного советского подростка – заканчивать школу, поступать в ВУЗ, только еще надо выбрать – какой, любить девчонок, создавать песни и торговать ими... Хватит рисковать своей и близких мне людей свободой или жизнью.

Все эти мысли гонял в голове на досуге и перед сном, вспоминал и придумывал песни. Денег, как всегда не хватало.

Творчество.

Иосиф Аркадьевич, московский администратор выполнил частично свое обещание и протащил через худсовет две песни, где автором стихов числюсь я – «Я рожден...» и «Кино идет...».

С музыкой не получилось. Мэтры-композиторы не признали неизвестного выскочку без музыкального образования за своего.

Песни уже поют, так что можно отправляться в ВААП и регистрировать свои тексты, но что-то боязно сейчас. Раньше, когда еще был жив Романов я все откладывал поход к чиновникам – всегда что-то мешало и времени не было. Так я оправдывал свою лень или нежелание заниматься неприятным делом. Теперь без влиятельных покровителей вряд ли получится зарегистрировать свое авторство. Ну, ничего. Жил без этого раньше и дальше проживу.

Я зимой познакомился с музыкантом Мишей, который писал свои песни, некоторые довольно неплохие. Михаил учился в кораблестроительном институте и играл там в вокально-инструментальном ансамбле с такими же энтузиастами.

Скептическое отношение к моей персоне я переломил у музыкантов института, исполнив несколько «своих» песен и только после этого был допущен в их круг.

Ребята даже пару раз выступали в Ленинградском рок-клубе, который сейчас существовал полулегально. (Официально Ленинградский клуб любителей музыки – в народе названный рок-клубом, начнет действовать только с 1981 года).

Через ребят «Дрейфа» – так называлась их группа, мы с Наташкой побывали там, где они выступали. Если честно, но мне не понравилось выступление моих новых знакомых. Может была виновата плохая акустика зала, несовершенные инструменты исполнителей, но большей части слов песен было трудно разобрать и мотив не оценить в должной мере.

Наташка же была в восторге – попала на мероприятие, доступ к которому для широкой публики и простых смертных был закрыт.

Михаил мне потом по-пьяни рассказал про свои мучения и надежды:

– Кораблестроительство – это не мое. Жопой чую. Вот музыка...! Но жить-то надо на что-то... Создать бы свой коллектив и выступать... Как «Песняры», «Цветы», «Веселые ребята», но это невозможно без «лапы». Да и деньги нужны на хорошую аппаратуру, на раскрутку.

Хотел заработать на отчислениях, но и там обломали. Не композитор, не поэт, не печатался, не звучал... Отдал пару песен, поют, но под чужим авторством.

– Какие не скажешь? – поинтересовался я на всякий случай.

– Зачем? Они уже чужие, – мотнул он круглой головой и потянулся за сигаретой.

Прикурил и продолжил:

– У меня песни не про БАМ, комсомол и прочую муру, а то что на душе....

– Ты чего не пьешь? – встрепенулся вдруг.

Мы с ним сидели в кафешке на Стачек. Жалко было смотреть на этого огромного парня, способного, казалось, рельсу руками согнуть.

– Нашел выходы на редактора «Смены», потом в «Юность» сунулся. Хвалили, но опубликовали всего пару текстов, – продолжил исповедь музыкант, – но я с ними снова в ВААП, а там меня опять завернули и не говорят гады прямо почему. «У вас, молодой человек, нет литературного образования, да и напечатанного недостаточно, публичных выступлений нет», – передразнил он кого-то с горечью. – Мне что? В литературный поступать? С четвертого курса института уходить? А-а! – налил и опрокинул в себя рюмку водки.

– Неужели нет выхода? – провоцирую его.

– Черт его знает, – ответил он, задумчиво жуя капусту, – собираю стихи, вроде обещали издать сборник, может получится... А тебе зачем? – пьяно уставился на меня.

– У меня тоже ведь есть стихи с песнями, – ответил тихо, опустив голову.

– А! Да, хорошие песни, – вспомнил он. – Только ВААП это не все..., есть худсоветы. Без них даже на районную или городскую эстраду не пробиться, – вернулся парень к своей проблеме. – Таких групп, как наша – в каждом дворе или ПТУ, а все наши ребята учатся или работают. Инструменты еще.... Хорошо, что есть бесплатное место для репетиций. Я ведь почему сунулся в ВААП? Деньги нужны на аппаратуру, усилки, приличные микрофоны. Много..., – начал повторяться нетрезвый собеседник.

Разошлись мы тогда, когда закрылось кафе. Он звал меня куда-то для продолжения, но мне нужно было домой к невыученным урокам, да и не надеялся я уже услышать от непризнанного гения чего-нибудь конструктивного и полезного для себя.

Похоже, я правильную стратегию выбрал, продавая песни, – подумал я тогда. Сколько таких в стране непризнанных гениев бьются бессмысленно в стены ВААПов и рвутся на сцену? Коллектив Михаила вроде нормально звучал в репетиционной аудитории кораблестроительного института, где впервые я его услышал, а на сцене какого-то Дома культуры выглядел бледно.

Уже лежа в постели и продолжая думать над словами Михаила, неожиданно вспомнил о своем доме, знакомых, друзьях и событиях, связанных с ними.

Дом.

Ночью четвертого ноября я вылез из вагона на перрон своего города. В школе начались осенние каникулы, и я сразу отправился домой. Прошло два месяца, когда уезжал отсюда в Ленинград. Дул сильный ветер и мела поземка. Температура была ниже ноля. Никакого сравнения с Ленинградской слякотью. Вот что значит север или удаленность от Гольфстрима.

Впервые с вокзала я шел в сторону Нового района, так как родители наконец переехали – мама накануне прислала сумбурное и восторженное письмо с указанием нашего нового адреса.

Фонарей в районе новостроек, как обычно было мало. Хорошо еще грязь с лужами подмерзла, а то бы таскался по району в поисках своего дома и явился бы среди ночи по колено в грязи.

Родительская квартира в крупнопанельном доме оказалась на престижном третьем этаже в середине дома. Поднялся по затоптанной лестнице с не выветрившемся в подъезде запахом краски, цемента, строительной пыли и нажал на кнопку звонка.

В честь моего возвращения подскочили все. Даже бабушка выглянула из своей комнаты, поздоровалась и напомнила про ужин. Мама крутилась вокруг пока переодевался – так ей нетерпелось похвастаться квартирой.

Отец подпирал дверной косяк, скрестив руки на груди и снисходительно на нее посматривал.

– Здесь переклеим обои, тут отец бра повесит, я присмотрела один симпатичный такой в магазине. Полы бы надо перестелить, рабочие что-то плохо сделали – половицы скрипят и горбчатся. Кухонный гарнитур бы достать..., – мама без остановок болтала, делясь планами, водила меня по квартире, открывала и закрывала шкафы, крутила ручки смесителя и похоже еще сама не верила своим глазам и привалившему счастью. – А здесь у нас даже кладовка есть! – открыла очередную дверь. – Ты тете Свете помог с ремонтом, вот и у нас займись, – вспомнила.

Понять радость мамы было несложно. Прожить всю жизнь в неблагоустроенном жилье, ютась с семьей на нескольких квадратных метрах, с соседями в общем коридоре и общей кухне, с водопроводом, туалетом и помойкой в пятидесяти метрах от подъезда и получить благоустроенное жилье, где все блага цивилизации под рукой! Есть повод для радости.

– Сергей на каникулы приехал, отдыхать. Чего ты Люся его нашими проблемами грузишь? – возмутился папа.

Благодарно взглянув на него, я заметил:

– Зачем старый диван оставили?

– Ничего, еще послужит, – заторопилась мама с оправданиями. – Зато в большой комнате вся мебель новая. Вон софу купили, будешь на ней спать. Надо бы старый телевизор продать и купить новый цветной.

– Не надо, если показывает. Его можно на кухню поставить, места хватит. Или к бабушке, – начал спорить по привычке я.

– Говорил ей уже, – вступился отец.

Выбрав время, я поинтересовался у матери:

– Все деньги потратила, которые я давал?

– Вот еще? У нас своих пока хватает. Отец вон гараж купил разборный за 740 рублей. На Экспериментальном заводе делают. С мужиками собрал и поставил на овраге недалеко отсюда. Полы застелет и мотоцикл перевезет. «Восход» надо продавать. Пospрашивай своих знакомых, может надо кому?

Услышав про знакомый завод, подумал: «Как там моя любимая и ее семья?»

Долго ворочался на новом месте, но заснул, а ветер продолжал бесноваться за окном. Бабочки Брэдбери не снились.

Павел

Утром поднялся поздно. Родители уже ушли на работу. Сегодняшняя суббота объявлена рабочим днем. Долго им теперь добираться до завода. Раньше от барака всего несколько минут неспешной ходьбы, и ты уже на проходной, а теперь даже полчаса мало будет.

Пока мылся и завтракал, размышлял – куда пойти с начала? К Гульке, к ребятам в Заводской поселок или к Паше? Решил, что дело прежде всего, подготовка песен к продаже важнее и подавив желания и нетерпение направился к музыканту.

Долго звонил в квартиру. Наконец замок щелкнул и дверь приоткрылась. На площадку выглянула молодая женщина, закутанная в мужской халат и удивленно спросила:

– Тебе чего?

Я растерялся и не сразу ответил:

– Мне Павла надо.

Пока меня здесь не было в жизни Паши произошли какие-то изменения.

– Он спит, – бросила она и попыталась закрыть дверь.

Еле успел вставить ногу в щель между дверью и косяком. Не хватало, чтобы какая-то фифа решала с кем Павлу встречаться, – с раздражением подумал я. Он тоже должен быть заинтересован в нашем общении.

– Позови Павла! – надавил голосом, отметив, что девушка возрастом лет двадцати двух – двадцати трех, не больше.

Молодица, посверлив некоторое время меня взглядом, фыркнула и направилась вглубь квартиры, бросив через плечо:

– Попробую разбудить.

Через некоторое время появился мой друг (друг ли еще?) хмурый и всклокоченный. Увидев меня, расцвел:

– Сергей! Приехал!

Но тут же покосился за спину и смутился.

– Проходи на кухню, пока. Я сейчас... – бросил мне, развернулся и исчез.

Пожав плечами, вошел, разулся и прошел на кухню.

– Так получилось, – появился смущенный Павел на кухне через некоторое время. – Ты парень взрослый, понять должен. Не надо вопросов, – предложил. – Сейчас Маринка порядок наведет и пройдем ко мне, – сообщил, поджигая газ и ставя чайник. – Ты по делу или просто так зашел?

– По делу, – вздохнул я, – а просто так уже нельзя зайти? – спросил с иронией.

– Не цепляйся к словам. Можно, конечно.

Некоторое время сидели молча, думая каждый о своем. И тут новости! Только неизвестно хорошие или нет? – констатировал про себя. Я все же надеялся, что Евгения Сергеевна вернется к Павлу и помощь второго профессионального музыканта не будет лишней. Понятно, что молодая, симпатичная девчонка присмотрела видного парня при деньгах, которым можно гордиться, если его побрить, причесать и приодеть, а Павел уже был пострижен и почти чисто выбрит. Следит, наверное, – отметил мысленно. Такого при Евгении Сергеевне не было.

Через некоторое время девушка позвала нас в комнату. Здесь уже чувствовалась женская рука и какой-то уют. Все было разложено на своих местах, а раскладной диван заправлен и сложен. Квартира уже не напоминала берлогу холостого музыканта, даже на полках порядок, и стол чист, чего никогда у Павла раньше не было. Девушка переделалась в платье и причесалась. С интересом присмотрелся к ней. Привлекательная стройная брюнетка с короткой стрижкой. Тонкие черты лица, ухоженные кисти рук. Стройная фигурка скрыта платьем ниже колен.

На запястье элегантные часики. Даже успела макияж набросать за короткое время. Следит за собой! – мысленно отметил. Вот на ногах у нее были мужские растоптанные несурзные тапки. Вероятно, их отношения не зашли до хранения личных вещей подружки в Пашиной квартире.

– Марина, там чайник, – напомнил Павел подружке. – Давай показывай, что привез, – кивнул мне и в нетерпении полез за свой синтезатор.

В Паше, наконец, проснулся профессиональный музыкант, а все остальное оказалось по боку. Марина некоторое время помедлив, вышла из комнаты.

Вот в музыкальном углу все было по-прежнему. В беспорядке на столике и полках валялись тетради с вырванными нотными листками вперемешку. Вероятно, хозяин никого не допускает в свою вотчину и сам знает, где и что лежит. По себе из будущего помню и знаю. Если жена наведет порядок в гараже или в шкафу, где хранятся инструменты, то многое потом не найти.

Работали над песнями плотно до трех часов, пока Марина не напомнила Павлу:

– Паша, у тебя скоро репетиция. Подготовка к праздничному концерту, а ты еще не обедал.

Павел задумался, тряхнул головой и согласился:

– Да, пора. Не могу пропустить сегодня репетицию. Давай завтра встретимся с утра и продолжим. Пообедаешь с нами?

– Нет, спасибо. У меня еще много дел, – ответил, закрывая свою тетрадь и поднимаясь.

А Паша изменился, – мысленно отметил, двигаясь по дороге домой. Раньше он со мной почти не спорил, а сейчас предлагал другие варианты исполнения или добавлял свои предложения. Вероятно, тогда его подавляла Евгения Сергеевна, а он отдавал ей последнее и окончательное слово. Может и лучше, что у парня появилась эта Марина. Все же Павел изменился в лучшую сторону. Только мне не понравилось, что она пытается решать за него некоторые вопросы. Что будет, когда она закрепится на позициях невесты или жены, ведь парень по жизни слабовольный лох? Не подавит она его своим характером? Из-за этого некоторые мужики спиваются, а Паша может.

Гуля.

Дома, забросив тетрадь с текстами песен и забрав подарки отправился в Старослободской район к Гуле. При входе в знакомый двор заметил стайку девчонок-малолеток. Одна из них в знакомой шапочке с помпонами стремглав метнулась в подъезд. Прошел мимо девчушек под обстрелом любопытных глаз. Ни сисек, ни писек, а туда же... – подумал с раздражением. Никогда не любил, если меня пристально разглядывают. Сразу хочется проверить ширинку – не расстегнута ли?

Меня встретили на лестничной площадке в открытой настежь двери две девичьи фигурки.

Гуля прильнула ко мне, и мы долго стояли молча. Наконец, она пошевелилась, поцеловала и прошептала:

– Дождалась. Приехал!

– Почему так долго? Мы тебя с утра ждали, – упрекнула непосредственная Дилька.

– Дилька! – в негодовании воскликнула Гуля. – Значит, так надо было. Никакого воспитания, – извиняюще взглянула на меня.

– Как я рад вас видеть, – радостно выдохнул и поцеловал подружку, а затем младшую сестренку в пухленькую щечку.

– Пойдем, раздевайся, – Гуля потянула за руку в квартиру.

На кухне достал из сумки подарки и обязательные конфеты «Белочка». Бонусом был шоколадный Дед Мороз в фольге.

– Что вам купила тетя Света не знаю – она занималась подарками, – слукавил, так как знал, что Дилька получила желтую пижаму с Микки Маусом, Гуля – комплект «неделек», а Дарию Мирзоевну ожидал красивый голубой пеньюар.

Я для Гули приготовил дополнительный подарок – золотое колечко с камушком, которое планировал подарить позднее, когда будем наедине.

– Откуда вы знали, что сегодня приду? – вспомнил.

– Я вчера звонила Светлане Викторовне, и она сообщила, что ты уехал на вокзал.

– Пришлось делами заниматься с утра, – пояснил позднее появление.

– Диля, отнеси подарки в комнату, – распорядилась старшая и дождавшись пока останемся одни, поинтересовалась: – Мы сегодня пойдем куда-нибудь? – и смутилась.

– Хотелось бы, – признался, поняв подоплеку вопроса, – но надо с вашей мамой поздравиться и со своими ребятами вечером встретиться. – У нас целая неделя впереди. В Москву со мной поедешь?

– И я поеду! – подскочила неугомонная Дилька...

Заводские ребята.

Просидел с дорогими мне людьми до вечера, а потом, попрощавшись до завтра поехал в Заводской поселок.

Своих нашел в клубе. Из-за официально объявленного рабочего дня танцев сегодня не было, а в зрительном зале шло торжественное заседание заводчан, посвященное празднику, после которого будет концерт. Ребята дожидались конца официального мероприятия, а убивая время неумело пытались играть в бильярд. При моем появлении игра была забыта, а пожилая женщина, болезненно дергающаяся на каждый неумелый удар и переживающая за настольное покрытие, с облегчением отправилась в подсобку пить чай с коллегами – кассирами и билетерами.

Ребята наперебой вывалили кучу новостей. Рыгу с Драконом и Амбалом посадили все-таки. Зато с зоны вернулись бараковские Копа и Боб. Серега (Боб) сейчас самый популярный в поселке среди молодежи, страдающей блатной романтикой. Рассказывает зоновские истории и гнусавит блатняк.

Вот и начались у ребят кочевье по зонам и тюрьмам, – вспомнил из будущего. Стрижа младшего я уже никогда не увижу. Он оседет в Сибири. Однажды в будущем в какой-то книге о криминальных группировках России девяностых годов прочитаю о немногочисленной, но сплоченной банде под верховенством Евгения Стрижа по кличке Амбал в одном из крупных городов Сибири. После многочисленных «ходок» Стриж младший к пятидесяти годам остепенится, женится и будет воспитывать внуков, строя деревянные церкви и часовни. Сам выйдет на меня в «Одноклассниках», объяснив свое увлечение и многочисленные фотографии на сайте с собой на фоне строящихся деревянных религиозных сооружений: «Грешил много, надо перед Богом долги отбывать».

Дракон и Рыга будут периодически ненадолго появляться в городе после очередных сроков, а в конце концов опустятся и сопьются. Рыгу вдобавок на зоне «опустят». Гниль там враз рубят и наказывают строго.

Леднев с Михой, Громом (Сергей Громов), Петровым Витькой и Глазом (Лозовский Саня) собирались в армию, дорабатывая на заводе последние деньки. Уже вышел Приказ Министра Обороны, и ребята ждали повесток. Кто-то из молодежи учился в ГПТУ или техникуме, но самая главная новость, которая меня ожидала – Стас и Орел под следствием.

В начале октября у Орла был день рождения и конечно его отметили в субботу со спиртным, а потом отправились в поселковый клуб на танцы. Ближе к концу танцев к Стасу с ребятами, отдохавшими на улице подошел избитый Вермут.

– Что случилось? Кто? Совсем ох...ели? В нашем клубе!!! – накинулись на избитого с вопросами.

Вермут ничего вразумительного сообщить не мог, даже сколько человек били его. Все произошло у мужского туалета, когда он, выходя задел кого-то плечом. Тот огрызнулся. Слово за слово и понеслось. Вермут даже не успел никого ударить, как оказался на полу. Когда поднялся рядом никого не было.

– Вроде из Нового района кто-то там был, – предположил пострадавший, наконец.

С этого все началось. Поддатые и возбужденные пацаны двинулись в Новый район. Сначала спешили, надеясь догнать обидчиков, а потом, оказавшись в районе новостроек начали бить и гонять попавшихся ребят, подходящих по возрасту.

В одном из дворов обнаружили компанию молодежи и окружили опешивших подростков, сидевших на лавочках вокруг стола. Вермут, конечно, никого не опознал, но все равно начали их избивать. Местные ребята бросились бежать, а Орел подставил одному из них подножку и тот покатился по земле. Подскочивший Стас поднял пацана за шиворот и несколько раз ударил

по лицу. В результате тот оказался в больнице с сотрясением мозга, рассеченной переносицей, заплывшими глазами, многочисленными ушибами и гематомами.

Вот идиоты! – мысленно выругался я.

Через несколько дней Стаса прямо с уроков в школе забрали в милицию.

К сегодняшнему дню все уже были опрошены следователем, но по заверениям ребят об участии в драке не признались. Все же было заведено уголовное дело по нанесению телесных повреждений средней тяжести и Стасу грозил срок, а Орлу, которого тоже решили привлечь – срок за хулиганство.

– Ничего. Отсиджу. И там люди живут, – нервно улыбался Стас.

Говорить, что они идиоты было бесполезно. Надо спасти Стаса от зоны, но как? Разваливать дело? Долбаные праздники – с пятого до восьмого ноября выходные дни, а в милиции кроме дежурных смен, вероятно, тоже отдыхают.

– Завтра в три часа встречаемся возле кабака. Надо решать вопрос, – объявил всем. – А где Хруль? – поинтересовался, так как среди присутствующих Вовки не было.

– Он с Камилем с бабами. Дома, наверное. На концерт должны подойти, – хохотнул кто-то. – Одна, кстати, из твоего класса.

– Кто? – удивился я, так как Камиль с Хрулем были младше моих одноклассниц.

– Оса.

– Вот это да! – только и смог произнести.

Ребята вернулись к бильярдному столу, а мы со Стасом и Рыжим отошли для частного разговора.

– Груз набрали, лежит у меня, – сообщил Стас. – Надо везти.

– Сами не возили? – поинтересовался я.

– Попытались один раз, но твой Соломоныч дал смешную цену. Отвезли много, а получили... Смех один. Перед ребятами стыдно было. Решили тебя подождать.

– Понятно, – ответил я и задумался.

– Деревенские участвуют? – поинтересовался у друзей.

– Куда же без них, – хмыкнул Леднев. – Без старшего Стрижа с ними стало легче общаться.

– Что с ним случилось? – удивился я.

– Посадили. На Покров большая пьянка в селах была. Перепились и передрались все. Стриж ружье схватил и палить начал. Одному парню с соседней деревни колено раздробил – оставил калеккой, дурак. Того щелбаном можно было уложить, настолько он щуплый и мелкий. Не повезло, – рассказал Леднев, ухмыляясь.

– Сейчас нет смысла до праздников везти иконы в Москву – все равно магазин Соломоныча закрыт будет. Придется деревенским пацанам седьмого ноября в праздничный день выезжать с товаром, а мы следом восьмого, девятого будем в Москве – магазины будут открыты, – прикинул я, в очередной раз пожалев о праздничных днях.

Неистребимое племя торговцев с неизменным стремлением к прибыли различными способами. Если есть возможность увеличить прибыль, всегда обманут и ничего уже сейчас не докажешь. Скажет Соломоныч – не было ничего ценного. Ладно, посмотрим, – запланировал заезд к Соломонычу.

– Не рано ли? Успеем ли? – засомневался Серега. – Ведь праздники..., – пояснил.

– Мне десятого ноября надо быть в Ленинграде. И так опоздаю на день, – пояснил ему. – Или сдавайте груз без меня.

– Успеем. Надо успеть, – заявил Стас. – Что ты планируешь завтра?

– Поговорить с терпиллой для начала, – пожал я плечами.

После клуба я направился к дому Хруля, так как он, так и не появился к концерту, предпочтя физическое перед духовным. В окнах его квартиры горел приглушенный свет. Жалко,

конечно, прерывать процесс, но у меня не было выхода – другого места для уединения с Гулькой у меня нет. Прекратив моральные терзания, вошел в подъезд и постучал в дверь. Через некоторое время заскрежетал запор и дверь приоткрылась. В щель увидел озадаченное лицо Вовки.

– Ты? – удивился он и не распахивая дверь выскользнул в коридор.

Было видно, что он одевался второпях.

– Извини..., – зашептал смущенно, – у меня тут....

– Не беспокойся, я на минуту, – прервал его. – Мне надо твою хату завтра на пару часов, – быстро заговорил вполголоса.

– Завтра? В какое время? – с облегчением выдохнул друг.

Вероятно, испугался за сегодняшнее randevu.

– Часов с пяти, – прикинул я. – И в последующие дни тоже..., – быстро добавил.

– Ключ будет лежать под ковриком, – пообещал Вовка и притопнул босой ногой по истрепанному половичку.

Концерт.

Договорившись с Хрулем, я вернулся в клуб. Концерт все же посмотреть хотелось. Протиснулся к своим. Зал привычно был переполнен и люди стояли в проходах.

«Вдохновение» привычно радовало зрителей бальными танцами и только под завершение концерта ребята исполнили «Ирландский танец». Конечно Маринка блистала на сцене. Полюбовался красивой девчонкой и облизал глазами. Надо бы встретиться с ней! – подумал и испытал муки совести: Кобель, мало тебе Гульки?

Наташка спела мои песни – «Маленькая страна», «Дальнойбойщик», «Восьмая школа, я скучаю». Пела хорошо и зрители оценили по достоинству.

Почему-то не было «Домино». Ведь зрителям нравилось раньше. Что случилось? Запретили? Также не было космического танца, который исполняла Маринка в трико. Контролеры от культуры посчитали танцы слишком вызывающими?

– Почему твоего «Домино» нет? – обратились ко мне возмущенные ребята, как будто я должен был знать.

Конечно, пацанам хотелось полюбоваться привлекательными фигурками девчонок в обтягивающих трико.

К середине концерта появился пьяненький Хруль со своей подружкой. Я видел раньше ее в школе. Некрасивая горбоносая девчонка с треугольным лицом и кривыми ногами училась на пару классов ниже, в прошлом пыталась мне «строить глазки» и первая здоровалась. Сейчас прибавила в весе и проявилась фигурка с широким тазом. Сегодня, когда Вовка протиснулся к нам заинтересованно посмотрела на меня и снова первая поздоровалась.

Где-то в толпе промелькнула крупная фигура Камиля, а Осы так и не увидел. Камиль и раньше сторонился нашей компании, а Ольга Осина, вероятно, не хотела афишировать свои отношения с парнем у всех заводских жителей на глазах.

После концерта разыскивать Маринку не пошел, рассчитывая увидеть ее на демонстрации в честь 7 ноября, где всегда принимали участие школьники старших классов.

.....

Следующий день начал с привычной зарядки. Оббежал несколько кварталов Нового района и закончил зарядку на высоком берегу реки. Утро было прекрасным. Ветра не было. Деревья стояли без листьев, а на пожухлой траве серебрился иней в лучах восходящего солнца. Температура была около ноля и изо рта вырывался пар. Хорошо-то как! – глубоко вздохнул и еще раз окинул взглядом окрестности с высокого берега. Внизу под склоном спокойно текла река, а на противоположном берегу золотились, освещенные солнцем кое-где оставшейся листвой высокие березы. Почему люди не могут обойтись без конфликтов и проблем? – возник вопрос.

Встретился с ребятами в назначенное время, выйдя от Павла, залитый чаем по горло. Марина безропотно таскала нам заваренный чай с печеньем. По-видимому, Паша рассказал обо мне и отношение ее изменилось. Если вчера она ревниво и критично посматривала на меня, то сегодня смотрела с уважением.

Заводских ребят на встречу пришло даже больше, чем было вчера. Вероятно, всем было интересно, как я собирался разруливать дело с избиением пацанов из Нового района.

– Все идем в район драки. Мне надо все знать о терпиле, поэтому разбиваетесь на двое-трое и отглавливаете всех подростков. Выясняем об участниках той драки, а особенно о пострадавшем. Всех участников запугиваете, можете даже побуцкать немного, но без следов и энтузиазма, чтобы никто не видел и притаскиваете к нам. Мы со Стасом будем сидеть на том месте, где сидели тогда они, – провел я с пацанами небольшой инструктаж.

Мы выяснили о терпиле все. Учился он в первой школе, как и ожидалось, жил в соседнем доме, а после избиения оказался в больнице. Оттуда и сообщили в милицию о пострадавшем.

– Я не заявлял в милицию и даже не хотел ничего говорить. Следователь сам в больницу пришел, – лепетал пострадавший, испуганно оглядываясь на угрюмых подростков вокруг и поглядывая на Стаса, которого явно узнал.

– Тебя как зовут? – спросил я. – Иди Игорь сюда, присядь. Поверь – тебе будет гораздо хуже, если нашего друга посадят.

Сделал паузу, чтобы собеседник осознал, а окружающие активно закивали.

– От тебя зависит, чтобы этого не случилось. Тебе нужно будет после праздников сходить в милицию к следователю и подать заявление, что тебя никто не бил, а ты упал и разбил лицо. Этого парня ты оговорил, – кивнул на Стаса, – а он тебе подарит мотоцикл, если не сядет. Иначе... – припугнул его.

– Мне не поверят. Да и другие ребята уже сказали... – попытался отказаться тот.

– Мне на твоё здоровье наплевать, – оборвал я его. – Можем и сейчас добавить. С ребятами договоришься сам, чтобы изменили показания, если понадобится. Следователю скажешь, что на суде будешь настаивать на своих последних показаниях. И постарайся, Игорек, быть убедительным. Ты сам в этом должен быть заинтересован. Понял? – сердито взглянул на него. – Получится и будешь кататься на своем мотоцикле! – добавил.

– Понял, – понуро кивнул он.

– Тогда десятого ноября вместе пойдем в милицию. И лучше захвати с собой кого-нибудь из своих друзей, – я поднялся с лавочки, решив, что контроль за терпилой не помешает.

– Спасибо тебе, конечно, – заговорил Стас позже, – но где я мотоцикл возьму?

– У меня есть, – беззаботно ответил я. – А тебе нужно отличную характеристику в школе получить, если надо с директором поговори – он должен помочь, но не о том думаешь – главное, тебе не сесть.

Время уже было позднее, и поездка с Гулей на хату Хруля не получалась. Вдруг наткнемся на влюбленных позже оговоренного времени, а светить подружку перед посторонними я не хотел до встречи и выяснения отношений с Маринкой.

Встреча с Гулей.

За три дня мы с Пашей закончили, подготовили и записали песни для продажи. Повезу к Иосифу Аркадьевичу «Милая моя, далеко» Губина, «Любовь и смерть» Цыгановой, «Ой-ё, ой-ё» группы Чайф, «Я тебя нарисовал» Нэнси, «Школа, я скучаю» и «Молодость» Рождества. Последнюю песню я записал накануне, размышляя и сожалея, что беззаботное детство и молодость уходит безвозвратно.

Дилька обиделась за то, что мы ее не взяли с собой. Хорошо, что присутствующая и понимающая Дария Мирзоевна стреножила непокорную девчонку:

– Тебя все равно на танцы не пустят. Мала еще. Вот вырастешь..., – и вздохнула, глядя на нас с Гулей.

Гуля со скрытой опаской вошла в квартиру Хруля, огляделась и первым делом занавесила окна. В комнате был наведен относительный порядок, а на диване лежала стопка нового постельного белья. Я уже знал, что Вовка не пошел учиться в ГПТУ, а остался работать на заводе, только перешел в литейку, а там самые высокие заработки у рабочих.

– Чья это квартира? – спросила подружка и подошла к фотографиям, висящим на стене.

– Вот этого мужчинки, – подошел к ней, ткнул в фото семилетнего Вовки и обнял, окунувшись лицом в гриву черных волос....

– Тебе, когда возвращаться в Ленинград? – поинтересовалась подружка, когда мы, ослабленные сексом лежали под пододеяльником, а ее головка покоилась на моем плече. Кончиками пальцев я водил по ее спине, чуть касаясь кожи.

– Прекрати немедленно! – в шутку возмутилась она и поежилась. – Ты меня специально снова возбуждаешь? А сам-то не готов! – протянула руку и пощупала опавший член.

Однако ее касание оказало волшебное воздействие и мой детородный орган зашевелился.

– Ой! – испуганно отдернула она руку и засмеялась счастливо.

– Какой ты, милый..., – прошептала, закрыв глаза, когда я вновь опустил сверху и вошел в нее....

– Ты, когда собираешься в Москву и назад в Ленинград? – вновь вернулась к интересующему вопросу, когда мы удовлетворенные одевались.

– В Москву восьмого, в Ленинград десятого.

– Мы, к сожалению, в Москву не сможем поехать с тобой, – удивила. – Дилька с классом девятого ноября едет в цирк, а я по просьбе учительницы сопровождаю класс от родительского комитета и помогаю ей. Давно обещала, еще до твоего приезда..., – виновато взглянула на меня.

– Ничего страшного. У меня все равно времени не будет, чтобы с вами погулять по столице, а мы с тобой каждый вечер можем проводить здесь. Если надо что-либо из зимней одежды, посоветуйся с мамой и напиши размеры. Сапоги вам бы не помешали, – сообщил, не глядя на ее обувку, чтобы не смущать.

Время еще было и мы, как предполагала Дария Мирзоевна пошли на танцы в клуб ГАРО.

– Завтра пойдешь на демонстрацию? Когда увидимся? – спросила Гуля при прощании возле ее дома.

– Пойду. Надо встретить кое-кого, а после демонстрации отмечу праздник с ребятами. Вероятно, во второй половине дня приеду к тебе. Надеюсь, ты не против навесить ту квартиру? – с лукавой улыбкой взглянул на девчонку.

«Что-то у меня с каникулярным отдыхом не получается!» – мысленно отметил.

Даже на общение с родителями времени нет, а сплошные встречи, дела и решение чужих проблем.

Ноябрьская демонстрация.

Седьмого ноября отправился сразу к месту построения колонны от восьмой школы на центральной улице города. Играла музыка из репродукторов. На домах и над дорогой висели красные флаги и транспаранты. Праздничные колонны пестрели флагами, воздушными шариками и портретами вождей. На тротуарах и обочинах главной улицы города толпились празднично одетые люди с флажками, цветами и воздушными шариками. Казалось весь город радовался шестидесяти первой годовщине Октябрьской революции.

Попутно здороваясь с многочисленными знакомыми, нашел свой бывший класс. В душе ворохнулась память о радости встречи с одноклассниками после долгих летних каникул. Все же многих знал девять лет, а некоторых с детского сада.

Меня приветствовали радостными криками и окружили. Отвечая на вопросы, пожимая руки, кивая и отшучиваясь глазами искал Маринку, но не находил. Не было и других танцоров. Отсутствовали также Танька Беянина и Саня Конкин.

– Ищешь кого-то? – с хитринкой во взгляде спросил Фил.

– Что-то ваши ряды поредели. Конкина не вижу, Слесаря, Шарова . . . , – в очередной раз оглядел класс.

– Конкин впереди с Беяниной и Осой. Знаменосцами заделались, – пояснил Иванайнен Серега.

«Я должен был идти со знаменем школы впереди нашей колонны!» – мелькнула мысль.

– А Слесарев с другими танцорами, говорят на митинге перед памятником танцевать будут. Здравствуй Сережа! – подошла Валентина Ивановна с улыбкой. – Приехал на каникулы?

Евгению Сергеевну увидел среди учителей, но не подошёл, вроде бы и много ранее общались, а сказать толком нечего взрослому человеку. Так, кивнули друг другу и только. Сан Саныча с озабоченным лицом тоже видел издали.

В городе на праздничные дни трибуну воздвигали на центральной площади города и с нее приветствовали проходившие колонны от предприятий и учебных заведений отцы города и почетные горожане. За трибуной возвышался монумент, посвященный погибшим горожанам в Великую Отечественную войну, горел в эти праздничные дни Вечный огонь, а сегодня выстроился почетный караул из школьников.

Прошел с классом мимо трибуны, покричал «ура». Танцоров и Маринки не увидел. После демонстрации мимоходом поздоровался с Танькой Беяниной под ревнивым взглядом Сашки и пошел разыскивать своих друзей.

Москва.

Как планировали, выехали со Стасом и Ледневым в столицу восьмого ноября. Мама повозмущалась поездке, но без энтузиазма. Вероятно, родители стали меня считать отрезанным ломтем, взрослым и самостоятельным. К тому же пообещал маме тоже привезти зимние сапоги.

Вчера отправили деревенских ребят с грузом. Пьяных. Не удержались засранцы – отметили праздник. Как бы ничего не случилось! Многие проблемы от пьянства, лишь триппер и прочее от удовольствия. Один Ухналь был трезв и обещал присмотреть за ребятами, а потом отправить их домой, самому остаться на Савеловском вокзале и дожждаться нас. Думаю, привлечь его к бизнесу с иконами, рассчитывая на то, что у деревенских ребят хватит ума не мутить с антиквариатом у нас за спиной. Все равно таких денег, как с нами они не получат.

Помятый, но радостный Ухналь встречал нас прямо на перроне.

– Все в порядке? – первым делом поинтересовался я.

– Нормалек! Товар в камерах хранения. Хоть ментовских патрулей на вокзале было полно, но сбросили груз нормально. Правда, примелькался я на вокзале – в ментовку загребли, – улыбается.

– Праздничные дни. Усиленный режим службы, – понимающе кивнул я. – И что в милиции?

Удивленно взглянув на меня, Юрка поделился:

– Нормальные менты оказались. Я сказал, что денег на билет нет – должны привезти. Вот и жду. У меня ведь все нормально было – паспорт на руках и багажа нет. Они даже бутербродами поделились и чай налили, но предупредили, чтобы завтра, то есть сегодня уже, меня на вокзале не было.

Первым с вокзала позвонил Соломонычу. Будто предчувствуя имен не называл.

– Здравствуйте! Мы приехали....

– Э-э.... Здравствуйте, но вы, вероятно, ошиблись номером..., – услышал в трубке знакомый голос и пауза.

– Вы соберитесь, подумайте и правильно наберите номер еще раз, – посоветовал мне и отключился.

Опешив, я повесил трубку. Понял лишь одно – что-то случилось. Почему он не признал меня? Что хотел сообщить своим советом? – панически забила мысль. «Соберитесь, подумайте..., еще раз...», – вспоминаю. Может он хотел сказать, чтобы я перезвонил Аде Антоновне, директору антикварного магазина? Набрал второй номер магазина, но занято. Повторил снова и снова.

– Алло. Слушаю вас, – наконец услышал знакомый женский голос директора.

– Здравствуйте, – осторожно произнес в трубку.

– Извините, у меня технический перерыв. Совсем голова не соображает. Вот выпью кофе, и мы с вами поговорим. Можете позже позвонить..., – сообщила так же непонятно Антоновна и отключилась.

Компаньоны не хотят меня светить и серьезные разговоры по телефону вести опасаются, – догадался я. Кофе, кофе.... Она возила меня в какое-то кафе, выпить кофе, чтобы переждать время до встречи с Аркадьевичем! – сообразил. Вот только адрес и названия кафе я не помню.

– Что-то непонятное происходит, – повернулся я к ребятам. – Похоже, Соломоныч «под колпаком». Надо ехать в одно кафе. Кто со мной? Это рискованно, – пояснил.

– Могу и я, – сразу вызвался Стас.

– Нет, хватит тебе одного уголовного дела. Юр, поедешь со мной? – повернулся я к Ухналю.

– Могу. Тем более менты у меня знакомые уже есть, – пошутил парень, но глаза смотрели настороженно.

– Тогда ждите нас здесь на вокзале, а мы пошли такси ловить. Времени нет, – пояснил я друзьям.

Выйдя с вокзала, увидели привычную колонну такси и впереди очередь пассажиров с чемоданами и детьми. Уже привычно свернул в конец колонны машин.

– Тройной счетчик в Центр, – обратился я к группе таксистов, собравшихся в кружок и не обращающих внимание на очередь.

– Мавзолей спешите посетить? – пошутил один из них, но заметив наши напряженные лица, предложил:

– Перейдите улицу и в районе той остановки (мотнул головой) ждите.

– Куда в Центр? – спросил таксист, когда мы заехали в машину.

– Кафе небольшое. Отдельное здание с большими окнами. Был один раз. Ехали несколько кварталов переулками от Арбата, – вспомнил я вслух. – Названия и адреса не помню, помогите, – попросил.

– Ну вы даете! – покачал таксист головой. – Ладно, за тройной счетчик найдем.

– Вы пока не уезжайте, может еще придется ехать куда. Простой тоже оплачу, – пообещал, рассчитываясь за совершенную поездку. – Только отъедьте в сторонку, – попросил водителя.

– Пройдись несколько раз возле кафе, запомни всех прохожих, припаркованные автомобили и пассажиров в них. Возможно за встречей будут наблюдать, а я пойду внутрь. Потом сообщишь о всех подозрительных лицах, – проинструктировал вполголоса Ухналя, покинув такси.

Войдя в помещение, увидел за одним из столиков Соломоныча. Он сидел лицом к выходу и заметив меня, махнул приглашающе рукой.

– Здравствуй Сережа. Я был уверен, что догадаешься сюда приехать, – заговорил, кисло улыбнувшись.

– Здравствуйте, Евгений Соломонович. Случилось чего? Зачем такая конспирация?

– Пока ничего не случилось, но может..., – опять туманно ответил антиквар.

Помолчав, он начал рассказывать:

– Все началось после встречи с твоими знакомыми из той среды.... Порой думаю, что пусть бы сын отсидел, засранец. Может и не было всего этого.... Возможно..., вероятнее всего, твой знакомый и ни при чем, но у них тоже разные люди есть. Короче, после нашего общения в магазин пошли всякие комиссии с проверками, от ОБХСС до Я сразу почувствовал, что мной заинтересовались органы. Вернее, не только мной, а моими контактами и связями.

Дело в том, что твой знакомый предложил занятие с иконами и прочими старинными безделушками на более широком уровне, а другие люди из той среды – предложили другое. Торговать самородным золотом и камушками. Я же не мальчик и понимаю, чем это может грозить лично мне и моим каналам. Пока я приторговываю никому не нужными досками, никому не интересен. Этими досками забиты все музейные запасники, а там действительно есть серьезные предметы, которые с готовностью купил бы любой коллекционер. А тут явно ворованное золото и камни. Я попытался отказаться, поясняя что не имею возможности и людей гнать эту контрабанду за границу, но разве меня послушали? Посчитали, что нашли жирного бобра-барыгу и вцепились. Еще и шага не сделал, как заинтересовал государство. Думаю, на время отойти от торговли – может отстанут? Им то удобно. Передадут товар анонимно, а основной риск ложится на меня и А в случае удачной реализации они только получают деньги. Думаю, отойти от дел, но вряд ли они оставят меня в покое.

Я почему хотел с тобой встретиться? Может поговоришь со своим знакомым? Его интересы ведь тоже пострадают. Вероятно, он сможет разрулить ситуацию? – просяще мужчина заглянул мне в глаза.

Понятно – влип Соломоныч, а я ведь в свое время его предупреждал о последствиях связей с криминалом. Я задумался. Конечно, я могу поговорить с Юрием Васильевичем, но вдруг и он в деле с золотом и камнями? К тому же – какой вес у него в столичной среде у Воров? Если его бизнес пострадает от действий других, то может и вступиться или хотя бы задаст вопросы мешающим, но послушают ли его? А может это совпадение? Жирным карасем со связями могли заинтересоваться криминальные круги и без вмешательства Князя за сына Соломоныча?

– Как вы думаете – за вами следят? – поинтересовался я у собеседника.

– Не знаю, но могут, если не те, так другие...., – отозвался компаньон и завертел головой по сторонам.

Кого он хотел увидеть?

– Хорошо. Я поговорю, но не обещаю, что все наладится, – легко пообещал испуганному мужчине, так как не знал еще, как поступлю.

Надо будет серьезно обдумать складывающуюся ситуацию.

– Что с нашими иконами? – вернулся к теме, интересующей меня с ребятами.

– Я же сказал, что пока этим заниматься не буду. Вероятно, даже уволюсь и уеду.... Лучше быть бедным, но жить на свободе!

– Ребята в прошлый раз доставили большую партию, а получили...? – вернул его к теме.

– А, да...! Там не было ничего интересного, – вильнул взглядом барыга, – я...., вот тут..., – суетливо полез во внутренний карман элегантного пиджака.

– Это только тебе..., за помощь, – протянул банковскую пачку четвертаков.

– Евгений Соломонович? – укоризненно покачал головой я, как в сцене с Семеном Семеновичем Горбунковым из «Бриллиантовой руки».

– А..., да, – смутился он, спрятал пачку и испуганно огляделся.

Насколько комично и непривычно Соломоныч выглядел сегодня! Или талантливо играл. Куда девалась его вальяжность, значимость и деловитость?

– Я вам помогу, но помогите, и вы нам. Мы сегодня доставили опять партию икон. Куда их девать? Не везти же обратно? – улыбнулся я примиряюще.

Соломоныч медленно кивнул головой, глядя на меня и задумался. Потом поднялся и пробормотал:

– Подожди, мне надо позвонить, – пошел к стойке.

Вернувшись, набросал на салфетке адрес и двинул листок мне.

– Там вас будут ждать, но не гарантирую, что заплатят так, как я, – и вновь смутился, вероятно, вспомнив последнюю сделку.

– Мне пора, – заискивающе взглянул в глаза. – Как и когда я узнаю о результатах?

– На днях позвоню ТОМУ человеку, а о результатах перезвоню вам, – пообещал я, поднимаясь.

В дверях кафе принял от Соломоныча пачку денег и извинившись, вернулся в помещение.

– Можно сделать два звонка? – спросил у бармена.

Тот молча без суеты поставил телефонный аппарат с длинным шнуром передо мной.

Я отошел на край барной стойки и первому позвонил Иосифу Аркадьевичу. К счастью тот оказался дома. Болел.

– Ну, наконец-то. Явился. Тебя уже заждались, – захекал старческим смешком и закашлялся. – Прости. Болею. Эти концерты доконают, – пожаловался. – Тебя, когда ждать?

– Кто меня заждался? – осторожно поинтересовался я.

После недавнего разговора я уже стал опасаться плохих новостей и накатило раздражение. Простая, казалось, поездка принесла новые проблемы и сложности.

– Много таких, – опять захекал собеседник. – Музыканты и прочие..., – пояснил.

– Разберусь с делами и приеду, – пообещал ему.

– Какие еще дела? – возмутился администратор. – Здесь, у меня дела, а все остальное может подождать!

– Приеду, ждите, – повторил и положил трубку.

Второй звонок сделал фарцовщикам. Назвался и подождал сообщение о новом телефоне. Опять переехали конспираторы! Виктору сообщил о сегодняшнем визите и узнал их новый адрес. У ребят были планы на покупки и у меня – обувь Гулиной семье и сапоги для мамы. Может себе и тете Свете куплю чего-нибудь? Еще Ленке из Ленинграда обещал, – вспомнил. Женщины обожают новую обувь. У моей мамы все обувные шкафы были забиты, несмотря на тесноту в бараке.

Выйдя на улицу, вздохнул и огляделся. Прохожих не было, а три припаркованные в переулке машины стояли пустыми. Лучше перебздеть, чем недобздеть! – подумал и повернул в сторону нашего такси.

– Никого подозрительного не заметил, – зашептал Ухналь у таксомотора. – Твой собеседник сел в красную «шестерку» и уехал. За ним никто не поехал.

– Откуда узнал про собеседника? – поинтересовался я.

– С улицы весь зал просматривается, – прояснил парень.

– У вас смена до какого часа? – поинтересовался я у водителя, садясь в машину.

– До восемнадцати, – кивнул на бирку, прикрепленную к панели с именем отчеством и фамилией, адресом и телефонами АТП и режимом работы таксиста. – А что? – удивился.

– Нам надо до одиннадцати, – пояснил я.

– По-прежнему, три счетчика? – уточнил он.

– Можем и четыре, если вопросы не будете задавать. У нас все законно, – заинтересовал его.

– Куда едем? – спросил таксист, повернув ключ, запуская двигатель.

– Туда, откуда взял – на Савеловский. Загружаться будем, – пояснил.

На вокзале сообщил ребятам:

– Быстро грузимся. Старое место прикрыто временно. Поедем к новому покупателю или может сами справитесь, без меня?

– Что случилось? – беспокоился Леднев.

– Нет уж. Поедем с нами. У тебя лучше получится разговаривать и торговаться, – предложил Стас.

– Вот вам за предыдущую партию, – достал пачку двадцатипятирублевков, не считая отделил часть и большую протянул Стасу. – Думаю, так будет справедливо, – заявил опешившим ребятам.

– Здорово! – прокомментировал Ухналь. – А то наши недовольны той ценой, – пояснил.

– Еще неизвестно, сколько за эту партию получим? – в сомнениях пробормотал я.

До нового адреса пришлось далеко ехать в сторону Домодедово. Не доезжая, свернули на неприметную асфальтированную дорогу и проехав лесной массив выехали к дачному поселку. За высокими заборами среди деревьев – сосен, елей, берез располагались жилые строения. Как этот поселок разительно отличался от родительского садово-дачного кооператива без заборов с домиками-курытниками, построенными своими руками из того, что нашли хозяева, одноэтажными и выстроенными, как по линейке? Центральная улица этого поселка была также асфальтирована. На входе стоял домик администрации или охраны и шлагбаум, который был поднят.

Остановившись у нужного адреса, вышли из машины.

– Не знаю, что нас ждет, но предлагаю не вмешиваться в беседу и даже эмоций не проявлять, – предупредил я всех. – Если есть пожелания или предложения, говорите сейчас, – предложил, но все промолчали.

Осмотревшись, рядом с массивными воротами заметил калитку со звонком и коробочкой домофона.

Что и кто меня ждет за этим забором? – подумал и нажал кнопку.

– Кто? – искаженный плохим динамиком или микрофоном каркнул мужской голос.

– От Никонова, – ответил я в коробочку.

– Сколько вас? – поинтересовались.

Видеокамеру надо ставить, если боитесь, – со раздражением подумал. Денег хватит, наверняка, но подобных девайсов вроде нет в это время даже для подпольных миллионеров.

– Четверо, – сообщил я.

– Заходи один, – скомандовал голос и щелкнул замок калитки.

Взглянув на ребят, вошел в калитку и огляделся. От калитки через просторный двор вела пешеходная дорожка к деревянному двухэтажному особнячку с балкончиком, башенками и мезонином. Сама дорожка и автомобильная площадка слева от ворот выложена плиткой. Все пространство до дома занимал травяной газон, припорошенный снегом, голыми плодовыми деревьями и цветочными клумбами с многолетними цветами.

Красиво живут, богато, – отметил мысленно, – но куда идти?

Из-за дома появился согнутый временем старичок с метлой, одетый в фуфайку и в валенки с калошами. На голове у него была несуразная шапка. Это чудо направилось ко мне, шаркая ногами.

Хозяин или дворник? – удивился появившемуся персонажу.

– С чем пожаловал, мил-человек? – тонким тенорком спросил меня дедок, слегка улыбаясь.

– Я от Никонова, – повторил.

– А чего Женька сам не берет, а направляет ко мне? – остро взглянул из-под кустистых бровей он и вновь превратился в безобидного старичка.

– Понятия не имею, – ответил я, пожав плечами.

Мне не хотелось откровенничать с неизвестным, притворяющимся немощным стариком. В развороте фуфайки заметил ворот глаженной чистой рубахи, а старческая немощь была слишком нарочитой. Голос в динамике был искажен, но не был старческим, если он не умело искажал его.

– Много привез? – опять остро взглянул старик.

Натуру не спрячешь, – мелькнула мысль, а ответил я коротко:

– Много.

– Пусть занесут в беседку, – ткнул хозяин метлой в сторону, откуда пришел, – и уходят. Да скажи, чтобы газоны не топтали.

В голосе слышались командные нотки.

Хрен тебе! Пора зубы показать, – решил я.

– Ребята занимались организацией сбора товара и заинтересованы в результатах нашей беседы, – пояснил миролюбиво. – Вам опасаться нечего.

Некоторое время старик посверлил меня взглядом и, махнув рукой пошаркал обратно чего-то бормоча.

Я повернулся к калитке, которая оказалась вновь закрыта и заперта. Даже не слышал! – мысленно удивился.

– Заносим! – предложил ребятам. – По траве не ходить, деревья не ломать и цветы не нюхать! – добавил громко, чтобы услышал хозяин и понял, что не держу себя в руках – раздражаюсь по пустякам. Соберись! – приказал себе.

Взял пару свертков и первым пошел за дом, показывая, что у нас равноправие.

Хозяин остановился в дверях застекленной просторной беседки и внимательно оглядывал каждого, проходившего мимо. Закрыв дверь за последним и прошел к столу. Внутри было тепло от кирпичной печки, камина или мангала, стоящего у стены. Удобно принимать гостей, которых нежелательно вести в дом и уютно. Я оглядел помещение и печь с тлеющими углями в открытой нише.

– Показывайте, что привезли, – сварливым голосом распорядился хозяин.

Я взял один сверток и начал распаковывать.

– Все показывайте. Вон, вдоль стены ставьте, – недовольно распорядился тот.

Когда все иконы стояли на полу, прислоненные к стене, старик медленно пошел вдоль них, рассматривая. Потом наклонился к одной, поднес к глазам, рассмотрел обратную сторону и вгляделся в изображение через лупу, неожиданно оказавшуюся в руке. Повернулся к нам, оглядел, задержав взгляд на мне и снова отвернулся к иконе. Отложил ее на стол и пошел дальше вдоль ряда. Так он отобрал двенадцать икон.

– Сколько вам платил Никонов? – спросил антиквар, вновь оглядев всех и устался на меня.

Теперь он не пытался изображать немощь.

– Он брал почти все, за исключением совсем негодных или явного новодела, – ответил я, не собираясь называть цену и намекая на оставшуюся часть.

Недовольно посверлив меня взглядом, старик вернулся к иконам, походил вдоль них и отобрал еще семь штук.

– Все! Остальные не возьму. У меня нет таких возможностей, как у Никонова, – буркнул. – А за эти... – помолчал, – дам две тысячи, – положил руку на стопку отобранных досок.

Я задумался. Старик платит больше, чем Соломоныч за отобранное, но явно есть возможность для торговли, хотя в этом нет моего интереса, но для ребят... Подошел к столу и взял верхнюю икону и посмотрел обратную сторону. Икона была от деревенских ребят, так как на обратной стороне не было бумажки с метками пацана, добывшего икону.

– За эту сколько даете?

Хозяин, взял икону у меня, осмотрел и ответил:

– Семьдесят.

– За эту? ...

– По-моему, вы слишком занижаете цену, – начал я торг, когда все отобранные дедом иконы кончились. – Моя цена – три тысячи сто пятьдесят.

Мы начали торговаться. Куда девался старичок – божий одуванчик? Мой край был две тысячи триста рублей, то есть столько, сколько мы могли получить от Соломоныча за всю партию икон, но выторговал больше – две тысячи семьсот пятьдесят.

При расчете я заметил, как у хозяина на миг радостно сверкнули глаза. Обманул жучара! Но и ребята должны быть довольны – получили больше, чем могли увезти от прижимистого Соломоныча, а заодно часть икон осталась у них.

– Когда вас, ребята ждать в следующий раз? – перед нами стоял добрый гостеприимный дедушка.

Хотелось протереть глаза – тот ли это человек? Сдержав улыбку, повернулся к Стасу, напряженно глядевшему на меня, потом взглянул на Юрку и ответил:

– Сразу после Нового года.

– Приезжайте, приезжайте. Ждать буду, – излучал хозяин радушие.

По-видимому, сильно нагрел нас. Настолько он был доволен лохами, то есть нами. Но что взять с нас, провинциалов? Мы привыкли радоваться червонцу, в отличие от подобных столичных перекупщиков, спекулирующих на искусстве, человеческих слабостях, будь то иконы, картины или песни и ворушающих суммами с несколькими нолями. Подпольные советские

миллионеры. Не удивлюсь уже если у Соломоныча или Аркадьевича окажутся подобные дачи, годные для проживания зимой с внутренней охраной.

– Мне показалось, что мы могли выторговать больше, – прошептал Ухналь, когда оказались за воротами.

– Могли, – кивнул я. – Знали бы мы других коллекционеров. Или знали бы реальные цены. Но, во-первых – мы и так получили больше, чем могли получить на прежнем месте и часть икон осталась у вас.

Почувствовал раздражение и задумался. Вероятно, действительно Соломоныч имеет выходы на границу – студентов других стран, работников иностранных посольств или наших людей, имеющие возможность выезжать за рубеж без досмотра. Посмотрел на ребят. Все выглядели довольными после успешного дела. Чего раздражаюсь? Понимаю, что могли выторговать больше, но моего интереса нет и тороплюсь к Аркадьевичу. Сколько времени проведу у него? А ведь еще надо ехать за шмотками.

– А во-вторых? – подтолкнул меня голос Юрки.

– Что? – повернулся к нему.

– Ты сказал – во-первых. Что во-вторых? – пояснил он.

– Времени у меня не было на торговлю. Надо еще в два места успеть. Поедете в следующий раз и попытайтесь сами торговаться. Можешь сам попробовать, – взглянул Ухналю в глаза.

– Не-е. Не получится. У меня слов не хватит. Мысленно спорить могу, а вслух...! – заморгал головой. – Зато теперь знаю, насколько это трудно и опасно, а то наши думают, что все просто – привез, получил деньги и все!

– Хорошо, что скоро в армию, – пробормотал Серега. – Еще шмотки отбирать....

Стас попытался сунуть мне часть полученных денег.

– С таксистом считаешься, – отказался.

У адреса Аркадьевича отправил ребят с таксистом обедать, а сам пошел в подъезд голодным – свободного времени на перекус уже не было. Надеюсь, что хоть кофе администратор не пожалеет для меня.

– Ну наконец-то! – начал с упреков Иосиф Аркадьевич, кутаясь в пушистый пуловер.

– Извините, Иосиф Аркадьевич. Закончил дела и сразу к вам, – примирительно улыбнулся ему.

– Проходи, – буркнул тот и пошел вперед, бормоча раздраженно:

– Дела, дела, а здесь, что? Не дело? Развлечение?

Раздражение-то администратора, напускное. Вероятно, хитрый еврей хочет заставить меня чувствовать виноватым и таким образом повлиять на цену привезенных песен. Надо отвлечь.

– Иосиф Аркадьевич! Я так торопился к вам, что не успел перекусить, – обратился я к хозяину. – Нельзя ли начать с кофе? – попросил с улыбкой.

Он резко тормознул в дверях музыкальной комнаты и направился в сторону кухни, упрекая меня:

– Что же вы, Сережа? Разве можно так легкомысленно относиться к своему здоровью? За здоровьем надо следить с молодости и кушать вовремя.

На кухне выгрузил из холодильника колбасу, сыр, масло и начал засыпать в турку кофе.

– Может шоколадное масло достать? – предложил хозяин. – Я на старости лет приистрастился. Вот помню в детстве, матушка принесет пайку черного хлеба, отрежешь ломоть, польешь постным маслом, посыплешь солью и наслаждаешься. Вкусотища! Казалось, не бывает ничего вкуснее, – обратился старик к воспоминаниям. – О таком великолепии даже не мечтали, – кивнул хозяин на стол.

Вышел я от него довольным, так как карман грели одиннадцать тысяч рублей.

– Ты не подумай. Я не обвиняю тебя за то, что могли больше получить, – попытался оправдаться Ухналь в поезде.

– Проехали, – отмахнулся благодушно.

Я был вполне удовлетворен поездкой, все дела выполнил и вез домой купленную обувь, одежду и деньги.

Коррекция уголовного дела.

Десятого ноября после обеда, чтобы не пугать милиционеров, мы всю нашу «банду» оставили в соседнем парке на лавочке, а сами стояли на милицейском крыльце, дожидаясь терпилу с его другом. Игорь с подростком его возраста пошел при нас к следователю. Я совсем забыл, что у милиции сегодня профессиональный праздник. Стыдно! Сам ведь десять лет отмечал этот праздник, нося милицейские погоны. Видимо, проблемы навалились и вылетела подобная мелочь из головы. Из-за этого может провалиться моя задумка по развалу уголовного дела. Уеду, а Стас сможет направить Игоря снова к следователю? Сам ведь должен быть заинтересован.

Из здания выходили милиционеры, сверкая белыми рубахами в ворота шинелей, некоторые явно поддатые и женщины с цветами в руках.

– Думаешь получится? – беспокоился Стас.

– Не знаю, – ответил я правду. – Никому не нравится переделывать свою работу. Да и праздник у них сегодня, видишь?

Сам же думал – кто еще нам может помочь? Может зайти к Капкину – начальнику уголовного розыска? Я, как источник информации для него бесполезен в настоящее время, а пойдет ли Стас на сотрудничество с милицией? Да и интересны ли мы ему? Вдруг ему будет выгоднее закрыть Стаса? Так ничего не решив, пришел к выводу дождаться результатов встречи со следователем пострадавшего Игоря с другом. Сам помнил из будущего, что несмотря на праздник, в милиции рабочий день, хотя многие относятся к этому спустя рукава и выпивают в своих коллективах, но не все такие. Есть добросовестные сотрудники, которые несмотря на праздник работают. Надеюсь, что и наш следователь из таких.

Уже закончился рабочий день, и милицейские чиновники расходились по домам, а терпилы все не было. Наконец, когда уже мы собрались уходить, из здания вышел Игорь с другом.

– Все, – выдохнул, – но, по-моему, он не поверил. Несколько раз переспрашивал – не заставили нас изменить показания и выгонял из кабинета подумать. Не знаю, что получится. Он сказал – суд решит.

– Он записал новые показания? – поинтересовался я.

– Записал и заставил расписаться, но я не уверен, что это поможет, – взглянул на Стаса.

– Ладно, идите, – отпустил ребят.

– Ты готов сотрудничать с милицией? – повернулся я к Стасу.

– Стучать, что-ли? – догадался он. – Не-е. Лучше отсижу, – замотал головой друг.

– Неизвестно, что лучше. Да и стучать необязательно, а поддержка из ментуры не помешала бы, – заявил ему, не веря сам. – Подумай.

– Ты с нами в поселок или по своим делам? – завершил он разговор.

– К подруге, – признался.

.....

Теперь, по прошествии нескольких месяцев я знал, что дело развалилось, а Стаса вербовали, но о результатах не знал и не спрашивал. В таких вещах даже друзьям не признаются. Мотоцикл «Восход» я передал Стасу для Игоря, а маме отдал сто рублей своих денег после поездки в Москву.

Маринка.

В осенние каникулы с Маринкой встретиться и выяснить отношения не получилось. Это смог сделать только в зимние каникулы.

– Ты сам виноват, – сразу при встрече начала обвинять меня рассерженная девчонка. – Я звонила несколько раз, тебя все не было, а твой друг не мог ничего сказать. Написал бы

Хотел сказать, что не мог прийти на телефонные переговоры, так как был в больнице, но промолчал, понимая, что все равно останусь виноватым. К тому же чувствовал свою вину, а обличительный монолог нужен самой Маринке.

– Осенью приезжал, почему не зашел? К тому же мне сказали, что ты был на танцах с девчонкой из второй школы. Красивой. Кто она такая? Откуда ты ее знаешь? – не удержалась и всхлипнула.

Что я мог ответить? Пусть уж я останусь неправым в Маринкиных глазах, но хоть так сделаю выбор в пользу Гули.

– Вот и пришлось мне сделать выбор, – между тем продолжала сердиться Маринка, неожиданно повторив мои мысли, – Да и мама..., – проговорила и поняв, закусила губу.

Разозлилась и почти закричала:

– Между нами все! И не ищи больше встреч со мной. У меня другой парень..., развернулась, встряхнув хвостом волос и пошла от меня походкой танцовщицы, играя бедрами.

Глядя ей вслед, я предположил, что она ждала от меня другого – оправданий, извинений, но не молчания и, если я сейчас ее окрикну, она вернется. А что дальше? Опять мотаться от одной к другой? Обманывать обеих? Нет уж. Пусть остается так! Это будет честно!

Уже в поезде по дороге в Ленинград жалел о расставании с подружкой, хотя должен был радоваться.

Глава 2.

Школа.

Сижу на уроке, пытаюсь вникнуть в то, о чем толкует химичка, расхаживая по классу. Есть у нее такая манера преподавания – говорить в движении. Подвигается, поговорит, подойдет к доске или к макетам органических структур, потыкает указкой и дальше в путь, но излагает материал хорошо, понятно. Я уверен, что органическую химию знаю и на выпускных экзаменах не провалюсь, чего не скажешь про неорганическую. Ее еще в прежней школе не учил и не стремился знать, то есть вообще не задумывался, что придется сдавать на выпускных экзаменах в десятом классе и оценка будет для меня важна.

Пытался самостоятельно изучать этот предмет, загрузившись библиотечными учебниками. Оказалось, нет ничего страшного и непонятного. Времени хоть и не хватало, но прочитал все учебники еще до Нового года и даже кое-что законспектировал.

До седьмого класса я не знал формулу воды или серной кислоты, над чем мама постоянно прикалывалась и запомнил их благодаря этим насмешкам. Преподавала химию в прежней школе Римма Васильевна – пожилая, добрая незлопамятная женщина, но взрывчатая и импульсивная. Могла разозлившись на нерадивого ученика в порыве негодования поставить «кол» в журнал, а потом остыв, сама же пыталась его исправить, если не на том же уроке, то на следующем. Излагая учебный материал входила в раж, краснела и даже бегала по классу. Однажды, пробегая споткнулась о чей-то портфель в проходе и растянулась на полу, показав черные панталоны до колен. Класс хохотнул и уткнулся в книги, пряча усмешки.

Я не понимал, почему высчитывая валентность и производя элементарные математические действия она восторженно пучила глаза. Не изучала математику, где решались более сложные математические примеры и восторгалась своими математическими способностями?

Восьмой класс я закончил с завышенной тройкой по химии и остался только благодарен Римме Васильевне. В девятом прежней школы и десятом классе этой у меня оценки – четверки и пятерки.

«Опять отвлекся на воспоминания», – заметил и прислушался к учительнице. Справа навязчиво лез аромат новых Наташкиных духов. По ее словам, французских. Еще перед уроками она похвасталась ими и поинтересовалась моим мнением, а я не смог ничего сказать и ответил:

– Ничего, пахнут.

– Мужлан! – фыркнула она, обидевшись.

Сейчас же, когда этот запах меня уже достал, я бы сказал – духи агрессивно пахнут и вряд ли это производство Франции. Я почему-то считал, что элитный парфюм должен быть более утонченным, а не лезть в нос настойчиво. Вероятно, все же подделка под Францию или это не МОЙ запах, а может девчонка переусердствовала с ними. Где-то слышал, что если парфюм через короткое время перестаешь ощущать, то это ТВОЙ запах. Надо у Наташки поинтересоваться на перемене – чувствует ли она запах своих «французских» духов?

Опять отвлекся от урока. Все же я визуал и мне легче прочитать учебник, чем слушать учительницу, хотя она рассказывает живо, вроде бы интересно и понятно.

А за окном бушует весна! Хотя сегодня день пасмурный, но без дождя и холодно. В наших дворах много черемухи и когда она начала цвести в квартале появился одуряющий аромат, зато резко похолодало. Сегодня, когда шел в школу мимо покрытых белыми цветочками кустов, наслаждался ароматом и в душе радовался – весна, скоро лето.

Еще недавно совсем ничего не замечал. Даже майские праздники прошли, как бы мимо меня. Как на автомате прошелся по Дворцовой площади с цветами и шариками в колонне школы. На трибуне стояли какие-то люди, но без Романова меня они не интересовали. Кого назначат или уже назначили вместо него? Не важно. Наташка куда-то приглашала потом, но я отказался. В последнее время она уже привыкла к такому моему поведению и внешне вроде бы не обиделась.

Вечером 1 Мая у нас дома опять собирался междусобойчик коллег и друзей тети Светы. Наташка подошла, помогла моей родственнице накрыть на стол, но на мероприятие не осталась.

К назначенному времени собралось. Я уже всех знал. В прихожей пожимал руки мужчин, принимал пакеты, свертки со спиртным и закусками, безучастно терпел поцелуи и объятия женщин, хотя пытался приветливо улыбаться каждому. Даже к Юлии Андреевне постарался не проявить чувств и не показать, что мы уже больше, чем знакомые.

Петь и играть на гитаре отказался, соврав, что повредил руку на боксе. Выдержал за столом некоторое время, соблюдая приличия и ушел под удивленными взглядами, оставив компанию. Не знаю, пришлось ли оправдываться родственнице перед друзьями? Хотя я стал своим за несколько вечеринок в их кругу, но все же они были знакомы много лет еще до меня и выпили, а спиртное позволит отвлечься от моего непонятного поведения.

Мои мысли и воспоминания прервал звонок на перемену. Химичка повысила голос, успокаивая оживившийся класс:

– Звонок для учителя! На следующем уроке будем продолжать разбирать экзаменационные вопросы, а вы самостоятельно готовьтесь к экзамену по химии.

Собрала свои документы и принадлежности, замерла и улыбнулась:

– До свидания, ребята! – и направилась из класса.

Вместе со всеми поднялся, провожая учительницу.

На перемене ко мне подскочил Валерка Логинов, долговязый парень с длинными волосами, наш классный признанный меломан и, заговорщицки оглядываясь забубнил вполголоса:

– Серега! Слышал, что на днях к нам приезжает сам Элтон Джон? Будет выступать в «Коробке». Пойдешь? – и метнул взгляд на «греющую уши» насторожившуюся Наташку. Билет достать не сможешь? – разъярил свое рвение, приплясывая на месте.

– Не знаю, нет, наверное, не пойду, – задумчиво протянул.

Я знал, что Большой концертный зал «Октябрьский» в Ленинграде в народе звали «Коробкой». Мы туда ходили с Наташкой на хореографический ансамбль «Березка». Достали дефицитные билеты ее родители, сами не пошли, а отдали ей с подружкой. До страсти девчонке хотелось посмотреть на знаменитый ансамбль. Подружкой оказался я и пришлось идти, хотя и не хотелось. Как и предполагал, представление мне не очень пришлось по душе. Похоже, Наташке тоже. В перерыве, отстояв большую очередь, купили настоящий кофе со сливками и вкуснющие бисквиты – буфет не по советским меркам был богат ассортиментом. По окончании перерыва, когда народ освободил буфет и повалил в зал, повторили, а опоздав уже не пошли на второе отделение.

– Соловьев! Ты влияешь на меня отрицательно! – наигранно возмутилась Наташка после, когда брели по вечерней улице к метро. – Я всегда мечтала посмотреть на знаменитый коллектив, ведь столько о нем пишут восторженно и показывают, а поглядела на твое кислое лицо и мне тоже не понравилось.

Одноклассница редко называла меня по имени при общении наедине.

Сегодня Валерка подтвердил слухи, которые бродили уже несколько недель среди ребят о приезде в СССР на гастроли знаменитого артиста. Никто ничего точно не знал, а сплетни ходили самые разные, даже совершенно фантастические, но многим верили. Мне творчество англичанина не нравилось ни сейчас, ни в будущем, поэтому известие, что маршрут Джона

включает Ленинград воспринял равнодушно, но для меломанов и поклонников зарубежной эстрады типа Валерки приезд в город звезды мирового уровня, как прилет инопланетян. Он был готов ночами дежурить возле касс в толпе таких же одержимых в надежде приобрести билетик, а заполучить звездный автограф – это вообще мечта из несбыточных.

– Когда хоть концерт? – спросил я у бьющего копытами Логинова.

– Двадцать пятого, – с надеждой умоляюще взглянул он.

– У нас же Последний звонок в этот день! – удивился я.

– Ну и что? – удивился в ответ, – это же сам Элтон Джон! – пояснил, как неразумному, будто Последние звонки бывают чаще.

– Нет не пойду, – решительно заявил, – и билет не смогу достать, – обломал его надежды.

«Вот же фанат!» – задумчиво гляжу вслед разочарованному однокласснику. Все должно иметь пределы, даже любовь к музыке. Мне важнее Последний звонок. Валерка часто ребятам рассказывал новости из жизни эстрады, безбожно привирая, так как крутился среди таких же меломанов. Иногда он приносил в школу музыкальные журналы, пленки и «пласты» с дефицитными записями популярных песен звезд или групп и втихаря приторговывал ими.

– А я бы хотела сходить на Элтона Джона, – неожиданно призналась Наташка за обедом в столовой.

– Вместо Последнего звонка? – иронично поинтересовался, и одноклассница запнулась.

Она знала, что я имею связи где-то наверху или догадывалась. Как-то я достал через Ксенофонтова ей с мамой билеты на Сенчину и Толкунову, а ребята, вероятно об этом узнали. Поэтому Валерка и обратился ко мне.

Задумался и чуть не прослушал следующий вопрос Наташки:

– Тебе Элтон Джон тоже не нравится?

– Нет. Почему мне должны нравиться альтернативно одаренные и заднеприводные? – ответил, увлеченно расправляясь с котлетой.

– Что это значит? – вскинулась заинтересованно.

– Такие, как он у нас в Катькином садике тусуются, – ляпнул, не подумав и вдруг заметил, что Наташка стремительно краснеет.

Все ленинградцы знали, что на площади Островского в сквере перед Ленинградским академическим театром драмы им. А. С. Пушкина, где возвышался памятник Екатерине Великой тусуются геи и лесбиянки.

Редчайший случай видеть подругу смущенной, а на покрасневшей коже вдруг проступили веснушки.

– Наташка! – ахнул я, – у тебя же веснушки, и ты скрывала такую прелесть!

– Ну тебя! – смутилась она еще больше и отвернулась.

– Только сейчас заметил? Что только не делаю, а они... – пожаловалась.

– Не переживай так, эти милые веснушки тебе к лицу, создают неповторимость и придают некий шарм, – попытался успокоить.

На уроке физики она вновь пристала ко мне.

– Откуда ты знаешь, что Элтон Джон из этих..., альтернативных? – спросила, наклонившись к столу и хихикнула.

Понял, что проговорился, так как действительно сейчас певец не афишировал свои склонности.

– Не помню, – буркнул сквозь зубы, – читал или слышал где-то.

– А его творчество тоже не нравится? – не отставала она. – Его весь мир признал, как великого музыканта.

Я вздохнул – вот неугомонная.

– Послушай его песни – ни одна в памяти не останется, как, например, у АББЫ и голос не отличается диапазоном, как у Антонова, но у того хоть песни мелодичные – все поют.

– Соловьев! Вы на перемене не наговорились? – послышался голос учительницы от доски.

– Извините, – ответил досадуя.

Наташка затихла, а я стал слушать, что вещает физичка. Большинство выпускных экзаменов я не опасался. За учебный год я подтянул свою успеваемость и законно числился в лидерах класса. Вызывала сомнение только неорганическая химия, английский и русский язык в сочинении, так как способен был допустить глупые ошибки в орфографии. «А по-английски я могу уже уверенно молчать», – шучу про себя.

Бокс.

Сегодня у меня тренировка по боксу. За прошедшее время я, конечно, чемпионом Ленинграда в своем весе не стал, да и не было возможности. Меня еще в начале зимы тренер перевел из подготовительной группы в группу перспективных, где занимались уже опытные боксеры, разрядники и участники соревнований.

Произошло это после того, как я в учебном бою уложил(усадил) своего противника, ткнув его в лоб. Даже не ударил, как положено, а просто ткнул. Запрещалось выкладываться нам, новичкам на ринге. В учебных боях мы должны были обозначать удары или бить не в силу. Главное показать технику и проявить выносливость. Но разве могут ребята соблюсти все требования тренера?

Тогда в соперники мне достался Генка Воробей. Он был постарше, выше меня и с длинными «граблями». Вот своей кувалдой прямым в голову попал мне. Ничего так ударчик я пропустил. Окружающие ринг ребята зашумели, только я не понял одобрительно или недовольно, но тренер бой не остановил. Я разорвал дистанцию, отскочив, собрался и, упрямо наклонив голову шагнул вперед. Генка в это время, вероятно, захотел повторить, прыгнул навстречу и ударил хуком слева. Этот удар я уже заметил, подсел под руку и выпрямляясь, нанес встречный. Даже не вкладываясь попал Воробью в лоб. Колени у него подогнулись, и противник опустился на пол ринга. Я в растерянности остановился, опустил руки и взглянул на тренера. Все ребята молчали.

– В угол! – скомандовал мне Виктор Геннадьевич и склонился над сидящим на полу Воробьем.

После тренировки ко мне подошел тренер и с недовольным видом сообщил:

– Соловьев. Переходишь в другую группу, посмотри расписание тренировок.

Так я оказался среди более подготовленных ребят, только не понял недовольство Виктора Геннадьевича. Потом ребята меня просветили. На первой же тренировке один плечистый парень, косясь на моего паука поинтересовался:

– Ты откуда?

– Из 526 школы, – ответил недоумеваю. – А что?

– Где ты видел спортсменов с наколками? – хмыкнул и отошел.

Я же для себя занимаюсь, – хотелось ответить.

Однажды тренер, сделав мне замечание при отработке левого бокового неожиданно спросил:

– Вывести это не хочешь? – и кивнул на мое плечо.

– Нет, а что? – удивился и вытер пот с лица.

– Тогда тебе не будет хода на ринг. К соревнованиям не допустят. Парень ты с потенциалом. Есть в тебе все, что нужно боксеру. Подумай, – сказал и отошел к соседу.

Не нужны мне ваши соревнования! – мысленно ответил и продолжил яростно избивать грушу.

В этой группе занимались уже более опытные ребята и тренировки были жестче. Бывало приходил домой с синяками, чем вызывал ехидные насмешки у Наташки, причитания тети Светы, интерес ребят и сочувственные взгляды девчонок.

Однако вскоре у меня произошла стычка с боксерами. Традиционно боксеры секции должны были посещать все значимые боксерские соревнования. Там Виктор Геннадьевич разбирал с нами проходящие поединки. Только в бою боксер проявляет себя полностью. Наиболее интересные бои вызывали среди ребят довольно оживленное обсуждение. Вероятно, интересно было наблюдать со стороны за группой молодых людей, размахивающих на улице руками, делающие уклоны, проводящие контратаки и при этом громко и темпераментно споривших.

Иногда со мной увязывалась Наташка.

– Зачем тебе? Это же не гимнастика? – удивлялся я.

– Хочу понять, почему ушибленным головой нравится получать по ней же, – похлопала ресницами, изобразив наивность.

После матча во Дворце спорта Василеостровского района с ребятами не пошел, а направился с Наташкой к метро дворами.

– Больше с тобой не пойду, – заявила она по дороге. – Скучно и однообразно. «На ринг вызываются...» – передразнила. – Ты почему не выступаешь? Не достоин? – ехидно поинтересовалась.

– Почему? – удивился. – Были сегодня интересные бои, – задумчиво ответил, но в глубине души признавал правоту девчонки.

Трудно неспециалисту было выявить среди выступавших боксеров кого-то выдающегося. Сегодня даже нокдаунов не было. Ребята старались боксировать классически, опасаясь пропустить удар и действовали от обороны. Редко осмеливались на связки из трех и более ударов. Это однообразие утомляло зрителей, а мне, видевшему в будущем профессиональный бокс, хотелось зевать от уровня нынешнего любительского. Может на чемпионатах СССР, спартакиадах другой уровень и бокс смотрится зрелищнее? Хотя провал на предстоящей Олимпиаде покажет, что советский бокс безнадежно отстал от мирового.

– Ну-ка, тормози! – дорогу нам преградили три фигуры.

Наташка испуганно схватила меня за рукав. «Местные гопники, а мы забрели на их поляну?» – прикинул.

– Быстро смойся! – бросил вполголоса подруге, отцепил ее руку от рукава и шагнул вперед. – Чего надо? – повысил голос.

Ребята переглянулись и один из них насмешливо спросил:

– Ну ты, жених, чего по нашей улице ходишь? Жених!

– Образованный, в кино ходишь, «Офицеры» смотришь, – констатировал я, гадая -далеко ли Наташка ушла?

От удара крайнего ушел, а кулак второго чиркнул за ухом. Отскочил вбок и подсек ногу ближнему. Ударился больно голенью, но противника уронил. На меня кинулся третий парень под матерную ругань упавшего. Подсел под его руку и ударил кулаком в пах.

– А-а! – вскрикнул тот и, прижав руки к низу живота присел.

– Ви-и! – ударил по ушам пронзительный визг за спиной. – Милиция! Пожар, пожар! – заверещала Наташка.

Налетчики переглянулись и, подхватив товарища с пострадавшими гениталиями быстро удалились.

– Ты почему не ушла? – подошел к ней. – И чего ты орала? Я же говорил тебе, что надо кричать «пожар», когда хочешь позвать на помощь. На «милицию» народ не отреагирует.

– Растерялась от испуга – буркнула. – Все из головы вылетело. Тебе досталось? – поинтересовалась, пытаясь рассмотреть мое лицо в вечернем сумраке.

– Отмахался! Пошли быстрее, а то и вправду милиция приедет. Молодец, спасибо, – потянул подругку вперед, а сам размышлял над непонятным поведением налетчиков.

Просвещенные, с претензией на интеллигентность налетчики пошли. Ни сигарет или денег не потребовали по классике жанра! – гадал, – Они же боксеры! – осенило, поэтому не ждали от противника ударов ногами и работы руками по нижнему уровню. Интересно. Это такую проверку мои соратники по секции устроили? Проверяют на «вшивость»? А Геннадьевич знает? Все равно от трех боксеров я бы не отбил, если бы не Наташка. Молодец, но стоило ли ее хвалить вслух? Загордится язва.

В секции вскоре начался отбор боксеров к чемпионату Ленинграда среди юниоров, и я победил двух своих соперников в моем весе. Причем оба занимались значительно больше

меня. Одного вообще досрочно за явным преимуществом. Забил, но не уронил – тренер остановил бой.

– Ты по-прежнему не хочешь сводить свою татуировку? – поинтересовался Виктор Геннадьевич после второй победы.

– Нет, – ответил, опираясь на канаты и восстанавливая дыхание, так как бой дался нелегко. – Мне сам бокс интересен, а не разряды или соревнования, – пытался пояснить.

Еще неизвестно, как отнесутся Романов с Ксенофонтовым, если сунусь на Большой ринг, – подумал тогда, а вскоре произошла трагедия.

Теперь думаю, что мне не помешал бы разряд по боксу для поступления в институт.

Сходил и на Наташкины соревнования по художественной гимнастике. Полюбовался ее стройной фигуркой и других девчонок. Соревнования в индивидуальном зачете выиграла ничем не примечательная девчонка без груди и плечиками шире бедер. Наташка заняла четвертое место и расстроилась, хотя вида старалась не показать.

– Не переживай, ты замечательно выступила, – попытался успокоить самолюбивую девчонку, но она отмахнулась.

Я, как не старался, так и не смог понять, как судьи могут оценивать спортсменов? Все выступали одинаково, практически на одном уровне, если не допускали явный косяк – равновесие не удержали или снаряд роняли.

А у Наташки фигурка ничего так! Грудь – твердая двочка, талия узкая и ножки стройные! – оценивал с трибуны. Кроме фигуры меня поразила ее пластика и растяжка. Никогда бы не подумал, что подружка может так гнуться. И никогда не показывала ведь, не хвасталась, а такая растяжка достигается большим трудом и упорными тренировками. Гордиться есть чем. К упорному характеру красота и ум? Не много ли ей? – удивлялся. Вот характер – не сахар! – отметил и вспомнил покладистую Ленку из Петродворца.

Мужские слабости.

Давно я не навещал своих ленинградских женщин! – вспомнил, отвлекшись от воспоминаний. Может к Ленке в общагу съездить в ближайшие выходные?

Она такая «няша» по сравнению с Наташей, – улыбнулся получившемуся каламбуру. По характеру покладистая, никогда не скажет того, что может обидеть и всегда старается доставить мне удовольствие, предоставив свое тело моим похотливым ручонкам, – продолжил сравнивать с одноклассницей.

Вспомнил Ленкины достоинства, молочно-белые круглые мягкие ягодицы, след от тугой резинки, оставшийся на белых ляжках, улыбку, открывающую мелкие ровные зубки и в трусах, зашевелилось. Единственная с ней проблема – негде уединиться, а особенно в холодное время года или в дождь. Но сейчас поздняя весна, почти лето, все парки Петергофа в нашем распоряжении и если дождя не будет, то...

Несколько раз она приводила меня в свое общежитие. Оказывается, до одиннадцати часов вечера ребят пропускают на женские этажи, а дольше мне и не надо, так как сорок минут еще добираться электричкой до станции «Ленинский Проспект» и на автобусе ехать до Московского проспекта.

Общежитие у Ленки современное квартирному типу – девятиэтажный дом с одним подъездом. Она жила с четырьмя девчонками в двухкомнатной малогабаритной квартире, где была маленькая кухня и совмещенный санузел. В первый раз, когда Ленка меня туда привела, познакомилась с другими девчонками. Она жила вдвоем в одной комнате с вульгарной некрасивой соседкой, а три других девчонки в другой.

– Еб...тесь на здоровье! – пожелала с насмешкой крупная высокая девка и вышла из комнаты, оставив нас с Ленкой вдвоем.

Меня трудно было чем удивить, но тут опешил. Так вести себя при незнакомых людях? Хабалка даже не пыталась показать себя лучше, чем есть, как это принято.

– Не обращай внимание. Танька хорошая и добрая, только не везет ей в жизни, – с извиняющей улыбкой проинформировала подружка.

В будущем, в годы курсантской, а затем офицерской юности было в порядке вещей «общаться» с девчонками в одном помещении. Слышал женские сладострастные стоны, вздохи, пыхтение и в полумраке видел ритмично вздымающееся одеяло на соседней кровати. Наверняка соседняя пара видела и слышала то же самое.

В этой общаге происходило почти так же. Хорошо еще, что у девчат было две комнаты и для уединения нуждающимся парам понимающие соседки выделяли маленькую комнату, но несмотря на весь цинизм, мне не нравилось, когда в самый пикантный момент за незапертой дверью раздавался взрыв хохота или еще какие-то звуки.

Однажды Эдик напросился со мной в Ленкину общагу. Он сразу покорила девчонок своим обаянием, шутками и общительностью. Пришли девчонки даже из других блоков-квартир. От него не отставала одна говорливая черноволосая девушка. Через некоторое время я спохватился, что не вижу друга, пока какая-то девчонка громко не возмутилась. Оказалось, что туалет с ванной заперт. Понятно – Эдик кого-то уже «уговорил». Оглядел присутствующих и так же не заметил черноволосой. Через некоторое время он появился довольный, а его избранница выглядела немного смущенно. Кто-то накинулся на парочку с упреками, а другие ринулись в туалет. Под вечер Эдик снова пропал, но уже с другой девчонкой и не в нашем туалете. Я его тогда не дождался и поехал домой. Ленка обещала молчать про адюльтер нашего друга и по видимому сдержала слово, а девчонки из ее блока спрашивали про Эдика потом. Наверное, у многих чесалось.

Может Юлию Андреевну навестить? – мелькнула мысль. У меня с коллегой тети Светы отношения появились после Нового года. Она на вечеринках коллег неоднократно проявляла ко мне внимание – тайком обнимала, прижимала и пыталась поцеловать, демонстрируя свое расположение. Я, конечно, был не против более детально изучить ее тело, помять всяческие выпуклости и прочее. Только с «прочим» были проблемы – кругом были взрослые люди. Однажды она сунула мне бумажку в руку и прошептала, таинственно улыбаясь:

– Приходи, буду ждать!

Симпатичное лицо, узкие плечи, тонкая талия и широченные бедра, обтянутые тесной тканью платья или брюк. Неужели такая женщина не привлекает мужиков, если зовет меня? – удивлялся. Или женщин, как и нас мужиков тянет на молоденьких, хочется новизны?

Однажды я решился и нашел адрес, указанный в записке на Бухарестской улице. Поднялся к квартире и нажал кнопку звонка на первом этаже.

– Ты? – удивилась, как будто не она возбужденно шептала, суя записку мне в руку недавно. – Случилось чего? А цветы зачем? – спросила, только будто сейчас заметив букет.

Что за игра? – мелькнула мысль. Эта светская дама совсем не была похожа на ту, на вечеринке. Розыгрыш?

Протянул ей букет с пакетом, в котором лежала бутылка марочного вина. Я заметил на вечеринках, что ей нравилось такое вино и продумывая сценарий встречи, решил, что бутылка не помешает, но не ожидал такого приема.

– Чего же ты молчишь, мальчик? – поинтересовалась с улыбкой, принимая цветы с пакетом.

Значит, мальчик? – подумал и решительно шагнул в комнату, подступив вплотную к женщине. Непроизвольно она сделала шаг назад, позволив мне закрыть за собой дверь. Пока у нее были заняты руки, обнял, отметив гладкость халатика и поцеловал в губы. Юлия отпрянула и демонстративно возмутилась:

– Мальчик! Что ты себе поз...!

Карие глаза панически заметались, а не маленькая грудь, видимая в глубоком декольте халата, поднималась и опускалась в возбуждении. Я вновь притянул женщину и приник к губам.

– Что мы творим? – воскликнула она, когда мы оторвались друг от друга. – Что ...? – попыталась вновь возмутиться, когда я увлек ее в комнату и толкнул к дивану.

Юлия Андреевна уже не сопротивлялась, а даже помогала раздеть себя и больше не пыталась изображать недоступность. Вошел в нее, даже не снимая джинсов и быстро кончил.

– Подожди, – остановила меня, – тебе же неудобно, – прошептала, поднялась, пересела на мои ноги и принялась расстегивать мои штаны.

Стянула джинсы с трусами до колен и обхватила рукой член. Тот сразу воспрял. Недолго думая женщина, приподнялась и со вздохом опустилась на него, помогая себе рукой. Посидев с полузакрытыми глазами, начала двигать тазом. Ей до оргазма хватило всего несколько движений. Простонав, замерла с закрытыми глазами, но стоило мне зашевелиться, прошептала:

– Подожди минутку.

Успокоившись, сама начала движение тазом. Так она кончила несколько раз, если не притворялась. В распахнувшихся полах халатика видел толстые широкие бедра, выпуклый животик и розовый лифчик, стягивающий груди. При такой обширной заднице ее грудь оказалась размера третьего-четвертого и не потеряла своей формы. На неровности кожи из-за целлюлита я не обращал внимания, когда доступны мне такие формы.

Когда я кончил во второй раз, Юлия Андреевна успокоилась и легла рядом на боку. Я гладил ее тело, изучая все доступные рукам места и наслаждался. «... под грудью у мадам, немного жарко, но до одури приятно!» – вспомнилась песня Розенбаума.

– Что мы творим? – задумчиво спросила женщина, глядя на меня, подложив под голову руку и водя кончиками пальцев по моему лбу, носу, губам....

– Ты же сама этого хотела, – напомнил.

– Хотела ..., – согласилась, но не объяснила своего поведения вначале. – Светка уйдет, если узнает, – добавила.

Я не самоубийца и не собирался рассказывать тете про взаимоотношения с ее коллегой. Откуда она может узнать, если сама Юлия не похвалится перед кем-нибудь молодым любовником? Похоже, моя возрастная любовница это сама понимает.

Потом мы повторили в разных позах и местах – на кухне, в ванной и вновь на диване.

– Ты монстр, совсем заездил, – призналась на прощание. – Когда еще придешь?

Вино мы тогда так и не открыли.

Потом я неоднократно навещал старшую любовницу и всегда наши встречи начинались с постели, а потом она активно закармливала меня.

Не знаю, узнал ли Ксенофонт о моей связи с Юлией? Даже не намекал. Я все же, соблюдая предосторожность пытался уйти от возможной слежки по пути к ней.

....

Сегодня я стоял перед дилеммой – к кому поехать и отдаться? Кого порадовать? К Юлии Андреевне? Удобно и нет проблем с местом встречи. К Ленке в Петродворец? Опять общага и шумные любопытные соседки за дверь. Или отправиться с ней в парк? Она с готовностью поможет мне разрядиться рукой или ртом, если не будет возможности лечь на травку или не найдем укромного места. Фонтаны уже открыли и толпы туристов можно встретить везде.

Все же выбрал Ленку. Вино она не любит, зато ее подружки обожают и ждут моего приезда, так как прихожу не с пустыми руками. Отношения в их блоке похожие на семейные, как у меня будут (были бы), когда стану жить в офицерском общежитии. Все общее – и одежда, и продукты, кроме нижнего белья и носков, да и то не факт. Ленкины соседки все из небогатых семей и бывало живут впроголодь, когда стипендия с родительскими деньгами потрачены, а продукты на многочисленных вечеринках съедены. Джинсы, которые подарил подружке и другие шмотки носили все, кому подошли. Даже Ленкина соседка по комнате пыталась их натянуть на свою задницу, примеряя – Ленка рассказывала, смеясь.

А ведь из этих девчонок потом получатся примерные верные жены, а будущие мужья могут и не догадываться, что его супруга в молодости могла участвовать в общажных оргиях или рыскать по городу с очередным любовником в поисках укромного места. Вспомнился фильм «Криминальный талант», где одна девчонка признавалась, что все соседки по комнате, таясь под одеялом не спали и терпеливо ждали возвращения их подруги, занимающейся проституцией и другими неблагоприятными делишками в надежде, что та принесет закусок с вечеринки.

Самому неоднократно намекали Ленкины соседки на более тесное знакомство. «Богатенький Буратино» в их глазах – достойный партнер и выгодная партия.

Ленку я навещал в месяц один-три раза и не всегда ее комната была в нашем распоряжении – девчонок посещали другие гости, кроме меня.

Все-таки хорошо, когда есть выбор сунуть той или этой! – отметил мысленно с мужским эгоизмом и решил ехать к Ленке, но в мои планы, как не редко случалось за последние полгода вмешалась несносная Наташка.

– У тебя какие планы на выходные? – поинтересовалась в пятницу после уроков она, косясь невинным взглядом.

– Нет вообще-то, хотя собирался съездить к Эдику в Петродворец. Давно не виделись, – вспомнил о своих планах.

– Мои родители собрались на дачу и приглашают тебя вместе со мной, – пояснила.

– Зачем? – опешил.

– Не люблю я эту дачу. Скучно, комары, грязь, сырость..., – принялась перечислять.
– Туалет на улице, – продолжил.
– Зачем на улице? В доме, – поправила меня удивленно.
– А ты хоть видела уличный туалет с дыркой в полу, дитя цивилизации? – поинтересовался иронично.

– Не такая уж я отсталая! – развеселилась. – В пионерлагере видела, но удовольствия не получила, – чуть поморщилась. – Еще и мальчишки подглядывали....

Оказывается, уличный дощатый сортир можно выдавать как достоинство. С таким достижением цивилизации большинство жителей Заводского поселка живут, годами пользуются и не морщатся! – подумал и вспомнил, как рано утром зимой перед зарядкой первым протаптывал тропинку к сортиру после ночной метели.

– Зачем? – повторил вопрос, подозревая неладное. – Смотрины хотят устроить мне, как твоему дружку? Ты разве их не просветила, что матримониальные планы в отношении меня бесполезны?

– Размечтался! – фыркнула в негодовании. – Они хотят вытащить меня на природу перед выпускными экзаменами. Знают, что я на дачу ездить не люблю, вот и предложили взять кого-нибудь с собой из знакомых. Кого мне приглашать кроме тебя? До места доставят на машине и обратно привезут вечером в воскресенье. Поедешь? – требовательно смотрела на меня.

Мне показалось, что мое согласие для самолюбивой девчонки важно.

– Где дача? – поинтересовался и заметил, что Наташка перевела дух.

– В Сосново Приозерского района, выезжаем в субботу, – ответила выдохнув.

– Не пойдет, – мотнул головой. – Мы же учимся, забыла? Туда электричка вроде ходит. Выедем на ней после уроков, – заявил решительно.

– Хорошо, – покладисто согласилась. – Так даже лучше для родителей – они с утра поедут, не дожидаясь нас.

Придется отложить случку. Все равно я никуда не уезжаю, и еще будет возможность навестить Ленку или Юлию Андреевну. Наташке, как не крути я многим обязан. Сидела со мной в госпитале, помогала с учебой. Благодаря ей я могу многозначительно и вовремя молчать по-английски.

Тетя Света, узнав о предстоящей поездке на дачу с Наташкой лишь поинтересовалась как бы невзначай:

– Кто там еще будет?

– Ее родители, – успокоил родственницу, догадываясь о причине ее беспокойства.

– Конечно, поезжай, развейся, – выдохнула довольная.

С облегчением выгрузились из переполненной электрички на платформу Сосново. Ленинградцы рвались на выходные к своим грядам и огородам. По дороге нормально поговорить не удалось из-за давки в вагоне, но Наташка, прижатая ко мне, рассказала о родителях. Отец – Владимир Семенович работал архитектором, а мама – Роза Михайловна была завотделом Облздрава.

Наташка замерла на платформе и непонимающе завертела головой.

– Не туда приехали? – иронично поинтересовался я.

– Я только в детстве ездила с родителями на электричке на дачу, а потом купили автомобиль, – раздосадовано продолжала она оглядываться.

– Ладно, пойдем, найдем как-нибудь, – предложил, забирая у подружки ее сумку.

Сосново не был похож на дачный поселок в моем понимании, а скорее на обычный, широко раскинувшийся населенный пункт с улицами и переулками, застроенный бревенчатыми жилыми домами, хозяйственными постройками и просторными земельными участками.

После часа блуждания по улицам и переулкам, Наташка обрадовалась, увидев какой-то сельский магазин. Оказывается, подруга не знала адреса их родовой усадьбы.

– Все, пришли, теперь знаю куда идти, – облегченно улыбнулась.

Через некоторое время подошли к покосившейся ограде, и она толкнула калитку. За забором возвышался старый дом с верандой. На неухоженном участке росли яблони, другие плодовые деревья с кустарниками. Перед домом стоял Жигуленок с поднятым капотом. Из-под капота выглянул мужчина и устало улыбнулся, увидев нас:

– А, Ташка с дружкой? Мать! У нас гости! – обернувшись, крикнул вглубь сада и, вытирая ветошью испачканные маслом руки двинулся нам на встречу. – Здорово, парень! Извини, что руку не подаю, – объяснил он, раскрывая масляные ладони. – Машина подвела. Еле доехали на последних километрах. Пытаюсь вот исправить, чтобы завтра выехать, но похоже придется бросить здесь. Не хочется этого, но что делать? – досадливо поморщился.

Из-за дома появилась Наташкина мама, одетая по-простому и в сапогах.

– Ну, наконец-то! Как доехали? – поинтересовалась и с интересом взглянула на меня.

– Знакомьтесь! Сережа! Мой одноклассник! Роза Михайловна и Владимир Семенович, – отмерла Наташка.

Я кивнул.

– Очень приятно, – произнесла хозяйка, – проходите в дом, я сейчас чай поставлю.

– Да, да, приятно, идите ребята, – поддержал ее муж, возвращаясь к автомобилю, – мне некогда. Хорошо еще сюда доползли на пердючем пару.

– Володя! – упрекнула мужа супруга за неинтеллигентный сленг.

– Что Володя? Если машину не исправлю, придется завтра на электричке ехать домой. Искать потом машину, чтобы нашу притащить в гараж, – раздраженно пояснил он. – Не бросишь же здесь?

– Проходите ребята в дом. Мы планировали сегодня баню организовать, да боюсь не получится, – пожаловалась раздосадованная хозяйка.

– Позвольте, я попытаюсь вам помочь, Владимир Семенович, – подал я голос и протянул Наташке ее сумку.

– Ты разбираешься в автомобилях? – удивился скептически хозяин, – ну помоги! – ото-двинулся, освобождая проход к двигателю.

Когда нет выхода, хватаются за любую соломинку, пусть этой соломинкой будет подросток, заканчивающий школу.

– У отца мотоциклы. Иногда помогал ему, – пояснил я, склоняясь над двигателем.

Не стану же говорить ему, что в будущем буду возиться неоднократно со своими автомобилями семейства ВАЗ, сначала со старой «семеркой», потом «девяткой». Поначалу, сомневаясь в своих знаниях и умениях в случае ремонта обращался к знакомым, знатокам или в автосервис, а потом понял – то, что делают они и берут за это деньги, могу делать сам и начал ремонтировать без помощи посторонних, иногда заглядывая в инструкцию по ремонту. Неужели не смогу разобраться с «копейкой»?

Наташка, фыркнув прошла к матери.

– Мотоцикл не машина, – упрекнул в сомнении Владимир Семенович.

– Стекла протирали, по колесам стучали? – вспомнил расхожую шутку автомобилистов я. – Что случилось в дороге? – повернулся к хозяину.

Поперхнувшись и сомневаясь в моей адекватности из-за непонятой шутки и снисходительно улыбаясь, тот начал пояснять:

– Движок затроил и начал глохнуть. С трудом запускал и так ехал дальше. Свечи проверил, искра есть, бензин тоже. Уже здесь снял и промыл карбюратор на всякий случай. Все же не один год с машиной возжусь, – упрекнул он меня за самоуверенность, – а за это время даже архитектор начнет разбираться в наших автомобилях, – пошутил. – В гаражах есть специалисты, но туда как-то добраться надо, а здесь никого не знаю.

Пока он изливал душу, я начал крепить минусовой кабель на аккумулятор, который был снят, а попутно оглядывал двигатель и механизмы. Все же архитектор не очень хорошо следил за своим автомобилем. Мотор был в масле, а капот снизу был покрыт толстым слоем пыли, осевшей на масле. Проверил уровень масла в картере – было около минимума.

– Масло двигатель жрет? Свечи закопченные? – повернулся я к хозяину.

– Есть немного, – кивнул тот уже с удивлением глядя на меня. – Но свечи я почистил и прокалил...

– Извините, – прервал его сетования. – Вы не могли бы запустить двигатель, а я посмотрю и послушаю?

– Пожалуйста, – обидчиво полез за руль. – Уже неоднократно это делал, – бормотал, сомневаясь в моих знаниях и умениях.

При запуске стартера двигатель схватывал, но не заводился.

– Вот видишь? – довольный архитектор вылез из салона.

– Вижу, – согласился я и покачал рычагом бензонасоса.

Я заметил – когда водитель нажимал на педаль акселератора на патрубке, ведущем от бензонасоса к карбюратору появлялось влажное пятно на матерчатой оплетке, а при ручной подкачке бензина пятна не было или оно быстро высыхало. Естественно из салона водителю это не было заметно и винить хозяина в том, что он не заметил подсоса воздуха через прохудившийся бензопровод было нельзя.

Отсоединил патрубок и показал хозяину торец трубки – на нем заметна была потрескавшаяся резина.

– Через это подсасывает воздух? – догадался хозяин. – Зимой я не езжу и автомобиль стоит в гараже, а сегодня в первый раз выехал. Перед выездом все осмотрел и завел. Все было в порядке. Колеса подкачал и выехал. Ну надо же! – удивился архитектор-автолюбитель.

Я подрезал прохудившийся патрубок и натянул с трудом на штуцер карбюратора – трубку надо менять, короткая. Затянул стяжку и предложил автовладельцу:

– Попробуйте завести.

Владимир Семенович обрадованно юркнул за руль и повернул ключ. Двигатель завелся и заработал ровно. Я обошел автомобиль и взглянул на дым из выхлопной трубы.

– Погазуйте! – крикнул.

При резком нажатии на педаль газа выхлопная труба выплюнула клубы дыма синего цвета.

– Глуши, – махнул рукой водителю и вытирая ветошью руки, пояснил:

– Двигатель надо перебирать. Сколько автомобилю лет? – спросил.

– Лет пять, – прикинул хозяин. – Я не интенсивно на нем езжу – на дачу, рыбалку изредка или в лес.

– Скорее всего надо менять маслосъемные колпачки, – предположил. – Кольца с цилиндрами за этот срок не должны изнашиваться на «копейке». Модель все же надежная, но наши резиновые изделия не настолько долговечны. И клапана заодно отрегулировать надо, – вспомнил про стук в двигателе.

– И ты это сможешь? – с надеждой и удивлением взглянул на меня Владимир Семенович.

– Там нет ничего сложного, – пожал плечами, – только надо приспособление для сжатия пружин клапанов, щупы и время.

– Да, время...! – кивнул задумчиво головой хозяин, вероятно вспомнив, что я выпускник, как и его дочь, – ну, спасибо тебе! – крепко пожал руку, – выручил. Теперь и на баню время есть. Париться любишь? Пойдем в дом, помоем руки, чайку выпьем и в баню! Супруга должна растопить уже.

– Девочки! Авто на ходу, благодаря Сергею, – громко провозгласил Владимир Семенович, входя в кухню. – Давайте, угощайте кормильцев!

Две женские головы повернулись к нам. Одна с удивлением, другая с насмешкой.

– Чего я про тебя еще не знаю, Соловьев? – поинтересовалась Наташка иронично, когда я колол дрова, а она укладывала в поленницу. – Опять ты удивил и не только меня. Папа вон, как копытом бьет довольный!

– Это ведь жилой деревенский дом, а ты говорила дача, – проигнорировав вопрос, кивнул на жилое здание с хозяйственным двором.

– Это родовой замок отца, – фыркнула насмешливо. – Его еще дедушка построил. Папа не очень любит сюда ездить, а маме нравится возиться в саду и в грядках, только времени на это у обоих нет. Меня раньше часто сюда на выходные возили. Здесь летом хорошо, – вздохнула, – только скучно и мама заставляет работать. Завтра можем погулять. Озеро здесь красивое.

– А родителям помочь не хочешь? – усмехнулся.

– Тебе нравится в земле ковыряться? – ответила вопросом.

– Нет, – подумав мотнул головой. – Моя мама инженер-конструктор, городская жительница тоже дачей одержима, – вздохнул, – отцу приходится ее возить туда и помогать.

– Наши предки похожи, – констатировала подружка, лукаво взглянув на меня.

Вечером мне пришлось выдержать не слабое испытание. Началось в бане, куда первыми пошли мы с отцом Наташки. Владимир Семенович оказался страстным парильщиком и пытался испытать или привить мне любовь к парилке невыносимым паром и веником. Я люблю или полюблю попарится в будущем, но без фанатизма, поэтому, когда жара зашкаливала, по моему мнению, то выходил в предбанник. Вот в предбаннике он и начал предварительный расспрос-допрос.

Испытание продолжилось за ужином Розой Михайловной. Даже Наташкины упреки не охладили интерес матери ко мне. Отвечал, но без подробностей. Куда было проще общаться с Маринкиной мамой, Дарией Мирзоевной и даже с Ксенофонтовым. Необходимо было не проявить чувств (раздражения) из-за вопросов на грани приличия, отвечать правдиво, успокоить родителей отсутствием пошлых мыслей в отношении их дочери, рассказать вкратце о себе, своих родителях и родине. Иногда отшучивался не превышая границ.

Пришлось нелегко, но понятно родительское беспокойство за единственную дочь. И не объяснить, что спать, а тем более жениться на Наташке не собираюсь. Даже, что ел за столом не запомнил.

Уложили меня спать в дальней комнате. В большой горнице легли родители, а Наташка улеглась в другой спальне. Чтобы попытаться покуситься на ее невинность злоумышленнику в моем лице, пришлось бы пробираться через комнату с родителями-церберами, которые явно спали вполглаза.

Долго ворочался на новом месте, вспоминая Ленкино тело или шикарную задницу Юлии Андреевны. Как же восхитительно смотрятся обе в позе раком – узкие талии и широкие бедра колышутся от моих толчков тазом! Где-то на периферии маячила фигурка Наташки в гимнастическом трико, когда она изгибается назад, касаясь из положения стоя руками пола и при этом выпирает ее лобок.

Такой вот сексуальный уик-энд получился у меня. Не в обиде на Наташку – она сама не ожидала такого напора родителей на меня.

Отступление. Наташкины родители.

– Что ты скажешь про Сергея? – поинтересовалась Роза Михайловна у мужа после ужина, когда мыла посуду, Владимир Семенович листал газету и пил чай, а ребята ушли гулять.

– Нормальный парень. Руками работать может, испачкаться не боится, в автомобилях разбирается, – задумчиво перечислил. – Головастый, – добавил, отложив средство массовой информации и задумался. – С юмором! – улыбнулся, вспомнив шутку парня про стекла и колеса. – Короче, я рад если у Наташки с ним все сладится. Чего она говорит? – спросил у жены, зная, что у той с дочерью более доверительные отношения.

– Ничего! – с раздражением ответила. – Я удивилась, когда увидела его с ним. Думала подружку какую-нибудь привезет, а она с парнем... Спросила – что у нее с ним? Фыркнула и буркнула – одноклассник. Но мне кажется, что она не равнодушна к нему. Помнишь, когда мы ездили в военно-медицинскую академию за ней? Тогда она навещала одноклассника. Это ведь он был.

– Точно! – хлопнул себя по лбу отец. – Я-то думаю, что где-то видел его.

– Из-за этой работы совсем про дочь забыли! – посетовала женщина. – Раньше в детстве Ташка всегда делилась со мной своими секретами, а сейчас давно уже не говорили по душам. Выросла. У нее же сейчас опасный возраст! Вот и мальчик появился, а мы не подозревали. Такая дружба – сам знаешь, чем может закончиться! Может поговоришь с ним, как мужчина? Ей ведь учиться надо... Кто он? Откуда? Кто родители? Он вроде только в десятом начал учиться с Наташкой. Практически ничего о себе не рассказал.

– Откуда ты знаешь про десятый класс? – удивился муж. – Интересовалась? Вроде он на все твои вопросы отвечал.

– Это ты интересуешься только своей работой, охотой и рыбалкой с друзьями, а про собственную дочь забыл, – упрекнула супруга. – Интересовалась. Должна же я знать с кем моя родная дочь общается, если сама не рассказывает! Попыталась расспросить классного руководителя после родительского собрания, но разве у вас мужиков чего-нибудь узнаешь? Сказал только, что дружат они и сидят за одной партой. Сергей приехал откуда-то и живет у родственницы. Хвалил его. Образованный, целеустремленный, читающий, но меня не только это интересует. К сожалению, не удалось поговорить с директором школы. Она женщина и должна понять беспокойство родителей.

– Вот видишь, хвалит его... Анатолий Арсеньевич, – оживился отец, с трудом припомнив имя классного руководителя дочери. – Может ты зря все усложняешь? Мне парень тоже понравился, – признался.

– Я бы для Наташки хотела другого мужа..., не из провинции, – призналась с трудом мать.

– Ну и зря, – припечатал супруг, – как раз из провинции выходят наиболее успешные люди. Они – не избалованные ленинградцы из среды «золотой» молодежи, сами добиваются успеха, не рассчитывая на помощь и поддержку родственников. Да и ты меня выбрала – студента, окончившего деревенскую школу.

– Выбрала, но тогда было другое время – кивнула Роза Михайловна и подошла к мужу. Обняла и поцеловала.

– Ты все же поговори с ним, – шепнула.

Шашлык.

Утром Наташка всем видом показывала, что сердита на родителей и после завтрака предложила прогуляться. Мне бесцельно болтаться не хотелось. В кармане деньги жгли ляжку, и я запланировал шашлыки, хотя неперменного атрибута будущих дач – мангала на дачном участке не заметил.

– Ты, конечно, не знаешь, кто здесь продает мясо? – спросил ее.

– Откуда? А зачем? Мяса не хватило за ужином? – проявила любопытство и присущий ей сарказм.

– Пойдем в магазин, – решил я.

– Там сроду мяса не продавали, – заявила обрадованно она, рассчитывая поставить меня на место из-за незнания реалий местной жизни.

– Зато там знают, где и кто его продает, а заодно купим майонез и горчицу, – озадачил девочку в очередной раз.

– Может поделишься – что задумал? – разозлилась.

– Мы на даче, бездельничаем, поэтому приготовим шашлыки, – пояснил миролюбиво.

– А...? – открыла и закрыла рот.

Конечно в деревне свиней держали, но мясо мы добыли с трудом. Не сезон, что-ли? Заодно у хозяйственного мужичка выпросил два свежих яйца.

В сельском магазине конечно майонеза не оказалось. Решил приготовить майонез в домашних условиях, поэтому в магазине приобрел только горчицу и лимонную кислоту (лимонов не было). Наташка заверила, что молотый перец, репчатый лук, соль сахар и подсолнечное масло в доме найдутся.

Вернувшись с добычей, смешал ингредиенты для майонеза и доверил взбивать подружке. Сам нарезал мясо, почистил и порезал лук, потом помог Наташке, а через сорок минут замариновал мясо. Заинтригованная помощница лизнула готовую майонезную смесь и, подняв вверх глаза задумчиво покатала на языке.

– Оригинально! – констатировала. – Я уже не удивляюсь – откуда ты знаешь рецепт? – уставилась на меня. – Дальше что? – спросила, уже опасаясь предлагать свои варианты времяпровождения.

– Пойдем, мангал построим, видел у сарая старые кирпичи.

На удобной полянке, тут же за сараем, выложил коробку из старых кирпичей и настрогал веток для шампуров.

– Может родителям поможем территорию убирать, – предложил Наташке, закончив с приготовлением.

Я уже понял, что в доме командует Роза Михайловна и попросил у нее работы.

Женщина устало выпрямилась от клумбы с цветами:

– Не стоит, Сережа. Спасибо, отдыхайте.

Наташка пошутила вполголоса:

– Нам солнца не надо, нам партия светит! Нам мяса не надо, работы давай!

– Ну раз так, возьмите инструмент в сарае и убирайте ту сторону участка. Наташа покажи и не шути больше так.

– Веди, Вергилия! – скомандовал.

– Есть, командор! – Наташка шутивно вздернула руку к виску. – За мной! – отдала мне команду и замаршировала к сараю.

– К пустой голове руку не прикладывают, – сделал замечание и замаршировал следом.

(Роза Михайловна с улыбкой смотрела вслед).

Земельный участок семьи был огромен. Конечно, управится с ним силами двух с половиной человек не получалось. По словам подружки, мама только сажала и ухаживала за цветами перед фасадом дома, а отец убирался и пытался ремонтировать разрушающиеся строения. Даже урожай с ягодных кустов и яблок не удавалось собрать полностью.

Я спиливал засохшие ветви яблонь и оттаскивал в общую кучу, а Наташка сгребала опавшую листву и мусор, оставшийся с прошлого года.

Впервые в этой жизни готовил шашлык, и он удался. Наташку, порывающуюся мне помочь, остановил словами героя фильма «Москва слезам не верит» – «шашлык женских рук не терпит!»

Родители подтянулись на запах от мангала досрочно. Невозможно не унюхать аромат, разнесшийся на всю округу. Роза Михайловна тут же кинулась варить картошку.

Стоило мне намекнуть, что зелени в магазине не удалось купить, как хозяйка тут же ушла к более домовитым знакомым и принесла оттуда молодой редис, зеленый лук и укроп. Теперь и салатик будет у нас!

– Молодцы, ребята! Хорошо придумали! – похвалил Наташкин отец.

– Это он придумал, – заложила подруга, кивнув на меня.

– А мясо откуда? – поинтересовался отец.

– Купили утром у местных.

– Молодцы! – повторил, задержав на мне взгляд.

– Соловьев! Когда перестанешь всех удивлять? – тайком поинтересовалась Наташка, когда остались вдвоем. – Надо потом еще раз это организовать, с твоим майонезом, – хитро взглянула на меня.

Я был сыт и благодушен. Кивнул, подавив сытую отрыжку. Даже о не сложившихся свиданиях не вспомнил – вот такие мы, мужики, животные.

Глава 3.

Мужская мода.

– Ты в чем пойдешь на Последний звонок? – поинтересовалась тетя Света за ужином. Я опешил, так как совершенно не думал об этом. Голова была забита другими проблемами – предстоящими экзаменами, выбором института, девчонками и многим другим....

– В форме, – пожал я плечами.

– Она же тебе совсем мала! – возмутилась родственница очевидным.

Тетя была совершенно права, так как за полгода я вырос и раздался в плечах. Когда-то, при покупке школьной формы, она предусмотрительно настояла на варианте большем на один размер, а в течение учебного года отпустила подогнанные брюки и рукава костюма. Однако сейчас я уже вырос и из этого. Если брюки еще с трудом сходились на поясе, а на длину можно было не обращать внимания, то костюм жал в плечах и подмышками, но терпимо и можно не застегиваться.

– В рубашке пойду, – решил. – С галстуком, – добавил.

Посверлив меня взглядом, она кивнула. Не разумно ради одного мероприятия покупать новую форму.

– А на Выпускной вечер? – все же не угомонила она. – Давай после ужина померяем твой костюм, предложила.

Вот неугомонная! Мысленно поморщился, так как не любил всяческие примерки, оценки одежды, верчение перед зеркалом и прочее..., но понимая ее правоту, кивнул.

При переезде в Ленинград я привез сшитый на родине шикарный по моим меркам костюм с воротником стоечкой. Однако всего несколько раз его одел на концертные выступления на родине и пару раз здесь. Чаще ходил в школу и на школьные мероприятия в общепринятой синей школьной форме, а в остальных случаях – в том, в чем удобней. Подозреваю, что в этот костюм, сшитый год назад уже не влезу.

Так и оказалось. Если брюки, с трудом застегнутые на поясе можно было приспустить на бедра, то пиджак был явно мал, и это было заметно даже на мой неискушенный и некритичный взгляд.

– Надо покупать новый или заказывать! – решила родственница, придирчиво осматривая меня.

– Заказать, наверное, будет проще и быстрее, – предложил я, – только портного хорошего бы найти. Я в Питере такого не знаю, только на родине или в Москве.

– Кто-то на работе хвастался, что купили удачный югославский костюм. Правда, дорого..., – задумалась тетя. – Расспрошу поподробнее, – тряхнула головой.

– За деньги не испытывайте сожаления, тетя! Это всего лишь расходы, – поделился еврейской мудростью. – Вряд ли в магазинах мы найдем костюм, полностью устраивающий всем. Проще будет заказать, а за месяц должны успеть сшить его. Важнее, чтобы мастер оказался хорошим. Заодно и себе на лето что-нибудь закажешь, – предложил.

– Зачем мне? – смутилась она. – Я уже старая, а тебе надо. Девочки смотрят....

– Какая ты старая? – возмутился я, – на тебя тоже смотрят!

– Ну тебя! – упрекнула смущенная женщина, но было похоже – мой комплимент пришелся по душе. – О тебе и твоём выпускном вечере разговор.

Я задумался. Мужская мода более консервативная, чем женская. Для мужика достаточно одного костюма на долгие годы, если он не лезет на публику в качестве начальника, артиста,

актера или певца, а мне новый костюм нужен всего на год. Вдруг еще вырасту или еще больше заматереею?

Тот костюм со стоечкой я планировал одевать на концертные выступления и на комсомольские мероприятия, как активист, а получилось....

– Хорошо, я спрашиваю про хороших портных, – прервала мои размышления тетя, а со старым костюмом – что будем делать? Он ведь, как новый.

– Отдадим кому-нибудь, – равнодушно ответил я.

– Вот еще выдумал, отдать. Вы сколько за него заплатили? – возмутилась. – Продавать надо. Тоже спрошу на работе.

Пусть делает, как хочет, – подумал равнодушно я и вновь вернулся к своим мыслям о мужской моде.

Вспомнил, как в пионерском лагере, когда мне было лет двенадцать, администрация или заводское начальство решило и расщедрилось на однообразную форму для пионеров лагерной смены на случаи торжественных лагерных мероприятий – белые маечки и синие трусики. (Пионерские галстуки были у всех свои). Нас, пацанов возмутили трусы с резинками, обтягивающие ноги и похожие на бабьи панталоны. Ребята более старшего возраста вообще отказались их надевать и выходить в них на построения, а в нашем отряде я и некоторые пацаны одели предложенные майки с галстуком и натянули привычные штаны-трико с вытянутыми коленками или шорты, у кого были. Вожатые и воспитатели с директором лагеря бегали, возмущались, уговаривали, но так сделать с нами ничего не смогли.

Тогда я тоже не ходил на построения и общее фотографирование в «бабьих» трусах, так как в спортивках туда идти не разрешили. Поэтому у меня и многих других ребят не оказалось фотографий о той лагерной смене с какими-то важными гостями.

В будущем я большую часть времени носил военную или милицейскую форму и наличие гражданского костюма в личном гардеробе особо не требовалось. Достаточно было брюк с джемпером и рубашкой для семейных мероприятий или встреч и посиделок с друзьями.

Потом, когда вышел на пенсию и снял форму, пришлось заказать костюм для редких официальных мероприятий или семейных торжеств для того, чтобы было куда крепить награды.

Вкусы у меня остались консервативными и когда пошла мужская мода на короткие брюки или длинные шорты, то не принял ее. Ладно смотреть на женские голые стройные ножки, но мужские волосатые, кривые ноги, торчащие из безразмерных трусов или укороченных брюк...! Бр-р. А когда эти ноги одеты в сланцы с носками...! Вообще мрак! Так и хочется предложить моднику показать, где можно найти зеркало во весь рост, чтобы сам оценил себя.

А ведь этот случай противостояния и победы коллектива над непродуманным решением системы был первым в моей жизни! – неожиданно мысли свернули в сторону. Конечно, победой этот случай трудно назвать, но администрация лагеря этот демарш подростков спустила на тормозах и никого не наказала. Сомневаюсь, что важные гости и вышестоящее начальство узнали про это. Состав смены был временный и через пару недель все должны разъехаться, поэтому администрация не стала поднимать шум, куда-то докладывать или отчислять ослушников. Так с детства начал прививаться формализм, критичность и необязательность исполнения требований власти, системы.

Из первой памяти вспомнились другие случаи. Однажды, почти всем десятым классом прогуляли урок физики. Инициаторами прогула были те (я в том числе), для кого этот предмет был важен для поступления в ВУЗ, а другие отправились с нами за компанию, и чтобы не ходить на урок. Коллектив класса все же был дружный. Сомневаюсь, что в нынешнем классе могло такое произойти. Потом директору высказали претензии – Наталья Георгиевна формально бубнит материал, на вопросы не отвечает, а советует посмотреть в учебнике, дополнительные занятия не проводит и вообще ее не интересует качество наших знаний. Мер ни к нам,

ни к учительнице принято не было. Как наказывать класс, желающий учиться и где в середине года найти нового учителя физики?

Тут же третий случай вспомнился. Я тогда учился на третьем курсе военного училища. Тогда некоторые сокурсники женились на ленинградках. Сашке Хохлову свадьбу назначили накануне праздника – Дня Великой Октябрьской Социалистической революции, а в этот вечер в клубе училища проводилось торжественное собрание, посвященное празднику и все курсанты училища в парадной форме должны были там присутствовать. Мы, при входе в клуб, затерялись в толпе, а потом перемахнули через забор и отправились на свадьбу в самоволку почти всем взводом, проигнорировав важное политическое мероприятие. Наши командиры промолчали про срыв общественно-политического мероприятия и даже вопросов не задавали потом, как будто ничего не было или они сами не знали. Главное, что информация о самоволке не вышла за пределы взвода, роты.

А потом... Потом я сам стал командиром и начальником.

Как расценивать эти поступки? Если бы нарушил один или двое, трое, то: «Ату их, ату!» Можно наказать, обсудить на пионерском, комсомольском или партийном собрании, исключить, сообщить родителям, наконец. А если это совершает коллектив? Значит коллектив прав и сам знает, что ему делать, но скорее всего в последнем случае ротное и батальонное командование само опасалось, что их обвинят в низком уровне политико-воспитательной работы с курсантами. Опять же прививка формализма, так как все понимали и воспринимали подобные мероприятия равнодушно, а вера в идеалы революции и социализма потускнела. Доложишь вышшему командованию и можно пострадать самим, иначе какой бы шум мог подняться – двадцать курсантов, будущих офицеров и коммунистов променяли важное политическое мероприятие на пьянку. Погоны могли полететь.

Вероятно, подобное отношение к идеалам социализма у большинства населения тоже сыграло свою роль в скором развале СССР.

Закажу классический мужской костюм, – решил, вернувшись мысленно к своей проблеме. Не буду усложнять со всякими там воротниками-стоечкой и прочими мелочами. Все равно этот костюм на короткое время и носить постоянно его не придется.

Девчонкам еще труднее. Я-то, могу и на выпускной пойти в рубашке и старых брюках, а им? Новое платье, прическа и многое другое, о чем пацаны даже не задумываются.

Через несколько дней мы с тетей по рекомендации ее знакомой съездили к старичку портному и заказали классический двубортный костюм – пиджак с тремя карманами и брюки. От «тройки» отказался. Зачем мне летом жилетка? Всего-то надо будет сходить на выпускной вечер и вступительные экзамены в ВУЗ, который, кстати, еще не выбрал. Тем более старик-портной жаловался на повышенный спрос на костюмы для выпускников. Не я один хотел нарядно выглядеть на Выпускном.

Выбор ВУЗа.

На протяжении учебного года я постоянно задумывался над выбором учебного заведения, куда буду поступать. Другие города даже не рассматривал, так как в Ленинграде есть жилье – тетя пока не гонит, и учебные заведения есть соответствующего профиля – Ленинградский электротехнический институт имени Ленина и электротехнический институт связи имени Бонч-Бруевича. Я все же хочу быть ближе к будущей компьютеризации мира и планирую стать хорошим специалистом в этой области.

Компьютер – это вычислительное устройство в первую очередь, но с ним работают программисты, электронщики, системные администраторы, техники и прочие специалисты, а в недалеком будущем появятся графические дизайнеры и другие узкие специалисты. Причем программист может не знать, как работает компьютер, а сисадмин не понимать языка программирования. Сам в будущем столкнулся с тем, что преподавательница информатики в нескольких школах города (редкая профессия была) не знала, как достать файлы с ценной информацией из глюкнутого жесткого диска и не могла восстановить локальную сеть.

Может мне надо на физико-математический факультет университета? Но даже программисты разделяются на системных программистов, кто создает задачи, заказы и кодировщиков, способных набирать коды с огромной скоростью.

Вспомнив «Алгебру и начало анализа» Колмогорова передергиваюсь. Это не мое. Программы научусь писать и без заумной математики. Какие там языки были? Алгол, Бэйсик, Си пляс-пляс, Фортран и многие другие. Несколько раз сетовал на несовершенство человеческой памяти, так как не помню – какие языки программирования сейчас используются в мире и тем более в СССР. Помню из чего состоит компьютер будущего, но из каких материалов сделаны комплектующие и как я могу подтолкнуть технический прогресс не представляю. Как же легко получалось у других книжных попаданцев!

Вероятно, мне ближе все-таки электротехника или электроника. Надо подумать над выбором факультета. Так же важно наличие в институте военной кафедры. Мне не хочется терять два года на бесполезную службу в армии. Лучше всего после окончания военной кафедры оттрубить на трехмесячных военных сборах и получить заветную корочку офицера запаса или один год на срочной продурковать, чем в португее с погонами офицера два года мучиться с дебилами-командирами и дембелями.

Из будущего помню – как называли строевые офицеры «двухгодичников» (офицеров после военной кафедры гражданского института) – двухгадючники, так как они сами требовали контроля, наряду с солдатами срочной службы. «Курица не птица, двухгодичник – не офицер!» – бытовало мнение среди кадровых военных. Однако, были среди них нормальные ребята, не уступавшие кадровым военным. Могли приложить нерадивого солдата крепким словом или кулаком. С такими жалко было расставаться через пару лет совместной службы. Один двухгодичник, оставшись на службе, дослужит до должности Начальника Генерального штаба РФ.

Съездил этой весной на День открытых дверей ЛЭТИ и узнал, что он выпускает специалистов для кораблестроения. Конечно, научная и материальная база института впечатляла и по советским меркам современная, но кораблестроение? Где компьютеры и энергетические установки корабля? Нет, мне надо искать другое учебное заведение с факультетом, где выпускают инженеров-программистов.

Все мои ленинградские знакомые уже давно определились. Наташка собралась поступать на юридический факультет университета. Вова, естественно, на математический и его ждут там с нетерпением, как математического гения. Эдик, как и в первой моей памяти собрался в общеобразовательное училище в Петергофе, так как его отец имеет связи там, поэтому мой друг не

переживает за свои посредственные знания, а конкурс в знаменитое училище не маленький – на уровне самых престижных ВУЗов страны. Его Ленка особо не заморачивается с выбором, рассчитывая выйти замуж за друга и, по ее словам, будет поступать в медицинское училище на фельдшера. С этой профессией она явно будет востребована в дальнем гарнизоне, если не разведутся. Ленке, моей подружке еще год учиться в ПТУ на часовщика. Земляк Андрей уже заканчивает свое ПТУ и вскоре пойдет работать до армии на судостроительный завод.

Гулька ждет моего выбора, так как планирует учиться вместе со мной. Мне кажется, что у нее есть способности к преподаванию и воспитанию детей и ей лучше поступать в педагогический институт. В Ленинграде есть университет или институт Герцена. Планирую, поговорить с ней, когда встретимся, так как считаю, что надо заниматься делом, которое нравится. Детей она любит и легко находит общий язык, а опыт есть от общения со своенравной младшей сестрой и терпение от невыносимого шума и детских проказ, что проявила в вагоне с цыганятами.

Последний звонок.

25 мая в яркое солнечное утро, я нарядный и наглаженный, в белой рубашке с галстуком отправился с тетей в школу. Она не смогла удержаться и, отпросившись с работы отправилась со мной, приготовив шикарный букет цветов.

Прислушавшись к себе, не обнаружил особого волнения, которое испытывал первого сентября, хотя где-то в глубине души был доволен закончившимся нудным учебным процессом.

На школьном крыльце опять стояла радиола, подключенная к колонкам и играла старая пластинка со школьными песнями. Прислушался. Из динамиков неслось знакомое:

*По следам героев Грина,
По страницам добрых книг,
Нам под парусом незримым
Плечь с друзьями напрямик.*

*Сейчас наша вахта у школьной доски,
Так значит, немножко мы все моряки.
Нам жажда открытий знакома,
Дороги у нас далеки.*

Школьный двор был заполнен выпускниками и малолетками в праздничной школьной форме, пестрел цветами и белел рубашками у ребят, школьными фартуками и бантами у девочек. Десятый «а» класс, чтобы выделиться среди других выпускников на грудь прицепили дополнительно белый бант из материи и в центр повесили маленький колокольчик из набора рыболова. Ребята из других классов шутили, перекрикивая многоголосый шум:

– Вовка! У тебя клюет! Ирка, подсекай!

Еще не придумали в этом времени вешать красную или синюю ленту через плечо с надписью: «Выпуск 1979 года!»

Все были радостные и довольные. Вероятно, многие были рады окончанию школы и еще не задумывались о предстоящих экзаменах.

Родственница остановилась у толпы родителей и с улыбкой кивнула мне. Глаза ее блестели. Пошел к своему классу и смешался с толпой.

– Долго собираешься! – упрекнула Наташка.

– Куда спешить? – беспечно отговорился я.

– Мои родители тобой заинтересовались и боюсь, что мама захочет познакомиться со Светланой Викторовной. Вдруг она скажет про твою Гулю? – высказала свое опасение, всматриваясь в толпу родителей. – Надо было ее предупредить.

– Я твоему отцу еще на даче признался, что между нами ничего такого нет кроме дружбы и быть не может, – ответил и тоже поискал глазами родственницу.

Наташка посверлила меня взглядом и упрекнула:

– А мне не сказал!

– Это был мужской приватный разговор, – пожал плечами я.

– Раз, раз, раз, – какой-то школьник проверил микрофон и на крыльцо высыпала толпа учителей и приглашенных.

Сбоку расположился школьный оркестр, а классные руководители направились к своим классам.

– Построиться в две шеренги! – скомандовал нам Анатолий Арсеньевич и указал рукой.

Привели первоклашек с цветами из начальной школы и попытались выстроить их позади каре, образованное из выпускных классов.

К микрофону подошла директор школы и линейка началась. По ее команде под стук барабанов вынесли школьное знамя и пронесли по площадке, а потом начали выступать учителя и приглашенные от РОНО, Райкома комсомола, родительского комитета и школьники. Потом проводилось награждение выдающихся выпускников.

Оркестр играл туш непрерывно, так как награждаемых было много и их вызывали непрерывно. Ребята подбегали, получали Грамоту и тут же за спиной останавливался следующий награждаемый.

Мне пришлось выбегать и получать из рук директора Почетные грамоты аж два раза. Мои заслуги отметили за активность в физкультурно-массовой работе – несколько раз бегал за школу на районных соревнованиях и активное участие в краеведении – подбросил несколько новых тем для изучения кружковцам. Наташка заинтересованно засверкала глазами:

– Что это за успехи? – вчиталась в короткий текст. – Почему ничего мне не говорил?

– Нечем хвастаться, – попытался увильнуть я от разборок.

Она сама получила две грамоты.

– И все же...? – не отступила настырная подружка.

– Стенгазета висела на первом этаже в первой четверти. «Загадки Ленинграда» называлась, – пояснил.

– Так это ты? – удивилась. – Что за загадки? Я уже не помню, да и не прочитала тогда толком. К стенгазете не подойти было.

– Потом расскажу, – пообещал, так как начинался концерт.

– Смотри! – пригрозила и ткнула кулачком в бок она.

Накануне ко мне подходила руководительница школьного хора, других вокальных кружков, которые вела и предложила выступить на Последнем звонке. Подумав, отказался. Раньше в этой школе особо старался не выделяться, а теперь и вовсе незачем. О том, что могу писать песни и пою знал узкий круг дворовых знакомых и близких друзей.

Алинка из параллели спела песню «Школа я скучаю».

«Школьный двор и смех подружек» ... – зазвенел ее голос в динамиках.

По окончании выступления под оглушительные аплодисменты она неожиданно в микрофон объявила:

– Эту замечательную песню написал выпускник нашей школы Соловьев Сережа. Благодарить надо его.

И захлопала. Одноклассники уставились на меня в изумлении. Подтвердилось, что не все знали о моих талантах. Захлопали и все присутствующие в школьном дворе. Делать нечего – вышел на шаг от первой шеренги и неловко кивнул головой. Не ожидал подобного внимания и растерялся.

По окончании концерта объявили прощальный школьный вальс. Многие девчонки парами закружились в танце. Только несколько пацанов осмелились пригласить девочек. Наташка в нетерпении дернула меня за рукав и зашипела:

– Чего стоишь истуканом? Давай, приглашай меня!

Делать нечего. Встал перед ней и церемониально склонил голову, приглашая на вальс. Эта зараза присела в реверансе с уморительно серьезным лицом и важно подала руку. Мы легко заскользили среди других пар танцующих.

Потом по команде первоклашки кинулись дарить нам цветы, а затем уже без команды выпускники рассыпались и пошли вручать букеты учителям и присутствующим женщинам. Хотел передать доставшийся мне букет директорисе, но у нее было столько цветов в руках, что мой оказался бы лишним, поэтому с улыбкой вручил его завучу. Все-таки она не доставала меня в период учебы и только изредка я встречал ее взгляд в школьных коридорах.

Линейка закончилась, когда рослый десятиклассник из параллельного класса посадил девочку-первоклашку с колокольчиком на плечо и обошел школьный двор под звуки Последнего звонка. Все аплодировали и улыбались, а кто-то из девчонок и женщин плакал.

Ольга – староста класса, стараясь перекричать радостный гомон расходившихся одноклассников объявила:

– Все переодеваемся и в три часа дня собираемся здесь!

– Зачем переодеваться? – закричал кто-то.

Было шумно, весело и бестолково.

Тетя Света с мокрыми глазами обняла меня, поцеловала и призналась:

– Я так радовалась за тебя и гордилась.

Я смутился и не нашелся чего сказать.

– Да, нашими детьми стоит гордиться! – обнимая Наташку за плечи к нам подошла с улыбкой Роза Михайловна. – Здравствуйте! – взглянула на тетю Свету, – здравствуй Сережа, – повернулась ко мне.

– Здравствуйте Роза Михайловна, – поздоровался. – Тетя, это мама Наташи, – представил.

– Светлана Викторовна, – добавила Наташка с непроницаемым лицом, представив тетю.

– Очень приятно, – в унисон произнесли женщины и рассмеялись.

– Мы пойдем к ребятам? – заявил-спросил я и потянул за собой немного упирающуюся подружку.

– Зачем? – зашипела он. – Сейчас твоя тетя скажет....

Обернувшись, заметил, что обе женщины смотрят на нас любящими взглядами.

– Не скажет, – попытался заверить Наташку, сам в этом сомневаясь.

А и скажет, ну и что? – подумал про себя.

Отмечать Последний звонок отправились в ближайший Парк Победы. Класс оказался не дружный – пришли не все, а несколько пацанов с Кославским и с тремя девчонками сразу отделились и пошли праздновать к кому-то на квартиру. Но и оставшимся было весело. Погуляв нарядной толпой по парку и пофотографировавшись, разместились на лавочках. Пацаны, собрав у желающих деньги затарились вином. Разложив закуску на газете, постеленной на одной из лавочек, разливали портвейн жаждающим по очереди в граненый стакан, стыренный из уличного аппарата с газированной водой. Получил стакан с бордовой жидкостью и я, хотя не хотел пить. Отхлебнул пару глотков и передал стоящей рядом Наташке. Она смело взяла емкость и выпила оставшееся. Передернулась от отвращения, сунула стакан мне и морщась вынесла вердикт:

– Бр-р. Ну и гадость! Как ее пьют? Нельзя было что-нибудь вкуснее купить?

– Дешево, но сердито! – заявил с улыбкой Руслан, забирая у меня стакан.

– Марочный портвейн вкуснее, но почти в два раза дороже, да и этот «Кавказ» не самый худший, Агдам противнее, – просветил подругу.

– Знаток! Сам тогда, чего его не пьешь, а меня травишь? – незаслуженно упрекнула меня.

Пили, рассказывали анекдоты, смеялись вспоминая разные случаи из школьной жизни. Пели и пили. Я, правда, на спиртное не налегал. Заметил, что некоторые девочки и ребята к спиртному не притрагивались. Мамины установки или принципиальная позиция?

Кто-то захватил на гулянку расстроенную гитару и Вовка Андреев попытался исполнить Yesterday Beatles. Потом инструмент перешел к другому, а я судорожно вспоминал русский текст этой знаменитой песни. Оказалось, что в классе немало гитаристов. Пели песни популярной сейчас Машины времени, Веселых ребят, Цветов. Многие подпевали, с вызовом посматривая на прохожих, а те с умилением улыбались, глядя на веселых выпускников.

Наташка по окончании очередного корявого исполнения забрала инструмент и передала мне. Подстроил, как сумел и запел Yesterday на русском, правда не помнил все слова:

*Я вчера
Огорчений и тревог не знал,
Я вчера еще не понимал,
Что жизнь – нелегкая игра.
Без тебя
Жизнь моя трудней день ото дня
И сегодня вспоминаю я
О том, что потерял вчера.*

*Нет, нам не найти,
Кто же прав, кого винить.
Нет к тебе пути,
Нам вчера не вернуть...*

*Без тебя
Я не буду счастлив никогда
И не раз печально вспомню я
О том, что потерял вчера.*

Остановился, так как дальше текст не помнил и услышал аплодисменты многих людей. Поднял голову и удивился, что вокруг наших лавочек собрались многочисленные посетители парка.

– Давай еще! – слева за рукав дернула Наташка, покрасневшая от выпитого вина и с горящими глазами.

Она все же отважилась и выпила еще. Кивнул и исполнил «Молодость», популярной в будущем группы «Рождество».

*Было время, ждали вечер
Под гитары песни петь,
Было море по колено,
Возвращались утром в шесть.
Нас ругали, мы крепчали,
Обещали не чудить
И на утро маме клялись,
Что мы бросили курить.*

*Молодость, ты как времени замок,
И захочешь не взломаешь,
Чтоб взглянуть ещё разок...*

Продолжил песней Цыгановой:

*Долгие века ищем мы любовь по свету,
А за нами пыль да вороньё.
В небе облака, на кресте рука,
Впереди любовь и кровь.
В самый трудный час только вера греет нас,
И спасает, вновь, любовь.*

*Любовь и смерть, добро и зло...
Что свято, что грешно, познать нам суждено.
Любовь и смерть, добро и зло,
А выбрать нам дано – одно...*

В окружающей толпе заметил выпускников других классов и школ, которые также выбрали этот парк для празднования окончания школы. Меня привлек пристальный взгляд крупной девушки из параллельного класса. Я и раньше замечал высокую, крупную девушку с черной толстой и длинной косой, переброшенной на пышную грудь, наталкиваясь на ее взгляд в школе.

Гулька тоже любит так носить пышный хвост своих волос, перебрасывая его вперед через плечо, а в минуты раздумья или волнения тербит его, – вспомнил и вздохнул. Как она там дома? Тоже гуляет с одноклассниками? Мой прежний класс наверняка отправился в «березки», и ребята будут гулять, жечь костер, пить и веселиться до утра, встречая рассвет на реке. Класс не чета этому, дружный. Оглядел окружающих и вновь наткнулся на этот пристальный взгляд.

Мы разошлись по домам поздно вечером, так как многим нужно было добираться до дома на метро. Некоторые ребята и даже Ольга Виланен, скромница и отличница, не рассчитали свои силы со спиртным и их тошнило. Кто-то, не дождавшись окончания вечера улегся спать прямо на лавочке и их повели под руки. Несколько парочек исчезли в темноте. Кто-то сегодня потеряет невинность и станет женщиной, – предположил, глядя в спину Юльке Малышевой, повисшей на стройном Юрке Долгих.

Вова, мой бывший сосед по парте, тоже подвыпил и превратился в зануду – все лез ко всем с какими-то спорами и пытался чего-то доказать.

По улице шагает веселое звено – завел я веселую детскую шуточную песенку по дороге к метро.

Копейки собирает себе на эскимо, – подхватил кто из ребят и затопал в такт.
Набрали рубль десять – купили эскимо! – подключились многие.
Кому досталась палочка, кому и ничего! Во! – завершили со смехом.

Тетя Света, встретив меня с тревогой на лице, вздохнула спокойно, не заметив признаков опьянения и возможных синяков. Чего опасалась? Что я приползу домой ободранный, избитый, в хлам пьяный и мне потребуется ее или медиков помощь? Так вроде повода не давал так думать?

На следующий день Наташка сообщила о результатах родительской беседы, так как я, так и не удосужился спросить об этом у тети. Оказалась, что моя родственница еще та конспираторша, заявила:

– По-моему, у Сережи нет планов заводить семью в ближайшее будущее, а ребята просто дружат. Вы, Роза Михайловна, не переживайте, он мальчик разумный и порядочный.

– Вот так! Мальчик разумный и порядочный... – с улыбкой припечатала подруга.

Не знаю, что она этим хотела сказать или упрекнуть.

Экзамены.

Оставшиеся учебные дни до первого экзамена занимали консультации и подготовка. Хорошо еще, что в школу можно было ходить не в форме и занятия продолжались не целый день.

Когда выдавался хороший солнечный день в классе даже с открытыми окнами находиться было невыносимо. С улицы несло запахами, слышалось пение птиц, шум листвы и проезжающих машин. Тянуло на улицу, и учеба в голову не лезла. Однако и в парке, куда мы толпой отправлялись порой для самоподготовки серьезно относиться к учебе, не получалось. Ребята постоянно разговаривали, шутили, смеялись, баловались, а вокруг ходили люди, мамы с колясками или маленькими детьми, пенсионеры, простые прохожие или отдыхающие.

Первым экзаменом было сочинение. Учительница накануне приводила нам темы сочинений экзаменов предыдущих лет и зачитывала лучшие, обращая внимание на обороты речи и отмечая ошибки.

Первого июня я нарядный, в белой рубашке с галстуком направился на экзамен. В коридоре перед классом толпились взволнованные одноклассники. Некоторые держали в руках букеты цветов. Я, на предложение тети взять с собой букет отказался. Это ведь не праздник, чтобы кого-то поздравлять, а экзамен.

Ровно в девять часов нас пригласили в класс. Там находились несколько человек – двое учителей нашей школы и двое незнакомых людей. На каждой парте лежали чистые листы со штампами.

Немного волнуясь наша учительница литературы вскрыла запечатанный пакет и зачитала предлагаемые Министерством образования темы сочинений. Затем разделив доску пополам написала их мелом для каждого варианта. Я сидел слева и мне достался первый вариант.

– Ребята не волнуйтесь. Подумайте, выберите тему своего сочинения и начинайте писать для начала в черновик, а потом проверьте и перепишите на белом. На выданных вам листах напишите сверху вашу фамилию и тему выбранного сочинения, -проинструктировала. – Не волнуйтесь, – повторила. – Вы все знаете, а мы это проходили.

Я вдумался в темы. Их было три. По творчеству Грибоедова «Горе от ума», Лермонтова «Герою нашего времени» и свободная тема – по образу советского человека в литературе советских писателей. Выбрал Лермонтова, так как Печорин мне нравился, и мы писали уже ранее сочинение по похожей теме.

Покосился на Наташку. Она, наморщив лобик размышляла над темами своего варианта.

– Помощь нужна? – шепотом пошутил.

Она фыркнула и так же шепотом ответила:

– Без сопливых скользко. Потом ошибки твои проверю..., – пригрозила.

С ошибками да, она точно подметила. Грамотность у меня хромала, но не от незнания правил русского языка, а от невнимательности.

Наша учительница в ходе экзамена периодически ходила по рядам и заглядывала в листки, иногда вчитываясь в написанное. Так она, остановившись около меня молча ткнула пальцем в текст, указав на пропущенную запятую. Контролеры от РайОНО или еще откуда-то не вмешивались в ее действия.

Мы с Наташкой, написав черновики, проверили ошибки друг у друга. Она у меня нашла ошибку, которая вызвала короткий спор, но подчинившись исправил.

За сочинение я получил «пять» по литературе и «четыре» по русскому языку. Наташка-зараза пропустила у меня еще одну ошибку и к тому же я допустил помарку, исправив букву в чистовике.

Остальные экзамены прошли без проблем. На письменной математике уже я помог соседке в геометрии, а по химии – она мне.

Зная свою слабость в знаниях неорганической химии, я, проанализировав экзаменационные билеты, подумал, что все мне не повторить и не выучить за несколько дней до экзамена и решил изучить последние семь билетов из двадцати семи. Будучи уверен, что на экзамен станут запускать по шесть человек, обратился к Наташке за помощью в исполнении моего плана:

– Давай зайдем на экзамен в первой партии. Тебе ведь все равно, когда сдавать? Выбирая билеты, схватимся за один. Если он будет из последних семи, то я заберу его себе, а если нет – извинюсь, отдам тебе и буду тащить следующий.

С ехидной улыбочкой она оглядела меня с ног до головы и кивнула, пробормотав:

– Махинатор! Извиниться не забудь, – добавила.

Нам достался двадцать первый билет. С окислением металлов я «отстрелялся» без труда.

Возникли трудности на экзамене по английскому языку. Если на вопросы билета я ответил, то нашей англичанке захотелось поговорить со мной о моих планах на будущее. На английском!!! Половину вопросов я не понимал точно и отвечал, ориентируясь по смыслу. Сжалившись над моими потугами, она поставила «четыре» и пожелала удачи.

В результате выпускных экзаменов и оценок в аттестате средний балл у меня получился достойный – четыре с половиной и даже «тройка» по русскому языку за восьмой класс в Свидетельстве трансформировалась в «четверку» в Аттестате.

У Наташки оказалось в аттестате всего две четверки. Могла бы, умерив свой характер получить пятерки и золотую медаль, но из-за взаимной неприязни с учительницей физики не захотела унижаться, и та в отместку поставила ей «четверку» на экзамене. Я догадывался, что подружка переживает, но вида, как всегда, не подает.

Гулька тоже меня опередила – ее средний балл оказался выше. Об этом она сообщила в очередном телефонном разговоре.

– Жду тебя. Совсем извелась, – пожаловалась тихо в трубку.

Вероятно, недалеко от телефона находились чужие люди.

Выпускной.

– Ты чего наvertsела на голове? – поинтересовался вполголоса у Наташки, косясь на ее новую высокую прическу, открывающую ушки с сережками и длинную шею.

Мы встретились на школьном дворе, как и договаривались. Скоро в актовом зале школы должно начаться торжественное вручение аттестатов. Подружку, как и на Последнем звонке сопровождала мама, а меня тетя. Она, поздоровавшись с Наташкой и похвалив ее внешний вид, пошла с Розой Михайловной позади нас.

– Не нравится? Ты ничего не понимаешь! – буркнула подружка-одноклассница так же тихо, чтобы не услышали наши родные.

Наверное, обиделась на мою бестактность, но должны же друзья говорить правду друг другу.

– Легко вам, ребятам, – посетовала она спустя некоторое время. – Плюнул на руку, пригладил вихры и порядок – можно мусор выносить или на торжественное собрание идти. А тут надо очередь у хорошего парикмахера занять, прическу выбрать, отсидеть несколько часов под сушилкой и заплатить немало потом. А платье тебе хоть нравится? – спросила с обидой в голосе.

Я мысленно уже отругал себя за длинный язык. Нет бы сдержаться и похвалить девчонку, как сделала тетя. Мало ли, что мы друзья – девчонка есть девчонка и она старалась выделиться, чтобы на выпускном вечере выглядеть лучше и ярче всех.

– Ты замечательно смотришься! – попытался оправдаться, – Извини, растерялся – не привычно тебя видеть с высокой прической. Дорого встало? Впервые вижу тебя с накрашенными глазами. Ты и губы подкрасила? Тебе очень идет! – попытался сделать восторженный вид. – И платье новое? Классно выглядишь! – оглядел ее розовое платье с пышным многоярусным подолом до колен, украшенное разными рюшечками, узорами и вставочками.

Еще заметил в неглубоком декольте золотую цепочку и колечко с камушком на безымянном пальце.

– Правда? – испытующе взглянула исподлобья.

Девчонка есть девчонка! – мысленно вздохнул. Им главное, чтобы хвалили.

– Истинно! Чтоб я сдох! – поклялся, прижав руку к груди.

– Мы фасон платья для выпускного вечера с мамой долго выбирали. Кучу журналов пересмотрели, даже иностранных. Потом заказали у модной портнихи. Кучу денег пришлось отдать, – пожаловалась.

Сегодня был солнечный по-летнему день, я был в белой рубашке и новых брюках. Пиджак пришлось оставить дома. То, что мне пришлось тоже заказывать костюм, ходить на примерки и платить, я Наташке не сказал.

– Тебе очень идет! – почти искренне признался я, ничего не понимая в женских тряпках. Наташка лишь вздохнула, не поверив и махнула рукой:

– Пойдем уж аттестаты получать. Ценитель женской красоты! – добавила ехидно.

– Может лучше – на винные склады? – пошутил я.

Аттестаты вручали в актовом зале под туш, нанятого вокально-инструментального ансамбля.

– Что за группа? Откуда? – поинтересовался я у всезнающего про музыку Валерки Логина, кивнув на парней с гитарами.

– А! Лабухи из какого-то ЖЭКа или техникума, – брезгливо поморщился знаток.

– Попал тогда на Элтона Джона? – поинтересовался я, так как на Последнем звонке Валерки не было.

– Ты знаешь за сколько продавали с рук билеты? – в ужасе выпучил он глаза. – Зато я его живую видел после концерта! Жалко не пробился и не взял автограф, – посетовал музыкальный фанат.

– Значит зря променял Последний звонок на выступление педераста, – сделал вслух вывод я, и обиженный одноклассник отошел.

Чего это я сегодня всех обижаю? – мелькнула мысль и начал окружающим травить анекдоты пред входом в столовую, где для нас накрывали столы:

«Сегодня все красиво и нарядно оделись, чтобы вечером красиво облевать это великолепие».

«Так сыночек. Шажочек, еще один. Молодец! Мать, расстилай быстрее кровать, сын с выпускного вернулся!»

«Я не помню, как в первый класс меня вела мама и с выпускного нес папа».

«Молодой человек не смог справиться с застежкой бюстгальтера и пришлось целоваться до рассвета».

Под смех окружающих я получил Наташкиным кулачком между лопаток. Возле нас уже собралась приличная толпа.

Наконец, двери столовой открылись и нас пригласили внутрь. Все столы были расставлены рядами. По ряду на класс, один для учителей и членов родительского комитета, а отдельный столик – для музыкантов. Ого! Ребята за харчи играть будут!

На столах среди блюд с салатами, конфетами, печеньем и бутылок лимонада возвышались и блестели фольгой редкие бутылки Шампанского. Все-таки родители и учителя расщедрились и приобрели спиртное для нас, а то до самого последнего момента ребята гадали – разрешат ли пить на выпускном вечере? Все равно пацаны скидывались на контрабандную водку и вино. Я, конечно, тоже сдал, но пить не собирался. Юрка Долгих уже мне подмигнул и скосил глаза на свой пояс – вероятно, там уже было что-то плоское спрятано.

Всем досталось грамм по двести шипучки и после некоторого перекуса вернулись в актовый зал, где планировались танцы. Совсем организаторы очумели! Какие могут быть танцы днем и под присмотром множества глаз взрослых? Я заметил, что Роза Михайловна активный член родительского комитета, тоже здесь присутствовала. Когда одной девочке не хватило Шампанского, откуда-то выудила целую бутылку, налила несчастной и под разочарованный гул голосов унесла остатки. Ребята тайком разливали под столом, что смогли пронести в столовую, а некоторые куда-то бегали и возвращались довольные с блестящими глазами.

Праздничных Алых парусов вечером на Неве, на которые рассчитывал, впервые в этом году не было. Сначала все не могли этому верить и спорили. Как же так? Как можно запретить традиционный праздник выпускников? Говорили, что праздничное мероприятие успел отменить Романов, но говорившего опровергали и ссылались на решение Ленгорисполкома. Слишком этот праздник для молодежи начал превращаться во всеобщую попойку, с пьяными оргиями и многочисленными драками, где тон задавали пэтэушники, а милиция не справлялась с вакханалией. Кто-то вспоминал слухи о погибших выпускниках, по пьяни пытающихся перепрыгнуть разводящийся мост, упавших или сброшенных в каналы и купающихся в фонтанах. О сотнях, попавших в больницы. Возможно все это сплетни, но праздничного представления в этом году не будет.

– Ты ходила на Алые паруса? – поинтересовался я у Наташки.

– Ходила один раз с родителями, – призналась. – Ничего интересного. Народу полно и представления не видно – не подойти было. Надо было заранее занимать место. Много пьяных. Даже мороженого было не купить.

Зато родительский комитет побеспокоился о нас, выпускниках трех классов и заказал катер или небольшое судно для прогулки по Неве на пару часов – с восьми до десяти часов

вечера, но ребята планировали гулять до утра, смотреть развод мостов в период белых ночей и встречать рассвет.

– Пойдем, потанцуем? – предложила подружка, глядя на немногочисленных ребят и девочек, дергающихся в центре просторного помещения.

Хотел отказаться, но вспомнил про Шаффл и Ламбаду. Мне захотелось шокировать высококонравственных родителей и учителей, опасаящихся оставить нас без присмотра.

– Помнишь, я показывал тебе Ламбаду? Ты еще повторяла за мной. Давай шокируем всех и покажем, как надо танцевать! – предложил подружке.

– Я не помню, – в сомнении протянула она. – А, давай попробуем! Пусть смотрят! – задорно воскликнула азартная девчонка, – только музыку, подходящую надо.

– Сейчас решим, – пробормотал я и направился к музыкантам, в уме перебирая подходящие мелодии.

Дождавшись окончания очередного кривого кавера на современный нудный шлягер, позвал крайнего патлатого бас гитариста и когда тот наклонился, попросил:

– Вы не могли бы исполнить чего-нибудь энергичное, желательно зарубежное?

– Нам запретили петь иностранщину, – кивнул на группу взрослых, насторожившихся от нашей беседы.

– Ну Шизгару без слов исполнить можете? – нашел выход я.

– Запросто, но надо посоветоваться с ребятами, – повернулся он к своим.

Когда вернулся к Наташке услышал в динамиках:

– По многочисленным просьбам выпускников исполняется... (заминка) энергичная танцевальная мелодия!

Что-то никого больше не видел возле музыкантов! Это я многочисленные...? Не успел додумать, как Наташка, схватив меня за руку потащила к центру зала. Под задорную музыку потянулись и другие, а мы с Наташкой, взявшись за руки начали лихо отплясывать Ламбаду, вертя задами. Она успевала, провернувшись, хлопнуть в ладоши, помахать кому-то рукой – все-таки не зря занималась хореографией.

– Давай змейкой! – крикнул я ей и дождавшись кивка, взял ее за талию.

Пошли по кругу, выбрасывая ноги и почти прижавшись. Неожиданно почувствовал, что меня ухватили сзади за талию. Скосив глаза, увидел незнакомую девочку из другого класса, а за ней пристраивающихся других ребят. Сделав поворот увидел, что змейка выросла на половину зала. Все весело смеялись, а оставшиеся у стены выпускники и учителя хлопали в такт. Промелькнуло улыбающееся лицо Розы Михайловны и стоящей рядом директрисы. Танец закончился, когда кто-то из поддавших ребят запутался в ногах или споткнулся, повалился на пол и уронил соседей. С хохотом разошлись.

– А теперь давай твой Шаффл исполним! – предложила Наташка, горя глазами.

Все-таки авантюрная и задорная у нее натура.

Теперь, после Ламбады танцевать выходило большинство и даже учителя. Дождавшись подходящей мелодии пошли и мы. С подъемом выдали такой Шаффл, что все рты разинули и остановились. Одни мы с Наташкой лихо отплясывали в центре, стараясь попадать в такт друг другу. А когда я прошел «лунной походкой» туда и обратно, заплодировали.

Через час некоторые ребята были заметно навеселе, но взрослые этого «не замечали». Я потанцевал с Наташкой пару медляков и отдыхал у стены с ребятами, когда услышал сбоку:

– Разрешите?

Повернулся и увидел, что передо мной стоит та высокая девушка с косой.

– Разрешите? – повторила она, волнуясь.

– Конечно, пойдём, – кивнул головой и, покосившись рядом не увидел Наташки.

Обычно она отслеживала на танцах других девочек, приближающихся к нам, и тащила первой меня на танец.

Впервые увидел так близко лицо девушки. Карие глаза, черные брови и волосы, заплетенные в толстую косу, круглое лицо, пухлые губы, округлый подбородок.

– Как тебя зовут? – спросил я, так как заметил, что она так же смотрит на меня и будто чего-то ждет.

– Оля.

– А меня...

– Я знаю – Сережа Соловьев, – мягко улыбнулась.

Напряжение, которое немного сковало меня вначале от неожиданного приглашения, отпустило. Девушка оказалась чуть ниже меня, а со стороны казалась высокой. Может замутить с ней тайком от Наташки? Подобной мысли у меня не появилось бы в начале года. Тогда я был явно ниже ее, а сейчас подросток... Как бы невзначай опустил руку с талии на бедро и наткнувшись ладонью на резинку трусиков под платьем, остановил движение руки. Она от этого движения широко распахнула глаза, но ничего не сказала. Ощущая в танце движение мышц девичьей спины и изгиб высокого крутого бедра, почувствовал возбуждение.

Вспомнив про Наташку, нашел ее глазами. Она весело разговаривала с одноклассницами, иногда косясь в нашу сторону.

По окончании танца проводил Ольгу, поблагодарил за танец и вернулся к своим.

– Нельзя тебя на секунду оставить. Сразу какую-то корову нашел! – встретила подруга меня упреками.

– Я взрослый мальчик и контроля не требую, – довольно резко ответил, так как почувствовал раздражение от навязчивого контроля.

Вероятно, опять спермотоксикоз. Раньше я к подобным упрекам Наташки относился снисходительно.

– Это она пригласила, – пояснил я примиряюще, но подруга обиженно смотрела в сторону.

Чтобы окончательно помириться пригласил ее на следующий медляк.

В прогулку на кораблике с нами отправились классные руководители и какой-то мужик от родительского кабинета, чем вызвали недовольство любителей выпить.

Весело с шумом и гамом загрузились на борт и отправились в путешествие вверх по реке. Непроизвольно разбились на группы. Опять пели песни, рассказывали анекдоты, смеялись. Пацаны тайком от взрослых выпивали и покуривали.

Впервые рассматривал Ленинград с воды – берега, затянутые в гранит, набережные и возвышающиеся дома, красивые и не очень. В Центре берега выглядели красиво. Проходя под мостами, девчонки махали руками прохожим и приветственно кричали. За Смольным и Большеохтинским мостом начали встречаться откровенные трущобы, фабричные корпуса и доходные дома, как бы не дореволюционные, из красного кирпича, мрачные, как в «Преступлении...» Достоевского.

Через некоторое время какой-то парнишка свесился с лееров и начал травить. Немного помучавшись, к нему присоединился другой. Вероятно, укачало или спиртное назад запросилось, так как качка практически не ощущалась.

Когда вышли за пределы города из капитанской рубки вышел молодой парнишка в гражданской одежде, в ворота куртки которого виднелся тельник с голубыми полосами и громко спросил:

– Приставать будем к берегу?

Многие закричали:

– Будем, будем. Конечно!

Однако, Арсеньевич, переглянувшись с другими взрослыми махнул рукой:

– Нет, не будем. Давайте возвращаться.

На поднявшийся недовольный шум голосов, пояснил:

– Не соберем всех потом и недовольно покосился на свесившихся над водой.

Когда подходили к причалу Дворцовой набережной уже смеркалось, а людей там прибавилось. Мы не откатали законные оплаченные два часа, но всем уже надоело. Под конец смех и песни стихли и все просто глазели по сторонам. Оживились лишь при швартовке. Стоило взрослым попрощаться и раствориться в толпе, пацаны опять стали агитировать скинуться на бухло.

Где они собираются искать спиртное? Уже поздно. У таксистов или в кабаке? – удивился я.

– Свинья грязь найдет, – прокомментировала Наташка мой невысказанный вопрос. – Пойдемте на Дворцовую площадь, – предложила окружающим.

– Вперед, на Зимний! – кто-то громко пошутил.

– Тогда уж на Смольный, – другой высказал крамольную мысль, но окружающие осторожно посмеялись.

– Алые паруса отменили... Испортили праздник выпускникам, гады, – слышались упреки в адрес властей.

Так с шутками вначале плотной толпой двинулись к Зимнему дворцу, а подходя к Дворцовой площади рассеялись в толпе гуляющих. Было действительно много поддатых школьников и взрослых. Где-то танцевали под переносной магнитофон, в другом месте ругались. Слышался смех, звон бутылок и пение под гитары.

Мы стояли небольшой группой оставшихся. Несколько человек распрощались и отправились на другую сторону Невы, чтобы успеть до развода мостов, так как жили на той стороне, другие потерялись в толпе и пацаны, отправившиеся за водкой, еще не вернулись.

Найдут ли нас в этой толпе? – мелькнула мысль, ведь уже сумерки сгустились, но видно все было хорошо – белые ночи. В будущем, мы с однокурсниками на последних курсах в это время могли ночью рубиться в карты, не включая света и записывать очки на бумажке. Тогда, на третьем курсе у нас было популярна «Тысяча», а на четвертом – преферанс. Считалось, что уметь играть в преферанс должны все офицеры.

Но нас нашли. Вернее, нашел Руслан.

– Пацаны! – запыхавшись пробился к нам. – Там наших бьют.

– Где, кто? – слышались возмущенные голоса.

– Откуда я знаю, встретили... Пойдем быстрее! – поторопил.

На кого они могли нарваться? Гопников сейчас на улице полно, а многие разгорячены спиртным. Идти не хотелось, да и Наташка, почувствовав мои сомнения взяла под руку с намеком.

– Серега! Соловьев. Ты чего? Приссал, что ли? Ты же боксер! Там же наши..., – возмутился Логинов.

Наверное, не простил меня за педераста Элтона.

– Ладно, пошли, посмотрим, – отцепил Наташкину руку и извиняюще улыбнулся ей.

Выйдя из толпы на относительный простор, побежали. Проскочив Мойку, углубились в переплетение улиц и переулков. Далековато пацаны забрались за бухлом.

– У Артема знакомый работает в кафешке на Конюшенной, – пояснил Руслан на бегу.

Наконец, свернув в какой-то переулок, наткнулись на большую толпу пацанов и девок. Так показалось вначале в сумерках. Драка практически закончилась. Кто-то лежал на земле, дальше кого-то еще пинали, а кого-то гоняли по переулку. Заметив, как кто-то наклонился над лежавшим и стал шарить по карманам, не останавливаясь пробил вору ногой в голову. Успел нанести всего несколько ударов окружающим, пока они отвлеклись на погоню за убежавшими, а потом противники от неожиданности нападения отпрянули. Увидев, что нас немного кинулись и удары на меня посыпались со всех сторон. Несколько раз попали.

Главное – движение и не упасть! – в голове билась одна мысль. Отмахиваясь, ставя блоки и уворачиваясь от ударов, сам старался бить руками и ногами с силой, постоянно меняя стойки и перемещаясь. Несколько человек выбыло из драки от моих ударов, но противников было слишком много и пьяные. Некоторые, вытерев кровь, вновь бросались на меня со стеклянными глазами.

Неожиданно сбоку в меня кто-то врезался всем весом, и мы покатались по земле. Пока катился, пытаясь сгруппироваться, успел нанести противнику несколько быстрых ударов, заставив его отцепиться. Вскочил и вновь вступил в драку, получив дополнительно несколько ударов и сам выбил несколько противников.

– Соловей, помоги! – услышал из толпы крик Логи.

Но что я мог сделать? Против меня выступало человек шесть, и все норовили ударить. Я уже начал выдыхаться.

– Серега! Сюда! – позвал кто-то сбоку.

Кинув взгляд, заметил близкую решетку, перегораживающую арочный проход во двор и открытую дверь в ней, откуда меня звали и махали рукой. Метнувшись в ту сторону, проскочил в дверной проем и, развернувшись влепил кому-то из противников ногой в промежность. Остальные нападающие в нерешительности остановились. Мы вдвоем с Вадимом могли спокойно отбиваться, не подпуская никого к узкой двери. Вадим был из параллельного класса. Нормальный пацан, общительный и тоже занимался каким-то спортом.

– Ну подходи! Ссыте? Как толпой на одного – все смелые, – начал он подначивать ребят.

– Ты то как здесь оказался? – поинтересовался я, махнув ногой сунувшемуся.

– Тоже выпить захотелось мудаку.

Неожиданно не вдалеке послышалась трель свистка. Наши противники замерли, переглянулись и с угрозами, обещая нам еще свидеться, подхватив своих пострадавших удалились.

– Фу, отбились. Лихо ты машешься! – Вадик глядел на меня с восхищением. – Почти всех пэтэушников на себя стянул.

– Надо тоже сваливать по-быстрому, пока менты не нагрянули. Наверняка кто-то из жильцов уже позвонил, – напомнил я и повернулся во двор, так как у стены арки еще кто-то сидел, согнувшись и держась за голову. – Это кто?

– Из вашего класса, Андрей, по-моему, по яйцам получил и по башке, – сообщил мой спаситель, глядя в темноту. – Разве свистели не менты?

– Нет, у их свистков тональность не та, да и не носят сейчас менты их, только гаишники. Валим! – поднял пострадавшего и направился в переулок.

На земле лежало три тела наших одноклассников, а вокруг валялись сумки, одежда и одинокий богинок. Кто-то ушел или убежал с места побоища босиком.

– Ребята! Надо уходить! – поторопил их Вадим.

Со стонами подняли двоих, а Логинов поднялся сам, и все похромали на улицу.

– Суки, водку с вином забрали, – обернулся Вадим в переулок.

– Хорошо еще, что все живы и перо в бок никто не получил, а синяки заживут, – философски заметил я.

– У меня, по-моему, сотрясение, все кружится и тошнит, – пожаловался Андрей, держась за нас.

– Надо бы воды найти, умыться и кровь смыть, – подумал я вслух, оглядывая свою ветровку, ощупывая шишки и ссадины на голове и посмотрел на сбитые костяшки пальцев.

Хорошо, что кисти с пальцами не сломал, ведь бил в полную силу, – отметил удовлетворенно.

– Я знаю, недалеко есть фонтан или на Мойке. Там можно умыться, – сообщил Вадим.

Нашли спуск к воде с набережной Мойки, начали умываться, пытаться вычистить одежду, обсуждая детали драки. Неожиданно сверху послышалось:

– Сережа! Соловьев!

Обернувшись, в сумраке разглядел женский силуэт.

– Ольга, ты чего здесь делаешь? – поднялся к девчонке, держа в руках свою мокрую ветровку с оторванным рукавом и промокая носовым платком лицо.

Конечно, сегодня ей ничего не угрожало, так как на центральных улицах было много народа, но пьяная молодежь порой с головой не дружит и не каждый решится вступить за одинокую девушку и пойти на конфликт с беспредельщиками.

– Видела в какую сторону вы побежали. Тебе сильно досталось? – дотронулась до поврежденной брови, проявив сочувствие.

– Хуже бывало, – пробормотал, предполагая волнение тети Светы при виде меня.

– Ребята, вы скоро? – спросил я, решив, что возвращаться к одноклассникам на Дворцовую в таком виде не стоит.

– Мне в «травму» надо, – заявил Андрей, – голова кружится, – повторил.

– К нашим пойду, – сообщил Вадим, – ты сам дойдешь? – спросил он у Андрея.

Тот кивнул и поморщился.

– Я домой, – заявил Валерка. – Хватит приключений на свою жопу искать. – Ты со мной? – повернулся к Олегу, державшемуся за бок.

Тот тоже кивнул.

– Мне на ту сторону Невы надо, – признался последний пострадавший, так что вместе на Дворцовую пойдем, – посмотрел на Вадима и скривился.

– Я тебе помогу дойти до травмпункта, но знай, что о подозрительных травмах врачи сообщают в милицию, – повернулся я к однокласснику, державшемуся за парашет. – Мне не хочется общаться с ментами. Домой надо ехать. Ну пойдем, горемыка, – взял Андрея под руку, а с другой стороны его подхватила Ольга. – Знать бы, где искать этот травмпункт? – вздохнул.

– Я знаю. Приблизительно. Здесь недалеко на Вознесенском проспекте, – тихим голосом сообщил травмированный. – Только, чего мне говорить? Упал? Ведь видно, что избит, – засомневался.

– Сегодня менты так задерганы, что даже если с ножевым ранением поступишь и сообщишь, что сам на нож напоролся, они только обрадуются – разбираться не надо. Сегодня все травмпункты и больницы переполнены такими потерпевшими, – успокоил я его.

Доставив Андрея в приемное отделение какой-то больницы, медленно пошли с Ольгой в сторону Лиговки, где она жила и вспоминая о выпускном. Болела голень правой ноги и ступня в подъеме. По-видимому, сильно кому-то зарядил в драке и потянул связки. Саднили многочисленные ушибы и ссадины.

– Может такси попробуем поймать? – предложил спутнице, так как меня совсем не привлекало таскаться пешком по ночному Питеру.

– Мне недалеко, – ответила Ольга.

– Пойдем, тогда посидим, – кивнул на тенистый скверик со скамейками.

– У тебя что-то болит? – догадалась она встревоженно.

– Нет, терпимо, – ответил, не признаваясь в болезненных ушибах. – Просто посидеть хочется и передохнуть.

– Пойдем, – с готовностью свернула к лавочкам девчонка.

Чего надо от меня этой девчонке? – задумался, пристраивая зад и вытянув пострадавшую ногу. Преследует взглядом, пошла за нами от Дворцовой площади одна, теперь со мной возится. Влюбилась? Покосился на круглые коленочки, выглядывающие из-под обреза юбки и вспомнил о возникшем желании во время танца.

– Тебе не холодно? – заботливо поинтересовался, обнял за плечи и притянул к себе. – Извини, куртку бы накинул, но она грязная и мокрая, – пояснил свои действия.

Ольга ничего не сказала, а доверчиво прислонилась телом, но внимательно посмотрела на меня. Увидев рядом привлекательные пухлые губки, непроизвольно потянулся к ним.... Как там Наташка? – мелькнула на периферии сознания мысль и растворилась. Мы с упоением целовались. Ольгины губы оказались мягкие и теплые. Такие всегда хочется целовать, что я и делал. Вначале она неумело и нерешительно отвечала, а потом втянулась и даже закинула руку на плечо. Тут уж я дал волю рукам и залез под кофту, нащупывая круглые и твердые холмики груди. Или это были чашечки лифчика?

Девчонка сначала вздрогнула от моего прикосновения, замерла, попыталась отстраниться и даже потянулась, чтобы убрать мою руку, но помедлив, вновь закинула свою руку мне на плечо, предоставив свое тело в мое распоряжение.

Разрешила! – догадался и обрадовался. Интересно, где будет тот предел, за который меня не пустит? – подумал с азартом и начал уже шарить по всему девичьему телу. Левую руку, обнимая ее за шею сунул в вырез блузки и забрался пальцами под лифчик, добравшись до голой грудки, а правой погладил коленочки и сунул руку между ног, но продвинуться в заветную глубину не смог – мешала тесная юбка, обтягивающая полные бедра.

Ольга дергалась на каждое мое новое движение, замирала, прислушиваясь к себе, а потом продолжала с упоением целоваться.

Неужели получится? – я уже обрадовался. Однако, когда залез рукой под пояс юбки и скользнул за резинку трусиков, уже нащупав волосики лобка, то она отстранилась, вздохнула и решительно вынула мою шаловливую ручонку из своих трусов.

– Не надо Сережа, – мягко попросила. – У меня никогда еще не было так с мальчиком, – с трудом призналась. – Ты и так.... Никогда и никто меня так не трогал. Надо подождать.... Не сейчас.... Не обижайся, пожалуйста.

И вспомнив про вторую мою руку на груди, пошевелила плечами, освобождаясь от объятия.

Член уже давно рвался из штанов, и я уже чувствовал нарастающую боль от неудовлетворенного возбуждения. Утром точно буду «звенеть» яйцами. А может...?

– Оля, ты знаешь, что мужчина, не достигнув оргазма от долгой эрекции мучается болями, – посмотрел на смущенную девушку. – Не сможешь мне разрядиться?

– Как? – удивленно и испуганно подняла глаза она.

Я достал из штанов возбужденный член, взял ее руку и сжал девичью ладонь на стволе. Осознав, что происходит, она ойкнула и испуганно отдернула руку.

– Дурак! – воскликнула.

Да, сложный случай! Самой же нравится, когда ее глажу, но настолько закомплексована и безграмотна сексуально! Я заметил, что во время ласк она возбуждается и дыхание учащается.

– Извини, – произнесла Ольга спустя некоторое время, глядя в сторону. – Я так сразу не могу. У тебя, наверное, было много женщин? – предположила. – Мне надо время, чтобы все осознать.

– Это ты меня извини, совсем голову потерял, – признался я, приводя одежду в порядок и ругая себя.

Уже сегодня планировал вечером уехать домой, а там Гулька. С ней же первого июля приедем сюда подавать документы и будем вместе. Зачем мне Ольга? Хорошая девочка, мамина дочка, наверное, зачем ей голову морочить? Пусть живет своей жизнью, но без меня.

– Извини, – повторил. – Наверное идти по домам надо?

– Ты обиделся? – вздохнула она и пристально взгляделась в мое лицо.

– На что? – удивился я. – Нет. Ты все правильно сделала, – признался. – Это я голову потерял.

Если бы я этого большого ребенка сейчас трахнул, то как бы чувствовал себя потом? Подлецом, использовавшим ее влюбленность. Ведь ясно, что у нас нет и не может быть совместного будущего, а она, вероятно, стала бы ждать от меня продолжения отношений.

Хромал домой, вспоминая слабый запах духов и молодого девичьего тела, тепло и гладкость Ольгиной кожи, мягкость губ. Сволочь я испорченная! – отругал себя, но мысли все равно упрямо возвращались к этой встрече.

Обиды.

Вернувшись под утро домой, был встречен тетей. Она без лишних слов погнала меня мыться в душ, забрала в стирку грязную одежду, а потом смазала все ссадины. Немного попричитала над новыми брюками, рассеченной в очередной раз бровью и отправила спать, но рано утром позвала к телефону.

– Сережа! Сережа, тебя к телефону. Наташа звонит, – еле растолкала меня.

Конечно, еле продрал глаза, ведь спал всего пару часов. Чего не спится этой неугомонной? – ругался про себя, натягивая спортивки. Потирая закрывающиеся глаза поплелся к телефону.

– Ты дома? Когда вернулся? – услышал взволнованный голос подружки.

– Часа три назад, – посмотрел на часы. – Чего спать не даешь? Случилось чего?

– Случилось. Сейчас к вам моя мама придет. Жди, – неожиданно всхлипнула.

– Что случилось? – повысил голос, встревожившись и сразу проснувшись, но в трубке услышал короткие гудки.

Что произошло? Чего ждать? Придет Роза Михайловна. Зачем? В недоумении посмотрел на тетю.

– Что-то произошло. Сейчас придет Роза Михайловна зачем-то, – пояснил встревоженной родственнице и отправился в туалет.

Наташкину маму встретил уже умытый и одетый, только с распухшей рожей.

– Ты что наделал, засранец? – сразу с порога она накинулась на меня. – Как ты мог? Воспользовался девичьей влюбленностью, подлец. Ей же учиться надо, вставать на ноги, а если беременность? Химией травить девчонку? Или аборт делать? Что ты наделал подлец? Ты думал о чем-нибудь кроме своей похоти? Сволочь! Как ей дальше жить? Наверняка жениться не захочешь! Я тебя засужу, если дочкино здоровье пострадает. Так и знай. Явился сюда из своего Мухосранска! Задурил девчонке голову и воспользовался гаденыш.

– А вы тоже хороши! – перевела взгляд на застывшую от изумления тетю. – Разумный, порядочный..., передразнила. – А у него одно на уме.

– Что случилось? – наконец-то прорвался я в монолог разгневанной матери. – Мы с Наташкой расстались в одиннадцать на Дворцовой и больше ее не видел, – попытался оправдаться. – Она оставалась с девчонками.

– Замолчи немедленно. Ты сейчас все что угодно сказать можешь. В суде будешь оправдываться, подлец. Воспитают же таких..., – никакие доводы разгневанную женщину не могли успокоить.

– Что случилось, Роза Михайловна? – пришла мне на помощь тетя.

– Случилось, вот..., – Наташкина мама неожиданно всхлипнула.

– Пойдемте на кухню, воды дам, а вы мне все расскажете, – тетя скользнула к гостье, обняла за плечи и повела на кухню, а мне, сделав строгие глаза показала на мою комнату.

– Растишь их, растишь, надеешься, что будут счастливы, а они..., – услышал, закрываясь в комнате.

Неужели Наташку трахнули? Изнасиловали? Нет, такого быть не могло. Она не была пьяной, а сил и ловкости хватило бы отбиться от насильника, да и молчать бы не стала, а ночью былолюдно. И девчонки из класса с ней были. Что же случилось? Так и гонял в голове вопросы, пока за гостьей не захлопнулась дверь.

Тут же выскочил и бросился к телефону, отмахнувшись от тетиных вопросов. Хотел позвонить Наташке, пока ее мама добирается до дома.

– Что случилось? – крикнул я в трубку, услышав ее настороженный голос.

– Не твое дело. Сама разберусь, – ответила холодно одноклассница.

– Ты можешь мне объяснить нормально? – спросил раздраженно, но понял, что подружка бросила трубку и я опять слышу короткие гудки.

В недоумении повернулся к родственнице.

– У тебя точно ничего с Наташей не было? – с напряжением в голосе спросила она.

– Что у меня с ней может быть? – почти закричал. – Что произошло? Мы с ней расстались возле Зимнего. Я отправился... (замаялся) с ребятами, а она осталась с девчонками и больше ее не видел.

– Дело в том, что Роза Михайловна как-то обнаружила, что что Наташа... – тетя была смущена и не могла подобрать слов, – что у Наташи недавно, вероятно этой ночью был половой акт. Она не захотела сообщить с кем, и Роза Михайловна подумала на тебя. Как могла я пыталась ее успокоить, но..., – в сомнениях покачала головой. – Ты где ночью был? – строго посмотрела на меня.

– С ребятами. Я же говорил. Во втором часу разошлись, такси не было и тащился через весь город пешком, – попытался оправдаться. – Подрались с какими-то пацанами, – признался. – Андрюху, одноклассника отвел еще в травмпункт, ему сильно досталось.

– Что же произошло? – спросил я вслух и задумался.

Неужели Наташку действительно изнасиловали и ей, с ее самолюбием стыдно признаться даже матери? Если боятся беременности, то вроде есть препараты, которые сразу после полового акта надо принять и беременности не будет. Да и других способов полно. Роза Михайловна сама врач и должна знать, как поступать в таких случаях.

Все. Школа закончена и больше с этой сумасшедшей семейкой никаких дел! Это надо так накинуться на меня не разобравшись. «Подлец, соплик, засранец», – вспомнил эпитеты, которыми меня награждала разгневанная мать. Интеллигентка херова! Как приспичило, так вся интеллигентская шелуха слетела. Но как бы я повел себя в подобном случае? Что бы я сделал на ее месте? Хотя бы для начала разобрался с дочерью, ведь не чужие люди.

Все это обдумывал уже вечером под стук колес по дороге домой. Радости возвращения и скорой встречи с родными не испытывал. Выбило из колеи это событие.

А ведь все обиженными друг на друга остались! – неожиданно пришло в голову.

Роза Михайловна обижена на молчаливую дочь, на меня, как вероятного соблазнителя и на тетю Свету, приютившую и защищающую меня. Наташка, наверное, обижена на меня, за то, что ушел вчера с ребятами и оставил ее. Тетя Света – на Розу Михайловну, несправедливо обвиняющую нас в неискренности. А я обижен на кого-нибудь? Только на Наташку, не захотевшую рассказать мне о случившемся. Вроде бы я должен быть обижен на ее мать за незаслуженные оскорбления и обвинения, но понимаю ее, переживающую за единственную дочь. Вот и рожай дочерей, а потом переживай за них.

Хорошо, что не настоял и Ольгу не трахнул, – подумал, взбивая со злостью вагонную подушку, иначе еще в одной семье были бы проблемы.

Глава 4.

Приезд.

Вот я и дома! Довольный огляделся, бросив сумку в прихожей. Из кухни вышла бабуля, подволакивая ноги.

– Приехал? Ну и слава Богу! Как экзамены сдал? Покушать не хочешь? Я кисель ..., – начала предлагать.

– Приехал. Нормально. Не хочу, – прервал ее.

Чуть настроение не испортила своим овсяным киселем! – мысленно возмутился я и ретировался в большую комнату. Ведь должна знать уже, что не буду ее кисель есть или пить. Вспомнилась серая желеобразная масса, которую она называет киселем и передергиваюсь.

Родителей нет – на работе. С чего начать? Стою в раздумьях посередине комнаты. Конечно к Гульке! Мне вообще скорее хочется ее увидеть и больше не расставаться. Может это любовь? Потом надо найти своих пацанов. К Паше надо бы заглянуть – вроде вырисовываются пара-тройка песен, но над ними еще надо посидеть.

Срочных дел нет – значит к Гульке! Дилька, наверное, подросла, а я ей ничего не купил. Времени не было с этими экзаменами. Хорошо, что тетя заранее побеспокоилась и что-то приобрела из шмоток девчонкам и про Дарию Мирзоевну не забыла. Может все же заглянуть в Детский мир, вдруг что-то увижу прикольное! Хотя нет – я не знаю ее вкусов. Надо с Гулей посоветоваться. Димке тоже не знаю, что уже дарить, надеюсь подруга подскажет.

– Ну, наконец-то! – выдохнула желанная девушка и прильнула ко мне. – Я так и думала, что сегодня приедешь, даже в магазин боялась выйти – вдруг не застанешь? – призналась шепотом, когда мы вдоволь нацеловались до напряжения в моих штанах.

– А где...? – выглянул я из-за нее и не заметил мелкой.

– С подружками куда-то с утра умчалась, – сообщила Гуля с улыбкой. – Скоро должна появиться – тоже ждет тебя. Пойдем, кофе тебе налью, – повела меня за руку на кухню.

– Как у вас прошел выпускной вечер? – поинтересовалась она, расположившись напротив меня.

– Нормально, гуляли, катались на кораблике..., – проинформировал, старательно отводя глаза от любящего взгляда, так как не знал – стоит ли говорить о Наташке?

Потом решил, что все равно узнает, так лучше от меня и мою версию.

– С Наташкой произошло, что-то непонятное той ночью. Мне пришлось уйти с Дворцовой площади с пацанами – там наши одноклассники подрались с пэтэушниками и больше ее не видел. По-видимому, ее изнасиловали, так как ее мама каким-то образом обнаружила последствия. Утром примчалась к нам и обвинила меня в совращении дочери, так как Наташка ей не призналась в том, что случилось. Не думаю, что это произошло добровольно – когда мы расстались она оставалась с девчонками. Наташка не способна на безрассудный поступок и не пошла бы с первым встречным, а друзей среди ребят, кроме меня у нее не было. Рассудительная и самолюбивая девчонка. Вот из-за своего упрямого характера не захотела никому открыться. Мне тоже не сообщила о произошедшем – сказала, что не мое дело, сама разберется и бросила трубку, – сообщил я, тщательно подбирая слова.

Не хватало, чтобы у Гульки возникли подозрения в моей неискренности.

Некоторое время она молчала, обдумывая сообщение, а потом тихо заговорила, не поднимая головы:

– Представляю, каково ей сейчас. Знаю много подобных случаев, произошедших с девчонками. Это такой удар по психике! Сама не представляю, как бы поступила в таком случае....

– Наташа сильная, не переживай, – подняла глаза и накрыла мою ладонь своей, успокаивая.

– Я не переживаю, – слегка улыбнулся, – только не приятно, когда обвиняют в том, чего не совершал. И ее родителям мне не доказать свою невиновность.

– Что будем делать сегодня? – спросила Гуля, смущенно улыбаясь и уводя неприятный разговор в сторону.

– Не знаю. Хотел тебя увидеть и не думал, – я открыто посмотрел ей в лицо, чем смутил девчонку еще больше.

Тут входная дверь хлопнула и в квартиру ввалилась компания девчонок во главе с Дилькой. Увидев меня предводитель команчей радостно завопила:

– Ура! Сережа приехал! – и повисла на мне.

– Диля! Веди себя прилично! – возмутилась старшая, но в глазах светилась улыбка.

– Ты нам что-нибудь привез? – спросил непосредственный ребенок, заглядывая в лицо, чем смутила меня.

– Дилька, негодница! – в очередной раз упрекнула старшая сестра.

– В сумке посмотри в прихожей, – предложил я девчонке.

Я сегодня привез в гостеприимную квартиру только пакет с конфетами и сверток с подарками от тети.

– Неси сюда. Нечего по чужим сумкам шарить, – напомнила Гуля правила приличия.

– Я за купальником. Мы с девочками собрались на речку. Пойдем с нами, – предложила мелкая, поблескивая глазами и затариваясь конфетами.

Мы с Гулей переглянулись.

– Пойдем? – спросил у подружки, так в этом году еще не купался и опасался, что уже не доведется.

– Пойдем, только купальник надо найти. Я еще в этом году его не доставала, – смутилась она.

– Ура! – завопила младшая.

– И я без плавков, – вспомнил.

– Может брата подойдут? – пришла на помощь Гуля и смутилась в очередной раз.

Надевать чужие плавки? Ну уж нет!

– Вроде поблизости есть промтоварный магазин. Там трусами торгуют? – нашел я выход.

На реку отправились большой компанией, купив плавки и сладости с лимонадом дополнительно в соседнем продуктовом магазине. Мы с Гулей шли впереди, а позади копания весело щебетавших девчушек. Иногда шум сзади стихал и слышалось приглушенное хихиканье. Вероятно, девчушки активно обсуждали нас. Гуля держала меня под руку и ласково улыбалась.

Место для купания жителей Старослободского района было расположено на берегу реки Волочи. Просторный пятачок вытоптанной земли, полого спускающийся к воде был заполнен детворой, подростками и немногочисленными взрослыми. Вода возле берега была взбаламучена и приобрела коричневый цвет от придонного ила и глины. Раньше я здесь никогда не купался. Мы с ребятами ходили на ближнюю к поселку другую реку, впадающую в Волочу, но и там везде было илистое дно, а спуски к реке глинистыми. В народе их так и называли – Глинками. Девичья глинка, детская глинка, третья глинка, каменная глинка... Песчаных пляжей в городе не было.

Возникла неожиданная проблема! Где переодеть плавки?

Поняв мои затруднения, Гуля указала на прибрежные кустики. Наши сопровождающие захихикали, когда мы с подружкой отправились туда. Гулька закрыла меня от нескромных взглядов покрывалом, и я быстро поменял трусы на плавки.

Я был смущен отсутствием загара и отличался от окружающих белизной кожи. Выгляжу, как бледная спирохета или моль! – подумал и улыбнулся. Сразу видно приезжего. У Гули загар,

по-видимому, прилипал мгновенно, так как из-под лямок бикини выглядывали полоски более светлой кожи и на ногах виднелась граница, где заканчивался подол короткой юбочки.

Смущенный своей белизной, поинтересовался у загоревшей подружки:

– Ты где загорала?

Она смутилась и пояснила:

– С девчонками готовились к экзаменам, а заодно загорали. Кроме этого у нас есть несколько гряд на земельном участке знакомых, и мы с Дилькой ходили их полоть и поливать.

Наши девчата не мучились с переодеванием, а быстро скинув платица с визгом кинулись к воде и, не обращая внимания на мутную воду начали плескаться на мелководе. Мы с Гулей, взявшись за руки степенно спустились в воду. Я, не желая купаться в грязи, зашел подальше и нырнул, потом кролем поплыл на середину, желая вырваться на речной простор, свободный от заросших берегов с чистой водой. Река в черте города была широкой – метров триста. Никакого сравнения с той, которую видел в походе недалеко от истока.

Развернувшись, увидел, что подружка медленно плывет за мной и направился к ней, сменив стиль на брасс. Доплыв до нее, медленно поплыли к берегу брассом, так как заметил, что Гуля уже тяжело дышит. Все-таки лето короткое на нашей широте и многие подростки не успевают хорошо научиться плавать. Это мы с пацанами каждое лето подолгу проводили на водоемах, играли в догонялки, дурачились и соревновались, поэтому все без исключения уверенно плавали «саженками», а в училище меня уже натаскали.

– Ты где так научился? – поинтересовалась удивленно она.

– Научился..., – ответил и, если бы мог в воде пожал плечами.

Не говорить же о военном училище, где настойчиво заставляли оттачивать умение плавать разными стилями. Мой Ленинградский друг Эдик на первом курсе плавал, как топор, а к выпуску выполнил норму по плаванию на вторую степень Военно-спортивного комплекса, а я уже на втором курсе на первую.

Мое умение заинтересовало не только ее.

– Я тоже так хочу научиться плавать! – подскочила ко мне неугомонная Дилька возле берега.

– Ты по собачьи сначала научись, – с улыбкой предложила старшая.

– Сережа, научи меня, – подняла младшая на меня умоляющее личико.

– Хорошо, попробую, – улыбнулся Гуле. – Ложись на воду и повторяй за мной, – предложил Дильке, рассчитывая, что несколько попыток ее утомят и она отстанет.

Сам вытянулся на поверхности и загребая руками под водой медленно поплыл, молотя ногами по воде. Дилька попыталась повторить, но, подняв руками и ногами тучу брызг, погрузилась в воду, нахлебалась и не тронулась с места. Вскочила на ноги, откашливаясь и отплевываясь и заявила с обидой:

– У меня не получается! Как ты это делаешь?

– Ложись на воду, я поддержу тебя, – предложил я и подsunул руку под полненькое подетски тельце. – Лежишь? Теперь греби руками и бей по воде вытянутыми ногами.

Отфыркиваясь от попадавшей в рот воды и вытаращив глаза, ученица старательно выполнила мои рекомендации.

– Так. Молодец! – похвалил и пошел рядом, поддерживая снизу девчонку за живот. – А теперь плыви сама! – скомандовал и отпустил.

Проплыв расстояние в шаг, она погрузилась в воду и выпрямилась, встав на ноги и вытаращив глаза.

– Не все сразу, – успокоил я, пока она отплевывалась. – Надо постоянно пробовать и получится.

Упрямо она скомандовала:

– Держи меня снова! – и легла на воду.

В этот раз Дилька продержалась на воде чуть дольше.

– Ты видел? Я много уже проплыла, – поднялась из воды восторженная. – Давай еще!

– Нет уж, давай сама, ложись на воду и плыви, – отказался ее поддерживать, – далеко не заплывай, – указал я.

Улыбаясь, я посмотрел, как она барахтается и побрел к берегу, утопая в иле. Некоторые Дилькины подружки пытались тоже научиться плавать и повторяли за ней.

Вернувшись к Гуле, растянулся на покрывале рядом.

– Достала тебя? – с иронией поинтересовалась она, повернув голову и покосилась на паука на моем плече.

– Пусть учится. Упрямая она у вас, – заметил.

– Это, да! – засмеялась подружка.

– Я хотела с тобой посоветоваться, – пытливо заглянула мне в глаза спустя некоторое время. – Я тут подумала... да и мама советует..., – начала нерешительно, – что мне не стоит связываться с техникой, как тебе..., – выпалила, решившись и с облегчением выдохнула.

Ее глаза пытливо обшаривали мое лицо с опаской ожидая моей реакции. Не скрывая радости, я кивнул, так как сам хотел ей предложить выбирать профессию по душе, а не идти учиться со мной на инженера.

– Кем бы ты хотела быть? – поинтересовался я.

– Раньше хотела стать детским врачом, лечить животных или учительницей, а сейчас не знаю, – призналась с улыбкой.

– Считаю, что надо выбирать профессию по душе. Все равно мы будем вместе? Ты же в Ленинграде собираешься учиться? – напрягся я.

– Конечно! – воскликнула.

– С радостью приму любое твое решение. Не хочу с тобой расставаться! – признался.

Обнял подружку и поцеловал, не стесняясь окружающих.

– Я тоже! – сообщила она шепотом, глядя на меня счастливыми глазами.

– Вы чего здесь целуетесь? – прибежала мокрая Дилька с синими губами.

Вероятно, мы постоянно находились под наблюдением заинтересованных взглядов.

– Брысь мелкая! Мы взрослые, что хотим, то и делаем, – заявила старшая сестра и сама поцеловала меня. – Хватит купаться, посинела совсем. Вытирайся, – сунула той полотенце. – Белье, конечно, не взяла? – упрекнула младшую. – Вредно девочке ходить в мокром.

– А! – легкомысленно отмахнулась та, – высохнет, – ответила и отвернулась к подружкам, которые столпились невдалеке.

Я огляделся и заметил, что наша разновозрастная компания притягивает внимание окружающих, а некоторые пацаны повзрослее косятся на фигуру Гульки. Из женской половины отдыхающих, она единственная выделялась фигурой и красотой. Стройная, с гривой черных слегка выющихся волос, красивым привлекательным лицом и бронзовой кожей, она притягивала взгляды. На меня тоже посматривали, но не так, а встретившись взглядами отводили глаза. Завидуют?

– Садитесь, девчата, – предложил я, пересев на край покрывала.

Гуля тоже поднялась и пересела ко мне, прижавшись плечом. Девчонки с шумом расселись на покрывале и начали быстро уплетать сладкое под лимонад, косясь на нас и тихо переговариваясь. Всем им было лет по двенадцать и у некоторых под купальниками начинали проступать бугорки.

Вспомнилось, как в школе с пацанами прижимали в уголке одноклассниц и других девчонок, у которых начинала топорщиться грудь под платьем. Однажды, мой сосед по бараку Женька попался, зажав какую-то крупную с пухленькой фигуркой девочку в дверях магазина, а потом улепетывал от криков ее матери на всю улицу:

– Ты чего делаешь, подлец? Чего там щупать? Это же не титьки, а жир!

Потом долго с ребятами прикалывались над сластолюбцем, предлагая:
– Пойдем, Жека, жир пощупаем? Жека, гляди, еще одна жирная идет!
– Пора собираться, – предложила Гуля через некоторое время, – мама должна на обед прийти, – пояснила мне. – Тебе надо переодеться? – побеспокоилась.
– Я же не девочка, – ответил с улыбкой и легко поднялся.
– Ты с нами? – спросила она у сестренки.
Та с подозрением и надеждой взглянула на меня, затрудняясь с ответом.
– Мы мороженое пойдем есть и в храм зайдем потом, – заинтриговал я соблазняя.
– А девчонкам можно с нами? – взглянула Дилька на насторожившихся подружек.
Я заметил, что кто-то ущипнул ее сзади, напомнив про них. По-видимому, девчонкам в летние каникулы было все равно, как время проводить, а тут такое событие ...!
– Можно, конечно, – улыбнулась Гуля, – только пусть косынки захватят, – напомнила и взглянула на меня.
– Новую песню придумал для нашего церковного хора? – поинтересовалась она по дороге.
– Тосковал по тебе, вспоминал, как мы ходили к попу. Настроение, подходящее было и придумал. Только перед возвращением вспомнил и досочинил текст. Думал, что захочешь поклоняться и помолиться за наше поступление, – пояснил я с улыбкой.
– Это хорошо! – обрадовалась она. – Только почему к попу? Отец Стефан не понравился тебе? – заглянула в лицо.
– Почему? – в свою очередь удивился я, – он нормальный мужик и хороший человек, судя по отзывам, – прислушался к себе. – Просто не доверяю попам. Пользуются человеческими слабостями и этим живут.
Гуля молча шла рядом, обдумывая мои слова.
Купил в киоске на рынке всем по три порции мороженого, большинство шоколадные трубочки за двадцать восемь копеек, обсыпанные ореховой крошкой, так как сам соскучился по этому лакомству и для того, чтобы Дилькины подружки потом не упрекали меня в жадности и не давать повод для драк. В Ленинграде такого мороженого не встречал. Продавались похожие на палочке, но вкус был совсем другой.
Пока шли до церкви, все умяли.
В храме отца Стефана не оказалось, а хористки встретили меня с улыбками в этот раз и сразу отправили какую-то девушку помоложе за настоятелем. И здесь дедовщина! Или бабовщина, – отметил, сдерживая улыбку.
Дождаться попа не стал, а сообщил о новой песне и исполнил «Радость моя», которую в будущем будет петь Жанна Бичевская и, созданную на слова иеромонаха Романа.

*Радость моя, наступает пора покаянная,
Радость моя, запожарилась осень вокруг.
Нет ничего на земле постоянного,
Радость моя, мой единственный друг.*

*Затосковали деревья бесправные,
В ризах, растерзанных гибели ждуют.
Лишь золотые Кресты Православные,
Радость моя, нас в бессмертье зовут.*

*Радость моя, эта суетность грешная
Даже на паперть швыряет листья.
Но возжелали покоя нездешнего*

Белые Церкви, Святые Кресты.

*Их не прельщают купюры фальшивые,
Не привлекает поток золотой,
Нужно ли Вам это золото лживое,
Вам, лбызающим вечный покой?!*

Все немногочисленные посетители храма замерли, вслушиваясь в слова, а под сводами церкви билось эхо моего голоса. Классная акустика здесь! – мысленно отметил я в очередной раз.

Старшая среди хористок засуетилась, достала тетрадь с псалмами и попросила надиктовать слова. Потом вместе с ней повторили песню. Некоторые женщины подпевали, заглядывая в тетрадь. Стефан появился, когда женщины заканчивали песню уже без меня. Судя по всему, и эта песня им понравилась.

Заметив батюшку, с умилением слушавшего хор, подошел и поздоровался.

– Здравствуй, Сережа, здравствуй дорогой. Значит не забываешь нас? Тянет в церковь? – с доброй улыбкой он обратился ко мне.

– Увы, нет, – смутился я почему-то, – песню вспомнил и решил отдать вашему хору.

– Ничего, ничего, – успокаивающе заговорил он, – значит не пришло еще время. Душа у тебя праведная, чувствует где есть правда.

Заблуждаешься отец, грешен я, – подумал я и вновь смутился. Растерянно покосился на Гульку. За ней испуганной стайкой с непривычно серьезными личиками столпились девчата в платках.

– Ты снова в сопровождении, – пошутил старик, заметив мой взгляд.

– В этот раз я сам их привел, – признался я, – но нам надо уже идти. Ваши женщины изучили песню и моего вмешательства больше требуется.

– Благословляю, – кивнул настоятель головой и перекрестил нас. – Приходите еще.

– Хорошо. Всего вам доброго, – попрощался я по-светски.

Почему-то из чувства противоречия мне не хотелось в беседе со священнослужителем использовать религиозные слова и обороты.

У меня есть еще пара-тройка песен для Аркадьевича и одна для Севы из областного центра. Обещал в свое время Князю, – размышлял я, провожая девчонок. Что-то они притихли после храма. Когда шли туда веселье были, шумные, говорливые, а сейчас идут и только вполголоса переговариваются. Так посещение церкви повлияло на девчонок?

Гулька идет молча рядом, видит, что я задумался и не мешая. Повернулся к ней:

– Чего молчишь?

– Ты же о чем-то думаешь, – подтвердила.

– В Москву не хочу ехать, – признался, – но надо. Деньги нам в Ленинграде пригодятся.

– Могу составить тебе компанию, – предложила она тихо, да и Дилька запросится, – предположила.

– Поехали, – согласился я. – Только не знаю еще, когда. Надо с пацанами встретиться.

– Когда в Ленинград поедем? – поинтересовалась подружка.

– Думаю в начале июля, приедем утром и в тот же день документы подадим. Решила куда? До этого времени надо медкомиссию пройти и справку 086 сделать.

– С мамой сегодня посоветуюсь и решу. А на медицинскую комиссию завтра пойдем?

Молча кивнул головой. Документы из местной поликлиники я по отъезду не забирал, поэтому справку для поступления в учебное заведение буду делать здесь.

Пацаны.

Ближе к вечеру встретился в поселке с ребятами. Пацаны обрадовались. Среди них заметил Камиля и несколько малознакомых лиц.

Хруль, который был среди ребят, вопросительно вскинул голову. Я молча кивнул головой, а позже попросил оставить ключ от квартиры с утра.

Пацаны, как всегда вывалили кучу новостей про их жизнь в поселке и о наших знакомых. Это меня мало касалось, а вот новости от Стаса оказались интересными и заставили задуматься. В сборе икон возникли трудности, так как все ближайшие доступные места ребята прочесали и нужно было уезжать от города все дальше, а полностью пустых от жителей деревень, таких как в стороне Душкина не оставалось или они не знали их местонахождения. Не было и богатых на иконы заброшенных церквей. Вероятно, при закрытии властями деревенских храмов жители растаскивали церковную утварь по домам. Деревенским пацанам было проще, так как они, не стесняясь соседей лазили по брошенным домам, а нашим стоило сунуться в такой дом, как пришел мужик и поинтересовался их интересом к развалюхе.

– Боюсь наших потянет на кражи, – высказал Стас опасение. – Деревенские уже попались на взломе дома. Когда был у них Стриж старший за главного, то местные жители опасались жаловаться в милицию на проделки ребят из его компании, а у Юрки нет такого авторитета. Ребята не попытались даже купить ненужные хозяевам доски, а решили их украсть. Хозяева узнали – кто проник в их дом и заявили в милицию. Хорошо, что пацаны не выдали Ухналя, а вернули иконы и на этом все закончилось, а дело прекратили.

Твой одноклассник Фил тоже залетел на этом. Его сборщики попались на краже, но его покрывать не стали. Не знаю, чем у них все закончилось, но Фила таскали на допросы. Украденное пришлось вернуть, хорошо, что не успели продать.

– Значит Фил продолжил этим заниматься без меня, – удивился я вслух. – Интересно, кому он толкает доски?

– Ты не знал? – удивился в свою очередь Стас. – Новикову, кому еще? Тому все равно от кого принимать антиквариат, – предположил. – Думаю, что из-за твоего шустрого одноклассника Соломоныч тогда и снизил цены. – Но Дашкинские пацаны дефицитные шмотки в Москве не покупают, это точно знаю, – попытался успокоить меня.

Это-то понятно. Фил сам равнодушен к обновкам и таскать их своим пацанам не хочет.

– Вероятно, стоит завязывать с иконами, – предложил задумчиво я

– У нас уже набралось на очередную партию, – удивленно посмотрел на меня Стас. – Ребята ждут шмотки. Камиль, вон такую активность проявил! – кивнул на нового члена компании. – Я предполагал, что после экзаменов ты приедешь и с Ухналем ждали только тебя.

– Без меня так и не ездили? – удивился я.

– Ездили, сдавали Митричу, – признался он. – Помнишь того коллекционера? – уточнил.

– Зачем меня тогда ждали? – спросил Стаса.

– С тобой надежней. Мы торговаться не умеем, – улыбнулся друг. – А ты интеллигентно можешь спорить, да и с нами не хотят встречаться фарцовщики шмотками.

Я вздохнул. После нескольких краж икон в нашем районе менты уже заинтересовались повышенным спросом на иконы. Не хотелось, чтобы появились фигуранты уголовных дел среди моих друзей и хороших знакомых пацанов, но и возвращаться самому в этот бизнес нельзя, как Князю обещал. Он, вероятно, что-то знал и настаивал, чтобы я не связывался с этим.

– Ладно съезжу с вами, но иконы сами продавайте без меня. Помогу только со шмотками. Времени мало, поэтому готовьтесь выехать завтра. Втроем увезем все? – принял я решение.

– Попробуем, – задумчиво кивнул собеседник. – Куда ты торопишься? – удивился.

– Это у тебя все лето впереди свободное, а мне надо в начале июля документы подавать в Ленинградский Политех. Первого планирую выехать, – пояснил, глядя на друга.

– Ладно сделаем. Камиль! – Стас обернулся к пацанам, сидящим отдельно и ожидающих, чем закончится наш приватный диалог. – У тебя мотоцикл на ходу? Съезди в деревню к Юрке-Ухналю и сообщи, что завтра выезжаем в Москву с товаром втроем.

Пацаны оживились и стали активно обсуждать долгожданные вещи, которые планировали купить себе и подругам.

– Можно этого Камилля привлечь, – сообщил Стасу вполголоса я, так как из новой памяти знал, что этот паренек отличается предприимчивостью, в будущем будет большую часть жизни заниматься предпринимательством и успешно переживет бурные криминальные девяностые годы.

Удивленный Стас кивнул, посмотрев на меня, но ничего не спросил. Осталась вера у друга в меня и в мои рекомендации.

– Камиль. С нами поедешь, – предупредил парня друг и у того озадаченное выражение лица сменилось на довольное.

– Почему Яшку не вижу? – пригляделся я к компании, не слыша привычного «На х...й, бл...дь, тьфу».

– Переехал в город. Его родакам квартиру, наконец, дали, – ответил кто-то из ребят.

– Родителям твоего соседа Андрея Малышева тоже дали квартиру в том же доме, – прошептал Стас. – Яшка часто раньше появлялся здесь, а сейчас другая компания у него появилась. – Он тебе нужен?

– Нет, но рад за него. Сколько можно большой семьей ютиться на нескольких квадратных метрах с печным отоплением? – высказал я свое мнение.

Расселение поселка продолжалось и ряды нашей сложившейся компании таяли, но появлялись новые лица. Сейчас среди пацанов находились новички – Скворец из желтого дома, Санек со Строительной и Демон с Литейной. Последний был избит в ремеслухе Медведем, парнем из городского района Хлебники (народное название), весом в два раза больше и выше на голову шуплого Димки. Демон, как прозвали его ребята, обратился за помощью к Стасу, наши вступились за пацана и отловили в ГПТУ Медведя. Тот приссал, так как знал о репутации заводских ребят и откупился ящиком водки.

– Зачем вам водка? – поинтересовался я, так как неодобрительно относился к спиртному. (Сколько бед произошло из-за нее!)

– Славке Романову на проводы весной часть отдали. У его матери денег не было, чтобы достойно проводить сына. Яшкино новоселье отметили, так и разошлась, – пояснили ребята с улыбками.

– Чего это вы развеселились? – заподозрил я неладное.

– Когда провожали Рому в военкомат утром, схлестнулись с какими-то пацанами, – улыбаясь поведал Стас. – Знаешь, за мостом дамба ведет к военкомату? Санек схватился с одним, – кивнул на новичка, – и скатились оба с дамбы. Так тот приссал и помчался от Сани, а в это время река разлилась, затопила низину, и парень, спасаясь так и забежал в топь. Стоял по колено в грязи, пока мы не ушли к военкомату, хотя его звали, чтобы возвращался и обещали не трогать.

– Леднев с Михой из армии пишут? – поинтересовался я.

– Миха мамке только пару писем прислал, да фотку, а Рыжий написал мне. Вроде все нормально у него, крутит баранку, но жаловался, что «деды» за...бали! – поведал Стас.

– Ничего, сам «дедом» станет. Сейчас-то уже «молодой», – улыбнулся я, вспомнив неофициальную армейскую иерархию.

По дороге домой вспомнился разговор с Князем по теме антиквариата, которую затронули со Стасом в прошедшей беседе. Я ведь обещал Соломону сообщать авторитетному

Вору о наезде других жуликов на антиквара. Долго сомневался – стоит ли звонить и напоминать Гвидону о себе, но решил, что ничего страшного не будет, если выполню просьбу москвича и в начале декабря набрал знакомый номер.

– Здравствуйте, Юрий Васильевич.

– И тебе не хворать! – услышал знакомый голос. – Давно о тебе не слышал. Откуда звонишь?

– Из Ленинграда. Я звоню по просьбе нашего московского знакомого.

– Я же тебя предупреждал, чтобы не связывался с ним, – голос Князя построжел.

– Я и не связываюсь. Ребята попросили поговорить с ним – он их кинул.

Услышал, как собеседник хмыкнул в трубку.

– Ну и не надо тебе лезть к нему. Кидают тех, кто сам желает быть «обутым». В ином случае надо сразу брать за кадык и забирать свое, иначе так и будешь лохом по жизни.

– Ребят я не мог бросить. Сам втянул их в это дело, а когда мой бывший компаньон их обманул, решил спросить его.

– Получилось? – заметил иронию в голосе собеседника и неожиданно подумал, что для него слово «спросить» может иметь другое значение.

– Получилось, даже больше ожидаемого. Хотя мне показалось, что для него важнее хорошие отношения со мной и вами. Он просил передать, что вашим с ним делам угрожает опасность.

– Ну, ну, продолжай.

– К нему из вашей среды обратились люди и предложили гнать по его каналам «рыжевые» и камни. Сразу вокруг него засуетились комиссии из различных органов, и он решил на время отойти от дел. . . .

– И ты ему поверил? – прервал меня Князь. – Зачем лезешь в это дело, где ты лох, как и твои друзья? – повысил голос. – Этим людям никогда нельзя верить. Продадут и предадут сразу, если им это будет выгодно. Серьезные люди никогда не будут связываться с таким дерьмом и не станут вести с ним вообще никаких дел. Может ему «лапшу навешали» и «варганку крутили» «подснежные воры» (притворялись ворами).

То, что Князь заговорил по фене, понял насколько он недоволен, но не понял – мной, Соломонычем, теми преступниками или всеми.

– Я все понял, – смирился я и отступил.

– Что ты понял? – повысил он голос. – Занимайся делом, в котором понимаешь и у тебя хорошо получается, а то Сева заждался. Все, говорить больше не могу и так наговорили тут. . . .

– Всего доброго, – я попрощался и повесил трубку.

Потом долго размышлял об этом разговоре и понял одно – нельзя доверять никому – ни вора, ни спекулянтам, а я действительно лох, пытаюсь играть на их поле.

А ведь была мысль обратиться к Гвидону и наказать Ленкиного развратника руками братвы. Что бы мне сказал Князь в этом случае? Представил наш диалог:

– Можешь ли что-то предъявить извращенцу?

– Нет. Кроме, как со слов пострадавшей.

– Тогда никто из уважаемых людей не будет связываться с мутным делом. Ты уверен, что тебе правду сообщили?

– Я верю.

– Это не довод. Если сам боишься наказать обидчика девочки, то заплати желающим и покажи фэйс извращенца.

Значит нужно самому разбираться с этим Никифоровым. Выбирать время, узнавать все про него, потом ловить и наказывать. Мне-то доказательства не нужны.

Поездка в Москву.

На следующий день опять не получилось с Гулькой навестить хату Хруля. Полдня бегали по врачам, оформляя справки для поступления, а потом она помчалась домой готовиться к поездке в Москву.

С Пашей тоже не встретился – он уже ушел куда-то. Может и к лучшему – песня «Гранитный камешек» ведь, как про него и Евгению Сергеевну написана. Стоит ли ворошить прошлое? Придется взять сырые песни к Аркадьевичу.

В назначенное время встретился на вокзале с ребятами, нагруженными свертками. Через некоторое время подъехала Гуля с Дилькой. Познакомил всех и загрузились в вонючий вагон.

– Что они везут? – поинтересовалась подруга, когда остались в купе втроем.

– Дела у них в столице, – ответил я неопределенно, заметив насторожившуюся мелкую.

Через несколько часов поездки меня, да и остальных пассажиров достали двое пьяниц, едущих в соседнем купе. Надоел их мат, громкий разговор, курение и ссоры с женщинами, пытающихся их урезонить.

Успокаивающе махнул сестренкам и вышел к буйным соседям.

– Мужики, хватит орать, курить и материться. Мешаете всем, – обратился я к пьяницам.

– Иди отсюда малец. Не твое дело, – отреагировал один из них.

За спиной почувствовал движение. Стас с ребятами подошел на поддержку.

– Вам же сказали – хватит бухать, или будете допивать на ближней станции! – с угрозой предупредил их Стас.

– Ладно. Все, – пробормотал один из них с красным лицом и заплывшими глазками, видя наше численное преимущество.

Какое-то время было тихо, а потом веселье разгорелось с новой силой. Я поднялся и улыбнулся Гуле, взявшей меня за руку.

– Все будет в порядке, – успокоил ее и освободил руку.

Стас меня опередил. Он прошел к пьяницам и вылил, оставшуюся в бутылке водку на голову краснорозега. Тот с ревом попытался вскочить, протирая глаза. Друг своей лопатообразной ладонью толкнул его в лицо. Тот упал на место, врезавшись спиной в стену.

– Вас же предупреждали? – спросил Стас спокойно. – Хотите оказаться на улице? Я устрою.

– Ты что сделал, сука? – заорал умытый водкой, промаргиваясь и протирая слезящиеся глаза, но встать вновь не пытался.

– Еще раз услышу от вас хоть звук, вылетите из вагона, – предупредил их Стас и, взглянув с улыбкой на меня вернулся к ребятам.

Довольные пассажиры благодарили друга пока он шел по проходу. Оставшийся путь ехали спокойно под радостное Дилькино щебетанье, пока она не уснула, а мы с подругой ночью опять оказались на одной полке, где она помогла мне разрядиться рукой. Помочь ей достичь кульминации руками мне не удалось, хотя и был близок к цели.

В столице, взяв билеты на обратный путь, отправились звонить своим абонентам. С антикваром договаривался Юрка(!). Вероятно, у него лучше получалось торговаться, чем у Стаса. Я не вмешивался – ребятам виднее. Сам позвонил Аркадьевичу по нескольким номерам, но не дозвонился. Только на одном мне пообещали разыскать его. Вот живчик, не сидится на месте! Скрывая досаду, набрал номер, выданный Виктором для связи. Фарцовщики опять переехали. Договорился с Виктором о встрече, сообщил ребятам новый адрес и договорились встретиться после обеда. Потом взяли два такси и разъехались по своим делам.

С девчонками поехал кататься по столице, смотреть строящиеся олимпийские объекты, периодически останавливаясь возле таксофонов. Одно дело смотреть и слушать про олимпий-

ские объекты и планах строительства при подготовке к Олимпиаде по телевизору и другое дело видеть своими глазами. Мы успели побывать на Ленинских горах, чтобы полюбоваться громадой МГУ, ареной Центрального стадиона Лужники с чашей Олимпийского огня за Москварекой и горнолыжными трамплинами на склоне. Проехали мимо строящегося оригинального из лепестков спортивного зала «Дружба» и наконец Аркадьевич откликнулся. Договорившись возле дома администратора встретиться через несколько часов, отправил сестер на аттракционы, а сам пошел в подъезд.

После радостных взаимных расшаркиваний Иосиф Аркадьевич в предвкушении провел меня в свою студию, приобняв за плечи. Я уже было задумался о нетрадиционной ориентации администратора и захотелось стряхнуть его руку. В этой среде таких немало, но он сам отпустил меня стоило войти в комнату.

– Сегодня всего три песни, – огорчил я хозяина, подавив раздражение, – и записать на пленку не успел. Времени не было совсем – экзамены, то да се....

– Ладно, давай, что есть, – не скрывая разочарования махнул рукой он.

– Мне бы гитару, – посмотрел я на него.

Проверив строй инструмента, объявил:

– «Прощай», – и запел песню группы «Маленький принц», подыгрывая на гитаре.

*Вновь иду и шаги свои слышу
В этот час даже ветер уснул
Я один, в вечности, я один
Так навсегда, жизнь моя лишь смена картин
Ты не плачь, не могу я остаться
Буду лишь долго помнить тебя
Где-то там, в городе мне родном
Ты будешь жить лишь этим днем, лишь этим днем*

*Прощай, мимо промчится ночь, мимо промчится ночь
Утром растает, как в огне
Прощай, не повторится ночь, не повторится ночь
Та, что ты подарила мне...*

Закончив, вопросительно смотрю на хозяина, а Иосиф Аркадьевич молчит. Наконец, как бы очнувшись, он пошевелился и поднял голову.

– Говоришь, нот нет?

Отрицательно я помотал головой, озадачившись поведением музыканта. Насколько разительно его поведение отличалось при нашей встрече и сейчас. Весь собран, глядит остро и требовательно.

– Давай следующую, – распорядился он по-деловому.

Я поправил гитару, замер на мгновение и объявил:

– Для певички. «Зимний сон». (В будущем будет петь Алсу).

*Звёзды поднимаются выше,
Свет уже не сводит с ума,
Если ты меня не услышишь,
Значит, наступила зима.
Небо, загрузив, наклонилось,
В сумерки укутав дома,
Больше ничего не случилось,*

Просто наступила зима.

*В тот день, когда ты мне приснился,
Я всё придумала сама,
На землю тихо опустилась зима, зима.
Я для тебя не погасила
Свет в одиноком окне,
Как жаль, что это всё приснилось мне...*

Опять получилась задумчивая заминка, но стоило Аркадьевичу пошевелиться, как я, не дожидаясь команды, сообщил:

– И последняя – «Гранитный камушек». (Из репертуара «Божьей коровки»).

*В этот вечер снова ждет тебя другой
Это он украл любовь у нас с тобой
Не ходи к нему на встречу, не ходи
У него гранитный камушек в груди
Не ходи к нему на встречу, не ходи
У него гранитный камушек в груди*

*Пусть он ходит за тобою по пятам
Ты не верь его обманчивым словам
Он слова тебе красиво говорит
Только каменное сердце не болит...*

Работали над песнями значительно дольше, чем с Павлом, так как музыкант пробовал разные тональности, проигрыши, другие варианты исполнения, на ходу придумывая аранжировку. Иногда я на настаивал на своем варианте. Спорили. Теперь я понял, что значит настоящий профессионал.

Утомившись, Аркадьевич предложил временно прерваться на кофе. Я был всегда ЗА, хотя уже тайком косился на часы. Приближалось время встречи с девчонками и ребятами.

За столом он поинтересовался:

– Куда поступать собрался?

– В Ленинградский Политехнический.

– Зачем тебе это? Твое дело – эстрада, песни! Это тебе я, как профессионал говорю.

Меня спас дверной звонок. Хозяин, извинившись поспешил к входной двери и в прихожей забубнили голоса. Послышались женские восклицания и смех. Через некоторое время Аркадьич вернулся и предложил:

– Сережа, не хочешь познакомиться с моими гостями? Там настоящие или будущие знаменитости. Потом гордиться будешь такими знакомствами.

– Извините, Иосиф Аркадьевич, но я уже опаздываю и мне надо идти, – отговорился я.

Некоторое время он молча всматривался в меня, не веря, что я не шучу и говорю всерьез. Я смотрел на него невинным и искренним взглядом.

– Хорошо, я сейчас, – пробормотал он удивленно и вышел.

Принес пакет и протянув мне, сообщил:

– Можешь не считать, там пятнадцать тысяч. Завидую я твоей молодости, Сережа. Вся жизнь впереди... – вздохнул по-стариковски.

– Кто-то сказал, что молодость, это недостаток, который быстро проходит, – ответил я известной сентенцией.

– Да, да. Жду тебя с нетерпением, Сережа! Эх, жалко времени нет. Хочется мне с тобой посидеть спокойно и серьезно поговорить. Все спешим, спешим куда-то. Так жизнь и проходит, – Аркадьич как-то сник, расстроенный.

Выйдя на улицу, я поймал в объятия восторженных сестренок.

– Мы сейчас Аллу Пугачеву видели! Как раз в этот подъезд зашла. Сначала растерялись, не поверив глазам, а потом поздно стало, она уже в подъезд зашла с компанией.

Я понял, кто пришел в гости к Аркадьевичу, с кем он хотел меня познакомить и улыбнулся.

– А чего вы от нее хотели? – заинтересовался, чем смутил обеих.

– Не знаю, – задумалась Гуля. – Просто необычно – со знаменитостью, которую видишь по телевизору, просто встретиться на улице...

– Ладно, в следующий раз для вас автограф попрошу, – пообещал я с улыбкой.

– Ты ее знаешь??? – обе распахнули глаза.

– Нет, но мой компаньон предложил мне сейчас познакомиться со столичными знаменитостями.

– А ты? – воскликнули одновременно.

– Отказался. Ведь меня ждали такие красавицы! – приобнял обеих, а сам подумал: Гуля недалеко ушла от своей младшей сестренки, хотя старается выглядеть старше и опытней.

Чего в этих популярных звездах есть то, чего нет у других? Большинство умом и красотой не блещут, с отвратительным, избалованным и капризным характером. У Пугачихи даже вкуса в одежде нет

– В чем она была одета? – поинтересовался я.

– Так ты ее не видел? – удивилась подружка.

– Нет, был в другом помещении, – ответил я, продолжая развлекаться.

– А-а, – разочарованно протянула она. – Брючки коричневые, туфельки на шпильке, свободная салатного цвета блузка – начала перечислять, подняв глаза.

– Сумочка необычная на ремешке, – подсказала Дилька, – прическа пышная, волосы крашенные...

– Все, все, хватит, – поднял я руки прерывая сестер и удивляясь, что за несколько секунд они так много запомнили.

Я, как и большинство мужиков, могу проговорить с человеком несколько часов, а потом не вспомнить в чем тот был одет, какая у него была прическа, цвет глаз и волос, если не запоминать специально.

Домой возвращались довольные и усталые. Ребята с девчонками везли баулы с импортной одеждой, а я купил только джинсовый костюм и кроссовки с мокасинами.

Виктор успел пожаловаться, что милиция и КГБ стоят на ушах и зверствуют. Во-первых, в период проведения Спартакиады народов СССР, на которую впервые были приглашены зарубежные спортсмены и в преддверии Олимпиады, усилен режим службы, а во-вторых, кто-то грабит иностранных туристов под видом сотрудников КГБ. Многие его клиенты погорели на фарцовке.

Он еще делился какими-то новостями, а я вспоминал и не слушал. В будущем видел какую-то телепередачу, где рассказывалось про операцию, которая вроде называлась «Ночная Москва», проводимую совместно МВД и КГБ. В ходе ее было задержано около шестидесяти человек. Банда грабителей под руководством бывшего спортсмена-борца из Смоленска действительно грабила иностранцев, прикрываясь поддельными удостоверениями сотрудников всемогущего ведомства. Фамилия главаря к сожалению, вылетела из головы, но запомнил, что им в криминальных делах помогала младшая семнадцатилетняя сестра главаря.

Вероятно, по таким сведениям, можно не трудно вычислить преступников, но как передать в правоохранительные органы эти сведения? К тому же я зарекся вмешиваться в историю.

Да и стоит ли? Все равно их в августе поймают. Хотя в данном случае стоит попробовать, так как телефонные сообщения по 02 в это время не записываются, но лучше подстраховаться. Или все же не стоит? Так в сомнениях и сел в вагон. Даже Стас, заметив мое состояние пошутил:

– Ты чего такой, как ломом пришибленный?

Я поначалу растерялся, а потом нашелся:

– Сегодня девчонки Пугачиху видели. Предполагаю, что вскоре мою песню запоет.

– Что за песня? – заинтересовался друг.

– Теперь она не моя. Не могу сказать, – извиняюще улыбнулся я.

– Может вечером соберемся, споешь нам, как раньше, – предложил он.

– Времени в этот раз нет. В августе приеду надолго, тогда спою, – пообещал и задумался над промелькнувшей в разговоре идеей.

Вероятно, Аркадьевич, как и Соломоныч значительно недоплачивает мне. Может мне надо выходить напрямую на популярных исполнителей – Лещенко, Кобзона, Хиля, Ротару или ту же Пугачеву? Только, где искать каждого? Адреса проживания многие, вероятно скрывают, защищаясь от поклонников, но это не трудно вычислить – фанаты все равно все знают. Есть ли у меня время разыскивать их, узнавая адреса, отлавливая на концертах или в местах репетиций? Даже если удастся встретиться, захотят ли они общаться с неизвестным подростком? Возможно, только по рекомендации, а кто меня порекомендует? Аркадьевич? Не смешите мои тапки! Оно ему надо? Кроме этого финансовые вопросы решают не сами исполнители, вернее не только они, а есть администраторы. Захотят ли они раскошелиться? Не появится ли мысль кинуть сопливого одинокого подростка? Сколько в настоящее время и в будущем происходило ссор между исполнителями и маститыми поэтами-песенниками или композиторами? Знаменитые певцы и певицы кидали таких людей, как Паулс, Дербенев и многих других. Так стоит ли метать бисер? Есть постоянный покупатель, как источник дохода и Аркадьевича мне достаточно пока.

О Ленинградских исполнителях даже задумываться не стоит – их финансовые возможности значительно ниже, чем у москвичей.

Может в будущем, когда стану старше, появится возможность заявить о себе, как о поэте-песеннике или барде, или, когда сами исполнители будут выстраиваться в очередь за моими песнями. Уже сейчас от меня ждут новых песен музыканты – Пашины коллеги из моего города, областная певица и Сева. Слава и деньги от меня не уйдут.

– Пей чай, остынет, – прервал размышления голос Гули.

Вот, блин. Опять ушел в себя и про девушку забыл, – поднял глаза на нее и заметил перед собой стакан в железнодорожном подстаканнике и спящую Дильку за спиной Гульки.

Умаялась девочка, – с нежностью посмотрел на спящего ребенка. За вагонным окном была темнота и только редкие фонари на переездах изредка проносились мимо. В вагоне тоже приглушили свет.

– Извини, задумался, – повинился я перед подружкой и взял ее руки в свои.

– Ты часто о чем-то думаешь, – заметила она, – все в порядке? – побеспокоилась.

– В полном, – попытался я заверить с улыбкой. – Раз я мыслю, значит существую? – пошутил.

Она мне ответила осторожной неуверенной улыбкой.

Хватит пугать молчанием свою девушку! – решил про себя. Замечательная у меня подружка – терпеливая и понимающая. Еще будет время подумать обо всем в одиночестве. Перетянул ее на свою полку, обнял и шепнул на ушко:

– Давай я тебе напою тихонько песни, которые продал сегодня и буду продавать потом.

Паша.

Пашу сегодня пришлось опять будить. Это понятно. По вечерам он лабает в нашем городском кабаке, возвращается домой поздно, а там еще выдерживает один или несколько раундов постельной борьбы со своей Мариной. Опять она мне открыла, только в этот раз выглядела свежей, умытой и причесанной, а ногах были женские желтые пушистые тапочки в цвет махрового халатика.

Не дожидаясь моего вопроса, уточнила:

– Привет! Приехал? Пашу будить? Проходи на кухню, – и не закрывая дверь отправилась в их комнату.

– Не застал тебя накануне. Пришлось везти в столицу неподготовленные песни, но ничего, справились, – признался я, встретив лохматого и заспанного друга. – Зато написал отличную песню для Севы, – покосился на греющую уши Марину.

– Мы только вчера с гастролей по колхозам вернулись. Сельчан вдохновляли на трудовые подвиги. С ними никакого здоровья не хватит, до сих пор голова трещит, – пояснил он и поморщился. – Мы с Мариной недавно заявление подали, – смущенно улыбнулся. – Свадьба в сентябре. Тебя приглашаем.

– Поздравляю, – искренне улыбнулся я, оглядев жениха с невестой. – Буду обязательно, если не поступлю в ВУЗ, но подарок от меня будет в любом случае, – пообещал. – У меня нет времени дожидаться приезда Севы. Продавать придется тебе, проси три тысячи, и одна тебе в подарок на свадьбу.

– Что за песня? – вернулся музыкант к творчеству.

– Гитары нет, возьмите бубен! – пошутил я, вспомнив «В бой идут одни старики». – Давай с моего голоса, – предложил. – Называется «Одинокий волк». (Виталий Цаплин).

*Мир тревожным окутан сном,
Над землею опять тишина,
Ты опять покидаешь дом,
Ты не знаешь сна,
Что-то шепчет тебе луна,
Глядя с черных своих небес,
Ты один и она одна,
Спит усталый лес.*

*Ты уходишь от людей,
Ты в погоне знаешь толк,
Ты живешь жизнью своей,
Одинокий волк...*

Отступление. Мазуров К. Т.

Кирилл Трофимович тяжело поднялся из-за стола. Только сегодня он вернулся из поездки по стране и приехал домой отдохнуть, так как в последнее время плохо чувствовал себя. Уже продолжительное время держалось повышенное давление и периодически температура, но послаблений себе не давал и к врачам не обращался, зная, что они посоветуют отдохнуть, обследоваться и прочее.

Если его непосредственный начальник Тихонов находит силы работать, участвовать в заседаниях Политбюро, не хватало заболеть заместителю Председателя Правительства. Да и повод для сплетен «товарищам» и «соратникам» по Политбюро давать не хотелось: «Сдаёт Кирилл Трофимович, на пенсию пора...», а он полон сил и не болен (почти). 60 лет рассвет возраста для политической деятельности, а сколько планов...!

Жалко, что погиб настоящий соратник по Политбюро и можно сказать друг Романов Г. В. Получив известие о его гибели, Мазуров был ошарашен. Не должны гибнуть люди их уровня в рядовой авиакатастрофе. Он поставил задачу своим помощникам выяснить из первых рук причины катастрофы, не дожидаясь официальной версии, но тех постигла неудача. Оказалось, что уже все лица, связанные с вылетом злосчастного самолета, технические службы и сопровождения полета прикрыты подписками о неразглашении, а везде находились сотрудники КГБ.

Экстренное заседание Политбюро, созванное по причине гибели их соратника, ничего не прояснило. Назывались наиболее вероятные причины – неблагоприятные условия полета, так как самолет попал в грозовой фронт и технические неполадки воздушного судна.

По лицу Андропова, присутствующего на заседании ничего понять было невозможно, а также некоторых других, зато Брежнев негодовал:

– Почему так нелепо погиб наш товарищ? Что у нас с безопасностью полетов происходит, если гибнут даже члены Политбюро?

– Григорий Васильевич сам проявил легкомыслие перед вылетом. Его накануне предупредили о неблагоприятных условиях полета на маршруте, но он упрямо решил – вылетать, – тихо заявил Юрий Владимирович, не поднимая головы и глядя в стол.

– Надо все это тщательно расследовать, чтобы в будущем исключить подобное, – буркнул Леонид Ильич и посмотрел на Мазурова.

Вероятно, хотел поручить от Политбюро возложить на него контроль за работой комиссии, расследующей причины авиакатастрофы, но отвел взгляд по каким-то причинам и повернул голову к Черненко.

– Возьмешься, Костя?

Тот кивнул.

Мазуров, хоть и был первым заместителем Председателя Совета Министров Косыгина, и числился от Политбюро куратором многих министерств, но не Министерства гражданской авиации.

Потом он все-таки узнал о некоторых подозрительных моментах, предшествующему злополучному вылету. Оказалось, что самолет, на котором прибыл в Москву Романов, оказался сломан и ему для срочного вылета в Ленинград предоставили другой. Причину поломки рабочего самолета Романова, зачем была нужна такая спешка с вылетом, откуда взяли запасной самолет выяснить не удалось. Это выглядело подозрительно.

Прямое обращение к Андропову тоже ничего не прояснило. Юрий Владимирович уклончиво ответил:

– Сам ничего не знаю, Кирилл Трофимович. Расследование провожу по своим каналам, но предварительные данные опасаясь озвучивать, так как полной ясности нет.

Радуется, наверное, что одного из основных своих противников по Политбюро лишился, – подумал тогда Мазуров и не стал выяснять ответы на выявленные его людьми подозрительные моменты.

Слишком многим в Политбюро и Секретариате ЦК Григорий Васильевич «оттоптал ноги» за последний год своей активностью – Сулову, Устинову, Громыко и самому Андропову, но разрешать недопонимание катастрофой и убийством своего товарища.... Нет, это в голове не укладывается.

Неожиданно он вспомнил один из последних разговоров с Романовым. Они встречались в конце зимы или начале весны на его даче. Тогда Григорий Васильевич немного выпил и заметно охмелел. Вероятно, выпивал накануне их встречи.

– Я, Кирилл Трофимович, был в этом Афганистане. Это такая трясина, а эти всё делают, чтобы нам попасть туда! – высказался непонятно гость.

Кто это упомянутые «эти» не уточнил, но понимающему человеку было ясно.

– Бьюсь как в стену, но не твердую обычную, а в мягкую, пружинящую, как в палате психбольницы. Все со всем согласны, а делают наоборот всё, чтобы угробить страну.

– Ну ты, Григорий Васильевич преувеличиваешь, – попытался опровергнуть собеседника Мазуров, считая того неадекватным из-за употребления алкоголя.

– Я уже давно передал список шпионов и предателей Андропову, а он не заметно что-то сделал с ними. Ты ведь тоже не слышал о разоблачениях шпионов в последнее время? – не отвечая собеседнику спросил ленинградец и поднял мутные страдальческие глаза на хозяина.

– Нет, – покачал Мазуров головой, – но тебе-то откуда знать о действующих врагах? – скептически поинтересовался.

– Есть у меня..., один..., пророк-оракул хренов, – отмахнулся тот. – Надеется, что спасу СССР. Обо многом напроорочил. А тут такое болото...! Вот и ты не веришь! А-а! – сокрушенно махнул рукой Романов и выпил очередную рюмку.

– Предчувствую, что недолго мне осталось, – под конец встречи признался Григорий Васильевич.

Тогда Мазуров не обратил внимания на слова Романова, объясняя все депрессивным настроением того на почве опьянения или наоборот – пьянство и последующей депрессии. У всех бывают такие моменты, когда кажется, что ничего не получается, все против тебя и хочется опустить руки или напиться.

А сегодня неожиданно вспомнилась та встреча и слова покойного. Неужели все-таки убийство? Не хочется в это верить. Тогда Романов упоминал какого-то пророка. Неужели был или есть такой? Почему же он не предупредил Григория Васильевича перед полетом об угрозе? Или предупреждал, а тот не внял?

Мазуров вспомнил какую необычную активность начал проявлять Романов в последний год. Сблизился с ним, так как, наверное, считал своим союзником по Политбюро. Действительно, у них не было противоречий и разногласий во взглядах на экономику страны. Раньше Романов не был замечен подобной активностью, занимаясь только интересами своей области и Ленинградской промышленности, а тут вдруг вмешался в кадровый вопрос и выступил против назначения Горбачева. Проявился и по другим вопросам внешней и внутренней политики, что не могло понравиться другим членам Политбюро.

Еще тогда про какой-то список шпионов упоминал. Неужели как-то узнал о врагах и передал СПИСКОМ Андропову?

Может и правда – был у него пророк-оракул? Неплохо было бы узнать – что будет после нас? Надо послать кого-нибудь в Ленинград надежного, чтобы выяснил осторожно о людях в окружении Первого секретаря ОБКОМА, не привлекая внимания.

Глава 5.

Подача документов.

Впервые я так вымотался в Ленинградском поезде. Гуля, которая в этот раз ехала со мной в Ленинград, вероятно, тоже, но вида не показывала и даже не намекала на усталость.

В этот раз нам достались места в плацкартном вагоне в проходе, а в купе напротив ехала цыганская многодетная семейка. Мартышки-цыганята полночи не могли успокоиться, лазая по полкам, крича, споря и ссорясь на гортанном языке. Соседки-женщины пытались успокоить и утихомирить шумное соседство, взывали к невозмутимому отцу семейства. Колоритный типичный толстый цыган с окладистой бородой, седыми нитями в черных длинных волосах, с золотой печаткой на пальце, одетый в хромовые сапоги, извиняюще улыбался, разводил руками (это же дети!) и строгим взглядом окидывал расшалившееся потомство. Цыганская детвора замирала под его взглядом на некоторое время, а потом все начиналось сначала. Жена, маленькая худощавая женщина в длинном цветастом платье, с крупными серьгами и бусами на плоской груди вообще не вмешивалась, а подозревая кого-либо из ребятни, поправляла что-то у них в одежде, что-то выговаривала и отпускала резвиться дальше.

Я терпел и лишь иногда страдальчески поднимал глаза на Гульку, ища моральной поддержки, но она снисходительно и успокаивающе улыбалась, как будто ее совсем не беспокоили шум и крики над ухом. Наоборот, подозревая самого мелкого или одного из самых маленьких, одарила конфетой. Вскоре возле нас собралось все малолетнее семейство и разошлось, когда все конфеты были розданы, а пол возле наших мест был засорен обертками. Остался лишь самый настойчивый, который затянул на одной ноте:

– Дайте, пожалуйста, ради Бога конфету, дайте, пожалуйста, ради Бога конфету, дайте . . .

– Миленький, нет больше! – попыталась сердобольная Гуля втолковать ребенку.

– Дайте, пожалуйста, ради Бога конфету . . .! – как бы, не понимая и не слыша продолжал тот кланчить.

Не выдержав, отдал свой пакетик с двумя кусочками сахара-рафинада, полученный к чаю. Пацан посмотрел на ненужный подарок, взял и с обидой отстал, а мы продолжали периодически обстреливаться взглядами черных любопытных глазенок – что у нас в руках, что едим, что лежит на столе?

На перрон Московского вокзала я выгрузился не выспавшимся, недовольным и раздраженным. Подружка, наоборот, в отличие от меня выглядела свежей, без тени усталости и довольной жизнью. Постепенно, глядя на нее, мое раздражение прошло и настроение улучшилось. Все-таки присутствие рядом жизнерадостной девчонки благотворно влияло на меня.

Проходя мимо нас отец цыганского семейства добродушно пожелал:

– Красивая вы пара. Дай вам Бог счастья и надеюсь встретить в следующий раз женатыми.

Посмотрел ему вслед, как он вальяжно шел по перрону с пустыми руками, а позади тащили многочисленные баулы, свертки, сумки его жена и дети. Переглянулись с Гулькой и рассмеялись.

Такси брать не стали, а поехали домой (к тете) на метро. В квартире Гуля, распотрошив свой чемодан, упорхнула в ванную, а я набрал рабочий телефонный номер родственницы, чтобы доложить о нашем приезде. Как и ожидал, она обрадовалась, даже хотела отпроситься с работы, чтобы достойно встретить и накормить нас после дальней(!) дороги и долго инструктировала, что мы можем поесть, где что лежит . . .

Наконец, я положил трубку и остановился в коридоре перед дверью в ванную, за которой призывно шумела вода. Представил, как струи воды стекают по совершенному девичьему телу,

омывают небольшую упругую грудь, стекают в ложбинку между грудей на плоский животик и стремятся к треугольнику волос внизу живота.

Стиснув зубы от желаний, скинул в комнате верхнюю одежду, метнулся назад и открыл незапертую дверь.

– Вообще-то я хотела помыться, – упрекнула подружка, но лукавая улыбка говорила об обратном. – Похоже, я тебя достаточно изучила, чтобы угадывать твои желания, – сообщила с поощрительной улыбкой, отодвинув занавеску и пропуская меня к себе.

В нетерпении обнял желанное тело, трясаясь от возбуждения и впился в губы поцелуем. Потом развернул и прохрипел:

– Наклонись, – и нетерпеливым толчком вошел в нее.

Так под струями горячего душа, кончил почти сразу два раза. Сам подобного подвига от себя не ожидал. Единственное неудобство испытывал – слишком горячая вода. Не люблю такую температуру, а Гуля наоборот, чувствовала себя вполне комфортно в кипятке. В процессе нашего соития, она с улыбкой и готовностью подстраивалась под мои движения, стараясь доставить мне максимальное наслаждение и похоже получала его сама.

Потом, плескались и дурачились под душем, пока она не прекратила баловство, помогла мне спокойно омыться и выпроводила из ванной.

– Вдруг Светлана Викторовна явится с работы! – шепнула предусмотрительная подружка.

Пока я одевался, ставил чайник и ждал на кухне любимую, она долго приводила себя в порядок, сушила волосы, причесывалась и наводила макияж.

– Какой я счастливый! – признался, когда она, ослепительно выглядывшая появилась на кухне с радостной улыбкой.

Никогда не знал, ни сейчас, ни в будущем – как надо вести себя с девушками. Стоит ли их баловать искренними признаниями? Не испорчу ли их откровенностью? Возомнит о себе Гулька невесть что...! «Чем меньше женщину мы любим, тем легче нравимся мы ей...» Но я действительно был счастлив и не хотел думать о серьезных вещах.

Гуля, поощрительно улыбнулась, довольная моим признанием, легко подтолкнула к стулу, и сама начала разливать кофе и готовить бутерброды. К сожалению, молока в холодильнике не оказалось.

– Не ждала тетя нашего быстрого приезда, – предположил я, ответив на невысказанный вопрос подруги. – Потом сами купим. – Куда поедем сначала? К тебе или в Политех? Или каждый в свое? – поинтересовался, отпивая черный кофе.

– Поехали к тебе вместе. Посмотрю, как все устроено, – ответила она, намазывая масло на ломтик батона и протягивая мне.

Политехнический институт представлял комплекс старинных зданий со сложной архитектурой. Возле круглого, похожего на граненый стакан, но с окнами здания Приемной комиссии, толпились абитуриенты и их родители. Прошел с Гулей внутрь, испытывая непонятное волнение. На первом этаже кучковались поступающие у стенда с какой-то информацией, и Гуля потянула меня туда. Отрицательно мотнув головой направился по маршруту, указанным стрелками на стенах и подписями «Приемная комиссия». В просторном помещении на втором этаже, заполненном будущими абитуриентами, их сопровождающими и столами с членами приемной комиссии нашел свой стол с табличкой – Факультет технической кибернетики. За столом сидел молодой парень и беседовал с какой-то девушкой, держа ее документы в руках.

Я отметил, что членами приемной комиссии были молодые ребята и девушки, вероятно студенты. Девчат было больше. Людей в возрасте, похожих на преподавателей или хотя бы на аспирантов в помещении вообще не было. Я удивился, что студентам доверили вести прием.

По-видимому, у девушки возле моего стола возникли проблемы с документами, и парень поднялся, посмотрел на нас, на Гуле за моей спиной задержал взгляд и вышел куда-то, позвав за собой девушку. Через некоторое время вернулся уже один, извинился, сел, протянул руку

за моими документами и еще раз мазнул взглядом по Гулиной фигуре. Похоже у моей красавицы-подружки могут возникнуть проблемы с озабоченными студентами. Может надо было настоять, чтобы она училась со мной? Хотя в педиатрическом институте, куда захотела поступать Гуля, девчонок на курсе должно быть большинство. Посмотрим.

С моими документами проблем не оказалось. Парень записал меня в какие-то журналы и, доброжелательно улыбаясь, протянул бланк заявления и анкету:

– Заполните, пожалуйста. Если возникнут вопросы обращайтесь.

– Местный? – поинтересовался, прочитав документы и, дождавшись моего кивка, констатировал-спросил:

– Значит общежитие не требуется? Послезавтра сможете получить экзаменационный лист. Он понадобится для прохода на консультации и на вступительные экзамены. – Внизу можете ознакомиться с интересующей вас информацией, – равнодушно произнес и перевел взгляд на Гулю.

– Я не к вам, – улыбнулась она и развернулась к выходу.

Я заметил, как парень сник, а приветливая улыбка сменилась разочарованной гримасой.

На первом этаже протолкавшись через возбужденную толпу абитуриентов и их сопровождающих, выяснил, что экзамены в Политех начнутся только в августе. Вот это номер! Откуда я взял про июль? По-видимому, из памяти. Кандидаты в военное училище приглашались на вступительные экзамены в начале июля, а я так же предположил и про будущих студентов. Придется планы пересматривать.

Значит Эдик на днях отправится в Учебный Центр на полигон для сдачи зачетов и экзаменов, а вернется только в конце августа. Закроют бедолагу за глухими стенами и строгой охраной и увидеть друга можно будет только во время коротких встреч на КПП, да и то не факт. Не наездишься. Решил, что надо увидеться с другом до его отъезда.

Я потолкался в толпе других любопытных и послушал разговоры. Большинство выглядело испуганными, нервно сжимали сумки и документы в руках, также, как и я прислушивались к разговорам, но были и те, кто с превосходством поглядывал по сторонам, снисходительно улыбаясь. Были и знатоки, которые знали про вступительные экзамены прошлого года. Выйдя на улицу, вздохнул.

– Оказывается, что вступительные экзамены буду сдавать в августе. Ты как? – поинтересовался у Гули.

– Что-то волнуюсь, – призналась. – Народа много, а про август я знала, но думала у тебя по-другому. Это у тех, кто поступает в университет – экзамены в июле.

– В военных училищах тоже в июле. Надо на днях с другом из Петродворца встретиться, – запланировал вслух. – Прорвемся, – заверил. – Поехали в твой институт.

Подружка, не ответив, тоже вздохнула и кивнула.

У Гули тоже не возникло проблем с документами. Все было почти также как в Политехе, только большинство абитуриентов и членов Приемной комиссии были девчонки и анкету заполнять не пришлось. Вероятно, для приемной комиссии Политеха были важны некоторые скользкие вопросы, касающиеся увлечений кандидата, его родителей, национальности, судимости и другие пункты анкеты. Хотят сохранить секреты от возможных эмигрантов?

В Педиатрическом институте я и редкие ребята выделялись среди девчонок и привлекали девичьи взгляды. Обратил внимание на одного заметного парня, который обаятельно улыбаясь, пытался кокетничать со студенткой из Приемной комиссии, принимающей документы. Он вел себя очень самоуверенно в отличие от других абитуриентов, с превосходством поглядывал по сторонам и чего-то с улыбкой внушал ей, а она, старательно хмурясь пыталась занести его данные в свои документы. Высокий, стройный, элегантно одетый в коричневый, хорошо пошитый костюм, он выделялся и притягивал многие взгляды окружающих.

Мажор какой-то с «лапой», – мысленно отметил я недоброжелательно.

Наткнувшись на мой хмурый взгляд, парень замолчал недоуменно, задумался на мгновение и перевел взгляд на мою спутницу. При виде Гули, его глаза обрадованно вспыхнули, взгляд оценивающе облизал фигурку Гули, (как мне показалось), и он снова повернулся к столу и студентке.

Похоже, что желающих поступить на лечебный факультет Ленинградского Педиатрического института было больше, чем в мой институт.

– Будем ходить на консультации или домой поедем? – спросил у Гули по дороге к метро.

– А ты сам, как думаешь? – по-женски передоверила вопрос мне.

– С одной стороны надо бы, вдруг чего новое услышим, а с другой..., – задумался. – Ладно, – махнул рукой, – пару дней есть, решим.

Когда возвращались в переполненном вагоне метро домой в час пик, я в очередной раз убедился, что Гулька притягивает мужчин и требует дополнительной защиты, хотя и способна постоять за себя. Вот это удивило, так как не подозревал об этом.

В вагоне метро пришлось стоять в плотной толпе пассажиров, держась за руки. Почти перед самой высадкой на Московском Проспекте я заметил, что Гуля недовольно покосилась за спину, а потом неожиданно ударила локтем назад в пузо прилично одетого мужика, стоящего за ней. Тот хекнул и попытался согнуться, навалившись на подругу. Я не сразу понял, что происходит, а сообразив, коротко ударил того в печень. Мужик вскрикнул и, сложившись лег на пол. Испуганные пассажиры отпрянули, глядя вниз на скрючившегося мужчину и загомонили.

Мы выскочили в числе первых из вагона, и я расхохотался. Гулька удивленно смотрела на меня. Наверное, решила, что умом тронулся.

– А..., если..., мы ошиблись...? И... это не извращенец? – наконец смог я выговорить.

Теперь хохотали вдвоем, не обращая внимания на удивленных окружающих.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.